

**ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОХОДНЫХЪ ЗАПИСОКЪ
О ВОЙНѢ ВЪ ПОЛЬШѢ ВЪ 1831 ГОДУ.**

Не всякое лыко в строку.
Пословица.

Война съ Польшей въ 1831 году, знакома нашей русской публикѣ только въ весьма общихъ и довольно смутныхъ очертахъ. На русскомъ языкѣ не только не существуетъ вполне удовлетворительнаго полнаго описанія этой войны (*), но мы даже не можемъ указать на частныя записки и мемуары, которые могли бы хотя нѣсколько ознакомить съ этой, полной живаго интереса, страницей нашей военной и политической исторіи.

Вотъ причина, побудившая насъ напечатать предлагаемыя выдержки изъ нашихъ походныхъ записокъ о войнѣ 1831 года. Предупреждаемъ читателя, что эти записки далеко не исторія, даже не такой трудъ, который могъ бы послужить матеріаломъ для будущаго русскаго историка Польской войны. Это просто собраніе нѣсколькихъ частныхъ эпизодовъ, въ которыхъ мы были дѣятелями или свидѣтелями. Но, при бѣдности нашей военной литературы относительно эпохи, о которой мы желаемъ гово-

(*) «Въ Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ» помѣщено описаніе Польской войны, но далеко не достаточно полное.

рять съ читателемъ, можетъ быть, и предлагаемое извлеченіе изъ нашихъ походныхъ записокъ не будетъ лишено занимательности. Если мы въ этомъ возрѣніи ошиблись, то напередъ просимъ извиненія читателей «Военнаго Сборника».

Писатель неопытный и не искусившійся въ литературныхъ трудахъ, мы просимъ читателя перечестъ поговорку, поставленную въ эпиграфъ нашей статьи, и примѣнить ее, въ настоящемъ случаѣ, къ дѣлу.

I.

Въ октябрѣ 1830 года, Конно-Егерскій полкъ, въ которомъ я служилъ, квартировалъ въ Курской губерніи. Мы только что отбыли ежегодный урочный дивизионный кампанетъ и разошлись по деревнямъ на зимнія квартиры. Я съ полуэскадрономъ стоялъ отдѣльно въ большомъ богатомъ селѣ и совершенно былъ погруженъ въ распоряженія объ устройствѣ зимнихъ конюшенъ, цейхгаузовъ и прочихъ эскадронныхъ заведеній.

Квартира моя была въ простой крестьянской курной избѣ. Чтобы какъ можно удобнѣе устроиться на зимнее житье, я передѣлалъ огромную, неуклюжую русскую печь въ уютную голландскую, вынулъ полати, обилъ всю избу войлоками, вмѣсто лавокъ по стѣнамъ устроилъ сплошные диваны въ родѣ турецкихъ и раздѣлил избу глухой ширмой на двѣ комнаты. Квартиру свою я украсилъ, по возможности, коврами, занавѣсками и кое-какой мебелью. Время мое проходило въ служебныхъ занятіяхъ, въ чтеніи *Московскаго Телеграфа* и *Сѣверной Пчелы*, лучшихъ въ то время—журнала и газеты, и въ посѣщеніи двухъ, трехъ знакомыхъ помѣщичьихъ домовъ по сосѣдству. Скучать было некогда. Своєю судьбою я былъ совершенно доволенъ, придерживаясь правила вообще всѣхъ армейскихъ офицеровъ: довольствоваться тѣмъ, что есть,—правила, извлеченнаго изъ лучшаго между всѣми курсами—курса практической жизни. Поэтому хатку свою, какъ Диогенъ бочку, я считалъ эдемомъ, въ которомъ замкнуто все мое благополучіе и въ которомъ я надѣялся провести наступившую зиму, до весенняго сбора полка, въ мирѣ и тишинѣ.

Не такъ, однакожъ, вышло.

Въ одно пасмурное, настоящее октябрьское утро, проснувшись около восьми часовъ, когда въ моей комнаткѣ царствовалъ еще самый романтическій сумракъ, я увидѣлъ, что на дворъ ко

мнѣ влетѣлъ сломя голову верховый солдатъ, въ шинелѣ, при саблѣ, съ сумкой на груди, весь мокрый и обрызганный грязью.

Нетрудно было угадать, что приѣхавшій солдатъ былъ съ конной летучей почты, которую кавалерійскіе полки постоянно содержатъ у себя, для взаимныхъ сношеній съ эскадронами. Этихъ солдатъ называютъ въ полкахъ *почтовыми*. Удержимъ это названіе и въ нашемъ разсказѣ.

Почтовый, подѣхавъ къ крылечку избы; началъ мѣшковато слѣзать съ лошади, до того загрязненной, что она казалась вылитой изъ бронзы. Почтовый ворчалъ себѣ что-то подъ носъ и замѣтно былъ въ дурномъ расположеніи духа. Онъ очень невѣжливо выбранилъ свою лошадь и дернулъ поводомъ, безъ всякаго видимаго съ ея стороны проступка.

— Чортъ ты, а не лошадь, прости Господи! сказалъ онъ въ заключеніе: — на живодерню бы тебя!

Очевидно, что не лошадь была главной причиной негодованія солдата, а просто на просто скверная, дождливая погода, пробравшая его до костей.

Появленіе почтоваго въ эскадронѣ—дѣло весьма обыкновенное: всякое приказаніе изъ полковаго штаба пересылается по летучей почтѣ; но появленіе почтоваго въ офицерской квартирѣ, что бываетъ только въ экстренныхъ случаяхъ, потому что всѣ приказы отвозятся къ вахмистру и отъ него уже восходятъ по принадлежности, а главное—стремительное вторженіе почтоваго ко мнѣ во дворъ, предвѣщало что-то особенное.

Подстрекаемый нетерпѣніемъ и любопытствомъ, я нарушилъ принятый въ военной службѣ этикетъ, предписывающій офицеру сохранять всегда передъ солдатами подобающую величавость, и выбѣжалъ въ сѣни.

Почтовый уже рассчитался окончательно съ своею лошадью, оправился, сколько позволила возможность, и всходилъ на крылечко.

— Что это? спросилъ я, увидя, что почтовый держитъ въ рукѣ какіе-то пакеты.

— Къ вамъ, г. штабсъ-капитанъ! изъ *штату*, *летучка*.

Было одно время, когда солдатамъ нашимъ приказано было титуловать офицеровъ не благородіемъ и высокоблагородіемъ, какъ у насъ это издавна ведется, а по чинамъ, то есть г. полковникъ, г. капитанъ, г. прапорщикъ.

Почтовый подалъ мнѣ два пакета. Къ одному былъ припечатанъ обрывокъ гусиного пера. Это была *летучка*. Во второмъ конвертѣ были газеты.

Отпустивъ тотчасъ же почтового къ вахмистру отогрѣться, обсушиться и покормиться, я, немедленно, принялся за чтеніе *депешъ*.

Это было предписаніе полковаго командира, для выигранія времени, прямо на мое имя: чтобы я, съ *полученія сего* (техническое выраженіе), выступилъ съ полузэскадромъ и слѣдовалъ въ полковой штабъ, оставя на мѣстѣ всѣ лишнія тяжести и взявъ только необходимое для *дальнаго похода*.

Еслибъ въ ту минуту обрушился передо мной потолокъ, я былъ бы меньше изумленъ этимъ разрушеніемъ моего обиталища, чѣмъ неожиданнымъ извѣстіемъ, которое привезла *летучка*.

Внезапно быстрое выступленіе встревожило меня чрезвычайно. Войска на постоянныхъ квартирахъ, особенно кавалерія, заводятся всегда *домкомъ*. Поэтому не удивительно, что поспѣшное выступленіе отуманило меня. Въ то спокойное время, мы понятія не имѣли о дальнихъ походахъ. Въ продолженіе пятнадцатилѣтняго мира (съ 1815 по 1830 годъ), полкъ нашъ слѣлалъ только два похода, верстъ по двѣсти каждый, при перемѣщеніи съ однихъ квартиръ на другія. Затѣмъ единственными передвиженіями его были весенніе и осенніе сборы, для смотровъ. Въ кампаніяхъ Персидской 1826 и Турецкой 1828 и 1829 годовъ, онъ не участвовалъ. Полкъ былъ наполненъ офицерами молодыми, неопытными, совершенно незнакомыми съ военнымъ дѣломъ даже теоретически; о практическомъ знаніи нечего и говорить: не было ни одного штабъ-офицера, участвовавшаго въ какой либо войнѣ. Самъ даже полковой командиръ имѣлъ о ней понятіе, почерпнутое только изъ книгъ. Готовиться же къ войнѣ въ мирное время у насъ тогда и въ помышленіи не было: все наше вниманіе было поглощено смотрами и парадами, а верхъ тактическаго искусства заключался въ томъ, чтобы не сдѣлать ошибки на полковомъ ученьѣ. Слѣдовательно, выступить съ *полученія сего*, да еще сарядясь, какъ сказано было въ предписаніи, въ *дальній походъ*, мнѣ казалось рѣшительно невозможнымъ.

Однакожь, раздумывать было некогда: роковая *летучка*, на скверной, желто-сѣрой бумагѣ, лежала передо мной и, какъ кошмаръ въ тревожномъ снѣ, неотвязно лѣзла въ глаза.

Прежде всего мнѣ пришло на мысль съѣздить къ эскадронному командиру. Но когда я сообразилъ, что мнѣ нужно прогнаться двадцать-пять верстъ по отвратительной проселочной дорогѣ, на тощихъ обывательскихъ клячахъ, по страшнѣйшей грязи, когда вычислилъ, что, при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, я промаюсь цѣлый день только до эскадроннаго двора, слѣдовательно, назадъ ирѣду передъ самымъ выступленіемъ полузэскадрона, которое необходимо было назначить не позже слѣдующаго утра, и что ко времени моего возвращенія всѣ распоряженія по хозяйству во взводахъ будутъ уже кончены, то мнѣ естественно представился вопросъ: зачѣмъ же ѣздить? поговорить, отвести душу? еще наговоримся: черезъ три дня всѣ будемъ вмѣстѣ; до полковаго штаба я долженъ былъ сдѣлать только два перехода.

Итакъ, я рѣшился не ѣздить къ своему командиру и распорядиться всѣмъ по *собственному* усмотрѣнію, надѣясь, не безъ основанія, что командиръ мой, какъ добрый товарищъ и приятель, одобритъ всѣ мѣры, которыя я заблагоразсужу привести въ исполненіе.

По отданіи всѣхъ приказаній, для чего потребовалось часа четыре времени, я принялся отыскивать ключъ къ тому необычайному событію, какое привезла *летучка*, то есть къ походу. Ключъ могъ отыскаться только, какъ я думалъ тогда по своей незрѣлости, въ газетахъ. Впослѣдствіи я убѣдился, что въ тогдашнихъ нашихъ газетахъ именно ключа-то къ политическимъ происшествіямъ никогда и не находилось.

Тщетно я перечиталъ всѣ три листка газеты, начиная отъ оглавленія статей до приговора цензора: «печатать дозволяется»: никакая свѣтлая мысль не озарила мрака моихъ предположеній и догадокъ. Въ газетахъ, по обыкновенію, повторялось одно и то же *pro* и *contra*, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. И теперь, по прежнему, писали объ алжирской экспедиціи Французовъ, о послѣдствіяхъ июльской революціи въ Парижѣ, объ избраніи Франціею новаго короля, о смутахъ въ Бельгіи, — словомъ, обо всемъ томъ, о чемъ уже писали три мѣсяца назадъ и что уже было не только не ново, но отчасти и забыто.

— Чтожь это значитъ? разсуждалъ я самъ съ собой. — Куда же мы пойдемъ? Ужь не во Францію ли?....

При этой мысли у меня, отъ радости, забилось сердце.

Надобно сказать, что мы, молодые военные люди того времени, страстно желали войны, но войны непременно европейской. Прошедшія передъ нашими глазами войны: Персидская и Турецкая, казались намъ лишенными всякой прелези, въ особенности мнѣ, еще въ юности восхищавшемуся подвигами нашихъ войскъ въ Германіи и Франціи, — мнѣ, у котораго замиралъ отъ восторга духъ при воспоминаніи, что наши были въ Парижѣ: мнѣ пламенно хотѣлось воевать во Франціи.

II.

29 октября 1830 года, полкъ нашъ выступилъ въ походъ къ западнымъ границамъ имперіи. Маршрутъ былъ данъ въ мѣстечко Киселинъ, Волынской губерніи; дальнѣйшее направление было неизвѣстно. Носился темный слухъ, что насъ поведутъ въ Бельгію, для поддержанія правъ нидерландскаго правительства, отъ котораго Бельгія тогда только что отпала.

Мы выступили въ порядкѣ, съ бодрымъ, веселымъ духомъ.

За два дня до выступленія, мнѣ поручили командованіе эскадрономъ, составившимъ, по крайней мѣрѣ въ мое время, предметъ честолюбивыхъ мечтаній и надеждъ фронтоваго армейскаго офицера.

Тогда надъ Россіей тяготѣло страшное, неотразимое бѣдствіе — холера. Она впервые явилась въ европейскихъ предѣлахъ и, охвативъ уже полгосударства, ознаменовала свое появленіе десятками тысячъ жертвъ. Холера, еще вовсе не понятая, въ предотвращеніе которой не вмѣли ни испытанныхъ лекарствъ, ни испытанныхъ предосторожностей, навела всеобщій ужасъ.

На границѣ Черниговской губерніи, куда еще холера не проникла, полкъ остановился, для выдержанія карантинной *обсервации*. Карантины были повсемѣстно учреждены, такъ какъ холера считалась болѣзнію столь же прилипчивою, какъ чума, и никакія предосторожности не считались въ то время излишними.

На границѣ Киевской губерніи остановили насъ опять, для выдержанія второй *обсервации*.

Быль декабрь въ началѣ. Уже шесть дней стояли мы по большимъ глухимъ деревнямъ близъ Днѣпра. На седьмой, часовъ въ девять утра, поѣхалъ я верхомъ, отъ скуки, а больше для узнанія новостей, въ полковую штабъ, верстъ за пять, къ

пріятелю своему и земляку, нашему полковому казначею. Мы пообѣдали въ пріятельскомъ кружку и послѣ обѣда усѣлись за вистъ. Вдругъ вбѣгаетъ, впопыхахъ, писарь.

— Г. поручикъ! сказалъ онъ, обращаясь къ моему пріятелю-казначею: — сейчасъ приказано выступать.

— Какъ выступать? сейчасъ? ожоро ночь!

— Велѣно сейчасъ. Я былъ въ полковой канцеляріи, и при мнѣ послали въ эскадроны приказы по летучкѣ.

— Куда жъ выступать?

— Адъютантъ изволили говорить, что въ походъ-сь; дальше, стало быть.

Мы захлопотали. Бесѣда наша внезапно рушилась. Я прѣстился съ товарищами, сѣлъ на коня и отправился въ эскадронъ.

Дорогой я старался разрѣшить свое недоумѣніе: почему намъ велѣно тотчасъ выступить? мы даже и *обсервации* не кончили. Оставаясь еще подъ преобладающимъ вліяніемъ мирнаго направленія, я находилъ такое суетливое распоряженіе очень неосновательнымъ. Я боялся за сытость лошадей.

Въ верстѣ отъ деревни встрѣтилъ меня конный вѣстовой моего эскадрона, нарочно ко мнѣ посланный. Онъ подалъ мнѣ приказъ, которымъ предписывалось выступить какъ можно *наипоспѣшнѣе* и прибыть къ Днѣпру на переправу въ девять часовъ слѣдующаго утра.

Я поскакалъ въ эскадронъ. Уже было четыре часа; приближалась ночь — какіе дни въ декабрѣ!

Отъ переправы черезъ Днѣпръ я квартировалъ въ тридцати пяти верстахъ. Рассчитывая, что на переходъ этого разстоянія мнѣ слишкомъ достаточно будетъ двѣнадцати часовъ, я назначилъ выступленіе въ девять часовъ вечера.

Началась суматоха. Надобно было отправить квартиргеровъ, взять квитанцію, подводъ (мы все еще были на мирномъ положеніи), распорядиться продовольствіемъ людей и въ особенности лошадей. Въ кавалеріи лошадь болѣе озабочиваетъ эскадроннаго командира, нежели человекъ: человека легче накормить, чѣмъ лошадь; человекъ и самъ позаботится о себѣ, можетъ сказать, что ему нужно, о лошади же необходимо особенное попеченіе.

Къ девяти часамъ, однакожъ, управились: квартиргеровъ отправили во-время, взяли квитанцію, подводъ. Все это легко

сказать, но сдѣлать!... Кто самъ командовалъ эскадрономъ, тотъ знаетъ, легко ли это дѣлается, особенно походомъ.

Въ назначенный часъ я выступилъ. Шелъ всю ночь, — декабрьскую, туманную, холодную ночь! грязь, слякоть — несносно!

День засталъ меня въ восьми верстахъ отъ переправы. Непривыкшія къ труду лошади утомились порядочно. Но я пришелъ на пунктъ переправы въ половинѣ девятаго.

На переправѣ встрѣтилъ меня полковникъ, пріѣхавшій впередъ, для надзора за порядкомъ. Полковникъ приказалъ мнѣ остановиться у Краснаго Трактира (на берегу Днѣпра), размундштучить и покормить лошадей.

Людямъ я велѣлъ купить водки и булокъ, которыхъ навезли изъ Кіева множество. Самъ я кое-чего перехватилъ въ Красномъ Трактирѣ.

Днѣпръ еще не покрывался льдомъ; но мостъ уже былъ снятъ, потому что вода сильно прибывала. Переправа была неудобна. Полкъ перевозили на шести большихъ паромехъ, на каждый становилось до семидесяти лошадей, такъ что въ два рейса переправлялся цѣлый полкъ; но эти рейсы, съ посадкою и высадкою войскъ, продолжались каждый почти по четыре часа. Въ день только и могъ переправиться одинъ полкъ. Паромы большіе, неходкіе, двигались медленно, на веслахъ. Сначала забирали на полверсты вверхъ противъ течения и потомъ пускались черезъ рѣку. Днѣпръ широкъ и быстръ чрезвычайно. Сильный вѣтеръ еще болѣе затруднялъ переправу.

Когда я пришелъ къ Днѣпру, три эскадрона нашего полка уже становились на паромы. Я долженъ былъ переправиться во второй очереди и начать переправу не ранѣе часа пополудни.

Часовъ въ десять пріѣхалъ на переправу бригадный командиръ. Увидѣвъ на берегу огромную фалангу нашихъ эскадронныхъ обозовъ, онъ тотчасъ же приказалъ все уничтожить и, кромѣ офицерскихъ повозокъ, не имѣть при эскадронахъ ни одной обывательской телѣги.

— Да и офицерскія повозки, добавилъ генералъ: — дозволяется имѣть до тѣхъ только поръ, пока не построятся выюки.

Это приказаніе чрезвычайно взволновало меня—не за себя: у меня была повозка и готовились выюки, но за своихъ солдатъ. Въ это время подошелъ ко мнѣ полковой адъютантъ.

— Вы, кажется, недовольны, капитанъ, спросилъ онъ: — приказаніемъ уничтожить обозы?

— Да, недоволенъ! отвѣчалъ я еще подъ вліяніемъ досады: — посмотрите, куда все это дѣнута бѣдные солдаты?... да скажите, пожалуйста, что за экстренность такая? Или уже Французы подступили къ Кіеву и мы завтра въ дѣло?...

— Завтра не завтра, а, кажется, будетъ дѣло, возразилъ адъютантъ таинственно: — что-то есть, и очень важное; но навѣрное еще ничего не могу сказать. Отсюда мы ѣдемъ съ полковникомъ въ главную квартиру, гдѣ пробудемъ нѣсколько дней. Я извѣщу васъ на дняхъ обо всемъ, что узнаю.

Въ такомъ случаѣ нечего и толковать. Я поблагодарилъ адъютанта за его любезную предупредительность, а самъ сталъ распоряжаться. Надежда на войну тотчасъ же утишила мое негодованіе.

Я приказалъ снять съ повозокъ солдатскіе мѣшки и распаковать; необходимое положить на сѣдла, а остальное—въ Днѣпръ!

Какъ вахмистры мои ни сѣтовали на эту мѣру, но обойти ее какимъ либо образомъ было для нихъ невозможно, потому что я велѣлъ при себѣ разбивать мѣшки и объявилъ, что самъ буду назначать, что брать и что бросать.

Съ большимъ сокрушеніемъ солдаты мои принялись за истребленіе своего имущества. Но, по мѣрѣ опустошенія мѣшковъ, сожалѣніе мое къ этому жертвоприношенію становилось слабѣе и слабѣе. Я увидѣлъ, какою невообразимою дрянью были набиты солдатскіе мѣшки. Ихъ наполняли: доскутья сукна и холста, обрѣзки кожи, поношенные дырявыя перчатки, старыя голенища, истасканные жилеты, пуговицы, пряжечки, колечки, гвоздочки, кусочки обоевъ и тому подобный хламъ; но все это, конечно, было дорого для солдата, потому что составляло его собственность, собранную рачительнымъ трудомъ.

Когда вся рухлядь была рассортирована, я велѣлъ выбросить нѣсколько возовъ дряни въ Днѣпръ. Солдаты исполнили это съ глубокою скорбью.

Въ утѣшеніе солдатъ за потерю ихъ сокровищъ, я сказалъ имъ нѣсколько словъ о необходимости такой жертвы и велѣлъ дать имъ по стакану водки.

Послѣ чарки, они забыли на половину свое горе. Впрочемъ, у нашихъ солдатъ таковъ духъ: прикажутъ, такъ онъ и съ жизнью разстанется безъ особенной печали.

Кто подъѣзжалъ къ Кіеву съ сѣверной стороны, тотъ знаетъ, на какой живописной мѣстности раскинуть этотъ издревле знаменитый городъ, бывший свидѣтелемъ и великой славы и тяжкаго порабоженія Россіи. Вѣроятно, каждый знакомый съ исторіею Кіева, глядя изъ-за Днѣпра на его златоверхіе храмы, гордо возносящіе въ небо свои главы, не разъ задумывался надъ превратной судьбой этого достопамятнаго, *святаго града*, колыбели нашего обширнаго отечества. Я много разъ бывалъ въ Кіевѣ, но каждый разъ, подъѣзжая къ нему изъ-за Днѣпра, благоговѣнно проникаю мыслью въ его вѣковую, маститую древность, а взоромъ люблюсь на его настоящую величавую красоту.

И теперь, погружаясь въ задумчивость, я долго любовался Кіевомъ и потомъ долго смотрѣлъ, не отводя глазъ, на его угрюмыя твердыни, хорошо мнѣ знакомыя, мрачныя стѣны которыхъ я оставилъ только годъ тому назадъ...

Въ часъ пополудни, эскадронъ мой началъ устанавливаться на паромы. Переправа была не безопасна. Осенній, порывистый вѣтеръ разсердилъ Днѣпръ не на шутку. Почернѣвъ отъ злости, онъ бушевалъ всею своею мочью; но, вѣроятно, по причинѣ быстрого своего теченія, онъ не волновался, какъ другія большія рѣки, ровными валами, а какъ-то своеобразно кидался снизу вверхъ: то поднимался холмами, какъ-будто дышалъ тяжело, то ниспадалъ въ глубокія котловины. Судоходцы подобное качанье очень выразительно называютъ *толчеей*. И точно, паромы наши, хоть они были и велики, толкло и подбрасывало порядкомъ; а непривыкшія къ подобнымъ путешествіямъ лошади, дрожа отъ страха, билась и металась по парому. Отъ толкотни, паромы такъ иногда накренились, что я опасался, что ихъ захлеснетъ волной.

Однакожъ, часовъ около четырехъ дня, я былъ уже за Днѣпромъ и весело, съ пѣсенниками, вступалъ въ Кіевъ. Пѣсенниковъ былъ у меня большой, и очень хорошей хоръ, снабженный всѣмъ, что утѣшаетъ солдатъ: рожками, бубномъ, тарелками и прочимъ. Около пѣсенниковъ толпилась куча мальчишекъ и другихъ ротозѣевъ, что меня чрезвычайно забавляло. Впрочемъ, тутъ было и тщеславіе съ моей стороны: я зналъ, что у меня пѣсенники хороши, и не упустилъ случая похвастаться ими гдѣ было можно.

Съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ я по сторонамъ, отыскивая глазами своего квартиргера, въ полной увѣренности, что черезъ три-четыре версты отъ города будетъ почлегъ. Но вмѣсто квартиргера встрѣчаю вѣстоваго изъ полковой канцеляріи, съ приказомъ идти до ночлега еще *тридцать-пять верстъ!*

У меня волосы дыбомъ стали. Извѣстно, какъ, въ мирное время, у насъ, въ кавалеріи, пѣжать и расслабляютъ безразсудной холей лошадей. Мы, эскадронные командиры, хотя слышали и догадывались, что походъ нашъ не совсѣмъ мирный, но все еще не могли отрѣшиться вдругъ отъ мирныхъ идей; все еще казалось намъ, что, можетъ быть, войны и не будетъ, но смотры и парады будутъ непремѣнно, гдѣ бы ни пришлось намъ остановиться. Поэтому весьма естественно, что мы крѣпко заботились о сытости и вѣшнемъ сбереженіи лошадей. Впрочемъ, и всякій сердобольный кавалеристъ, хотя бы онъ и понималъ вредную систему нашего времени истреблять лошадей излишней пѣгой, все-таки и онъ пришелъ бы въ ужасъ отъ семидесятиверстнаго перехода, по тяжелой, грязной дорогѣ, безъ приготовленій, почти съ мѣста, на сырыхъ, закармливаемыхъ лошадяхъ.

Съ досадою въ сердцѣ и почти со слезами на глазахъ пошелъ я далѣе. Теперь я совершенно понималъ, что не безъ причины засуетили насъ и повернули такъ круто; но какая это причина? Отчего адъютантъ ни слова не написалъ мнѣ съ этимъ вѣстовымъ? Впрочемъ, онъ, можетъ быть, и самъ еще ничего не успѣлъ узнать. Тщетно я терялся въ догадкахъ — любопытство мое только больше и больше раздражалось.

Ночь застала меня верстахъ въ десяти за Кіевомъ, — декабрьская, холодная ночь! вѣтеръ пронизывалъ насквозь. Но уже отраднo было и то, что не было дождя и не лила вода за шею.

Этотъ ночной переходъ, послѣ безсонно проведенной ночи, меня безпокоилъ тѣмъ, что люди будутъ дремать и, качаясь на сѣдлѣ, посадятъ лошадей. Поэтому я приказалъ идти всѣмъ вольно, вразсыпную и непремѣнно разговаривать, пѣть или рассказывать сказки и побасенки. Я самъ разѣзжалъ между рядами, болталъ съ солдатами и внимательно наблюдалъ, чтобы нигдѣ отнюдь не молчали. Если солдатъ примодкъ, онъ, навѣрное, спитъ сидя на лошади. Распоряженіе это напоминало мнѣ извѣстную строфу изъ «Онѣгина»:

«И хоромъ по наказу пѣли —
Наказъ, основанный на томъ,

Чтобъ барской ягоды тайкомъ
Уста лукавыя не ѣли.»

Въ одиннадцать часовъ прошелъ я Бѣлогородку, гдѣ, во времена княженія Владимірова, были его увеселительные дворцы и гдѣ, въ часы отдохновенія и веселья, раздавался звонъ тяжелыхъ стопъ, наполнявшихся шипучимъ медомъ и смиренною мальвазією. Въ преувеличивающемъ всѣ видимые предметы ночномъ мракѣ, Бѣлогородка показалась мнѣ необыкновенною. Ея гористая мѣстность, ущелье, гдѣ пролегла дорога, представлялись чѣмъ-то въ родѣ Казбека или Монблана. Воображеніе мое перенеслось въ туманъ волшебной старины, за восемь столѣтій назадъ, и я мечталъ, что на вершинахъ этихъ горъ вижу вышки и терема Владиміровы, въ которыхъ обитали его молодцы, прекрасныя жены... Словомъ, я бредилъ наяву.

Въ два часа ночи прибился я къ своему ночлегу. Это была бѣдная господская деревушка. Солдатамъ нечего было даже поужинать. Въ девять часовъ слѣдующаго дня опять въ походъ. И такъ день за днемъ. Тщетно я рассчитывалъ на дневку: насъ вели съ какой-то лихорадочной поспѣшностію, безъ отдыха. Въ недѣлю я прошелъ двѣсти-восемьдесятъ верстъ. Кто дѣлалъ походы, тотъ знаетъ, какъ велика эта быстрота.

Въ Житомирѣ, эскадронъ мой смотрѣлъ корпусный командиръ, недавно къ намъ назначенный. Смотръ былъ домашній, безъ парада. Когда я подходилъ къ Житомиру, меня встрѣтилъ вѣстовой, съ запиской отъ адъютанта, предупреждавшаго меня о смотрѣ.

Остановясь у заставы, оправясь и очистивъ съ себя и людей налипшіе слои грязи, я вошелъ въ городъ, небольшой, некрасивый, наполненный Жидами. Я не могъ представить себѣ, чтобъ могли быть такіе бѣдные губернскіе города.

Эскадронъ у меня былъ недурной: люди имѣли осанку смѣлую; лошади, несмотря на форсированные переходы, шли бодро.

Корпусный командиръ стоялъ на крыльцѣ своей квартиры съ небольшою свитой и ждалъ меня.

Удалой мой конь, но всегдашней своей привычкѣ, завидя начальство, сталъ рисоваться: послѣ нѣсколькихъ лансадей, онъ, какъ разъ противъ корпуснаго командира, выкинулъ самый ловкій пируэтъ (повернулся кругомъ на заднихъ ногахъ).

Корпусный командиръ, увидя гарцованье моей лошади, вскрикнулъ занальчиво:

— Г. офицеръ! не шалите на своей лошади! Я вамъ говорю, г. офицеръ, не шалите на лошади!

Но лошадь моя нисколько не помышляла о повиновеніи, и во все время, пока проходилъ эскадронъ справа по три, она, стоя возлѣ корпуснаго командира, взвивалась надъбы и выдѣлывала разные штуки, къ невыразимой моей досадѣ.

Эскадронъ прошелъ.

— Эскадронъ въ порядкѣ, сказалъ корпусный командиръ:— благодарю; но лошадь ваша не годится: она слишкомъ бѣшена.

Наконецъ намъ позволили передневать. На дневкѣ я получилъ записку отъ адъютанта. Она объяснила причину нашего летучаго движенія: въ Варшавѣ бунтъ, и мы идемъ усмирять возстаніе.

Итакъ, война! предѣлъ всѣхъ стремленій военнаго человѣка. Мысль о войнѣ какъ-то особенно настроивала и возвышала мой духъ. Теперь я только одного и желалъ — скорѣе въ дѣло. Меня жгло любопытство, мнѣ хотѣлось извѣдать на опытѣ: что такое война,—война, о которой я мечталъ еще съ пятнадцатилѣтняго возраста? что такое сраженіе? визгъ ядеръ? свистъ пуль?

За г. Луцкомъ, въ м. Киселинѣ, полкъ нашъ остановился, для приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ.

Составили армію, подъ названіемъ дѣйствующей. Главнокомандующимъ назначили фельдмаршала Дибича, чело котораго украшалось тогда свѣжими лаврами забалканскими. Побѣдная звѣзда Дибича ярко блистала по всей Россіи.

Общій восторгъ войскъ привѣтствовалъ новаго вождя, въ великія дарованія котораго всѣ искренно вѣровали.

Духъ въ войскахъ былъ необыкновенный, рвеніе сразиться съ врагомъ неудержимое. Негодованіе на Поляковъ за ихъ возстаніе раздѣляла вся армія, отъ генерала до солдата.

Уносясь въ міръ фантазій о предстоящей войнѣ, я мечталъ о великихъ подвигахъ съ своимъ эскадрономъ: я разбивалъ цѣлыя польскіе полки; бралъ пушки, знамена; видѣлъ на себѣ штабъ-офицерскіе эполеты, три креста въ петлицѣ и одинъ на шеѣ; видѣлъ, какъ послѣ войны я возвращаюсь на родину, увѣнчанный лаврами, въ лучезарномъ сіяніи славы... видѣлъ и — увылъ...

Вдругъ получаю приказъ, что я предназначаюсь въ старшіе адъютанты корпуснаго штаба....

Я понятія не имѣлъ ни о какихъ штабахъ, всегда чуждался ихъ и обѣгалъ; поэтому можно повѣрить, какъ я былъ удивленъ и огорченъ павшимъ на меня выборомъ, о которомъ никогда ни одна мысль не западала въ мою голову. Я обрекъ себя на фронтную службу, которую несъ съ полною добросовѣстностію.

Съ сожалѣніемъ простился я съ своимъ дорогимъ эскадронномъ и со своими золотыми мечтами и отправился въ корпусную квартиру, которая была въ г. Луцкѣ. Во всю дорогу меня занимала мысль: по какому случаю я избранъ въ старшіе адъютанты, я, никому неизвѣстный и не имѣющій на малѣйшаго покровительства? Разумеетсяъ, я не нашелъ причины, сколько ни ломалъ себя голову.

По пріѣздѣ въ Луцкъ, я прежде всего явился къ дежурному штабъ-офицеру. По случаю войны, начальникъ штаба хотя и былъ назначенъ, но еще не пріѣзжалъ.

Дежурный штабъ-офицеръ принялъ меня весьма пріятливо.

— Вы, можетъ быть, жалѣете объ эскадронѣ? спросилъ онъ.

— Пожалѣлъ, полковникъ!

— Теперь вамъ предстоитъ служба, столько же, если еще не болѣе, полезная и видная. Эскадронныхъ командировъ у насъ много, и отличныхъ, а хорошихъ старшихъ адъютантовъ почти нѣтъ. Командовать эскадрономъ можетъ каждый офицеръ, знающій порядочно фронтъ, а старшаго адъютанта до сихъ поръ я не могъ выбрать себѣ въ сотрудники.

Я поклонился, въ знакъ благодарности за лестный отзывъ. Полковникъ продолжалъ:

— Здѣсь старшій адъютантъ очень добрый и усердный человекъ; но онъ самъ чувствуетъ неспособность свою къ дѣламъ и, конечно, не замедлитъ удалиться. На васъ я надѣюсь: я замѣтилъ любовь вашу къ литературѣ, знаніе языка, что для старшаго адъютанта необходимо....

— Извините, полковникъ, сказалъ я, краснѣя отъ похвалы:— что позволю себѣ сдѣлать вопросъ: гдѣ вы могли замѣтить все это? мнѣ казалось, что вы меня едва знаете.

— Извините, я знаю васъ лучше, чѣмъ вы думаете: я читалъ со вниманіемъ, даже съ удовольствіемъ, ваши отвѣтные пункты въ судную комиссію по дѣлу о дуэли; но это еще не все: я знакомъ и съ вашей *Лиліей*....

Вся кровь кинулась мнѣ въ лицо отъ этого неожиданнаго открытія. Такъ это ты, милая Лилія, подумалъ я, открыла мнѣ

путь къ должности, на которую всегда такъ много искателей! Ты даже составила мнѣ маленькую извѣстность.

Обстоятельство это необходимо объяснить.

Я содержался въ крѣпости. Случай этотъ описанъ въ статьѣ моей «Дуэль», напечатанной въ «Сѣверной Пчелѣ» 1858 года, №№ 1—9. Во время заключенія своего, чтобъ облегчить томившую меня скорбь, я искалъ развлечения въ занятіяхъ литературныхъ. По возвращеніи въ полкъ, я встрѣтилъ въ немъ двухъ новыхъ товарищей, прибывшихъ въ мое отсутствіе. Оба они страстно любили литературу и также пописывали.... Мы скоро подружились. Тогда въ русской литературѣ господствовала мода на альманахи, и мы вздумали составить свой *полковой альманахъ*. Сотрудниковъ явилось довольно. Я избранъ былъ редакторомъ. Такимъ образомъ, у насъ составилаея объемистая книжечка, наполненная разными статьями въ прозѣ и многими стихотвореніями. Съ общаго согласія, мы назвали ее *Лиліей* своего полка. Книжечку переписали, красиво переплели и, какъ редактору, отдали ее въ мое распоряженіе. Печатать же мы не только намѣренія не имѣли, но даже книжечку эту хранили, какъ тайну, въ своемъ литературномъ кружку. Но одинъ изъ нашихъ адептовъ, взявъ книжечку прочесть, завезъ ее въ губернской городъ, гдѣ была корпусная квартира, и выдалъ нашу тайну.... Измѣну свою онъ скрылъ отъ насъ, и я былъ убѣжденъ, что никто изъ постороннихъ о существованіи *Лилии* не знаетъ, какъ вдругъ такимъ непредвидѣннымъ случаемъ обнаружился предатель!

Но могъ ли я, сидя въ крѣпости и марая отъ скуки бумагу, предвидѣть, что это маранье сдѣлаетъ радикальный переворотъ въ моей службѣ?

Дежурный штабъ-офицеръ взялъ меня съ собой, чтобъ представить корпусному командиру, тому самому, который въ Житомирѣ распекъ меня за лошадь.

Какъ жертва на закланіе, шелъ я на представленіе это. Послѣ встрѣчи въ Житомирѣ, корпусный командиръ казался мнѣ страшнѣйшимъ. Какъ я буду служить при такомъ взыскательномъ, суровомъ начальникѣ, думалъ я, и какъ другіе служить при такихъ важныхъ лицахъ? какъ они ихъ не боятся? Мнѣ представлялась служба эта безконечною цѣпью принужденія и вытяжки. Но съ тѣмъ вмѣстѣ я видѣлъ, что дежурный штабъ-офицеръ шелъ къ генералу очень спокойно, безъ страха; по приходѣ въ квартиру корпуснаго командира, онъ прямо, безъ доклада, от-

правился къ нему въ кабинетъ, оставя меня въ залѣ. Стало быть, это не такъ страшно? Или эти избранники, что служатъ при большихъ лицахъ, одарены такими особенными способностями, что для нихъ служба эта вовсе не тяжела?

Мое невѣдѣніе скоро, однакожь, разрѣшилось: черезъ нѣсколько времени, когда я ближе узналъ эту военно-придворную службу, я увидѣлъ, что она хотя, точно, имѣетъ свои сноровки и требуетъ нѣкоторыхъ способностей и такта уживчивости, но особеннаго ничего.

Уединеніе мое въ залѣ было нарушено приходомъ какого-то генерала, въ золотомъ аксельбантѣ, высокаго ростомъ, съ смѣлымъ и рѣзкимъ выраженіемъ въ лицѣ. Я никогда не видалъ этого генерала, но догадался, что это Гейсмаръ, герой послѣдней Турецкой войны. Это былъ, дѣйствительно, онъ. Мнѣ очень понравилась его воинственная наружность. Не знаю, почему, въ его военной отвагѣ я находилъ что-то общее съ Мюратомъ... развѣ потому, что оба были до безразсудства храбры. Гейсмаръ, взглянувъ на меня и отвѣтивъ на мой поклонъ, быстро дрошеля также прямо въ кабинетъ корпуснаго командира. Тамъ громко заговорилъ онъ и говорилъ что-то долго.

Наконецъ потребовали и меня въ кабинетъ. Я вошелъ не совсѣмъ спокойно.

Убранство кабинета было самое бивуачное: ни одной вещицы, ничего не нужнаго. Корпусный командиръ былъ нездоровъ и лежалъ въ постели, въ халатѣ. Гейсмаръ и дежурный штабъ-офицеръ стояли вбани.

Я вошелъ, поклонился и остановился у двери.

Корпусный командиръ, приподнявшись немного на руку, сказалъ мнѣ ласково:

— Здравствуйте! Подойдите ближе. Фамилія ваша?

Я сказалъ.

Мнѣ рекомендовали васъ за хорошаго и способнаго офицера.

Я поклонился.

— Надѣюсь, что вы оправдаете рекомендацію. Намъ нуженъ старшій адъютантъ: согласны вы занять это мѣсто?

— За честь оставляю....

— Очень радъ! Такъ эта статья улажена; о другомъ и говорить нечего. Гдѣ вы воспитывались?

— Дома.

— Но это все равно; дѣло въ томъ, чтобъ мы нашли въ васъ надежнаго помощника.

— Приложу все стараніе.

— Очень хорошо! оставайтесь же здѣсь.... До свиданія!

Я ушелъ, восхищенный благосклоннымъ приѣмомъ. Теперь корпусный командиръ показался мнѣ совершенно другимъ человекомъ, нежели въ Житомирѣ.

Повелѣніе о началіи военныхъ дѣйствій не замедлилось. 18 января 1831 г., мы выступили во Владиміръ-Волыньскій.

Здѣсь мнѣ приказано было вступить въ должность старшаго адъютанта. До того времени опредѣленной обязанности я не имѣлъ. Мнѣ давали разные дѣла, — вѣроятно, для испытанія. Я обдѣлывалъ ихъ какъ умѣлъ. На каждомъ шагу я встрѣчалъ затрудненіе отъ своей неопытности и совершеннаго невѣдѣнія отношеній большихъ лицъ между собою. Но я ходилъ въ штабъ, справлялся, распрашивалъ, перечитывалъ прежнія дѣла. Въ штабѣ я часто встрѣчалъ дежурнаго штабъ-офицера и очень рѣдко старшаго адъютанта, съ которымъ мнѣ какъ-то и совсѣмъ было часто встрѣчаться, потому что я считалъ себя какъ бы виновнымъ передъ нимъ. Хотя и не по своему желанію, но я все-таки прѣхалъ — столкнуть его съ мѣста.

Вступя въ должность, я нашелъ множество неисполненныхъ бумагъ. Для перваго дебюта, я трое сутокъ просидѣлъ за работой, почти не ложась спать.

Во Владиміръ прѣхалъ назначенный къ намъ въ начальники штаба молодой генералъ. Меня представили ему уже въ качествѣ старшаго адъютанта.

Чиновникамъ штаба дали конвойныхъ казаковъ; на мою долю пришелся расторопный и сметливый донецъ.

22 января пришли въ Устилугъ, послѣдній пограничный пунктъ.

Отсюда я увидѣлъ равнины царства Польскаго, покрытыя лѣсами, усѣянныя деревнями, дачами, усальбами. Прекрасный, живописный край! Вездѣ, на возвышенныхъ точкахъ, стояли длинныя шесты, съ пучками насмоленной содомыи наверху. Это были маяки, которые, при вступленіи нашихъ войскъ, должны были запылать по всему царству.

Отъ вражеской земли отдѣляла теперь насъ небольшая рѣка Бугъ. Долго стоялъ я на высокомъ ея берегу и съ неопредѣленной грустной мыслью смотрѣлъ на синѣющую даль и на пред-

лежащее намъ поприще войны. Что ждетъ меня за этимъ рубежомъ? перейду ли я его обратно? или уже мнѣ не суждено видѣть родное небо?...

На другое утро еще до разсвѣта мы должны были перейти границу.

III.

24 января, въ три часа ночи, отрядъ нашъ собрался на берегу Буга. Наканунѣ еще, во всѣхъ частяхъ войскъ, были отслужены молебны.

Войска приготовились къ бою: зарядили орудія, зажгли пальники, вынули сабли. Выѣхалъ и корпусный командиръ.

Тихо, безъ шума, двинулись мы походной колонной, по шести, въ пограничную заставу, и ступили на вражескую землю.

Путь нашъ начинался длинной довольно узкой гатью, черезъ болотистые протоки Буга, и потому только и можно было идти отдѣленіями.

Переходъ чрезъ границу былъ такъ быстръ и внезапнъ, что жители не успѣли даже зажечь маяковъ, чтобъ дать вѣсть о нашемъ приходѣ.

Отрядъ нашъ состоялъ изъ одной кавалеріи, регулярной, и казаковъ, всего около четырехъ тысячъ съ половиной, при 24 пушкахъ, наполовину батарейныхъ. Онъ составлялъ самое крайнее звено лѣваго фланга арміи.

Мы уже отошли версты три — неприятеля не видно; прошли цѣлый переходъ — нигдѣ ни одного неприятельскаго солдата.

Первый ночлегъ былъ въ небольшомъ городкѣ Грубешовѣ. Здѣсь жители встрѣтили насъ съ хлѣбомъ-солью, съ хоругвями и со всевозможнымъ торжествомъ.

На другой день выступили къ Люблину. Въ Грубешовѣ, для поддержанія сообщеній, учредили этапъ, на которомъ оставили взводъ драгунъ, при офицерѣ.

Вездѣ принимали насъ съ почетомъ и восторгомъ, — искреннимъ или только наружнымъ, трудно было угадать. На всѣхъ переходахъ мы учреждали этапы и оставляли по взводу драгунъ.

Въ Краснотавѣ оставлены были, подъ командой генерала, Драгунскій полкъ, сотня казаковъ и четыре орудія.

Отряду этому поручалось: наблюдать за кр. Замостьемъ, прикрывать наши этапы, поддерживать безопасность сообщеній и

удерживать въ повиновеніи жителей края. Порученіе, по правдѣ сказать, немного сложно; и едва ли исполнимое для силъ такого незначительнаго отряда.

Отдѣленіемъ этого отряда мы ослабили себя слишкомъ на тысячу человекъ.

Въ Люблинѣ простояли три дня и 3 февраля пришли въ Пулавы, уже лежащія на р. Вислѣ.

До сихъ поръ ничего похожаго на войну не было: мы шли какъ по мирной странѣ; однакожь, войска располагались на ночлеги бивуаками, соблюдая всѣ военныя предосторожности на мѣстѣ и на походѣ: высылали разъѣзды и патрули, ставили вѣдеты и двигались съ авангардомъ и арріергардомъ.

Въ Пулавахъ только въ первый разъ увидѣли мы неприятельскихъ солдатъ на другомъ берегу Вислы, и то въ небольшомъ числѣ; они гордо расхаживали по берегу, бранили во все горло Русскихъ и за сто сажень стрѣляли въ насъ изъ пистолетовъ! Выстрѣлы ихъ едва были слышны, а пули не долетали до половины рѣки.

5 февраля, перешли мы Вислу, по льду, съ немалыми предосторожностями, потому что ледъ былъ уже не надеженъ.

Въ какихъ силахъ былъ неприятель за Вислой, мы не знали; но намъ приказано было перейти Вислу, и мы, съ своими ничтожными силами и съ огромной фалангой обозовъ, въ которой везся двухнедѣльный запасъ продовольствія для отряда, перешли рѣку, оставя ее за собой въ тылу.

Направленіе взяли къ Варшавѣ. На переходѣ, казаки привели плѣнныхъ: офицера и двадцать рядовыхъ. Это были первые неприятельскіе солдаты, которыхъ увидѣлъ я вблизи. Офицеръ со слезами жаловался на жестокое съ нимъ обхожденіе казаковъ. Они прибили его и отвяли у него часы и деньги. Сюртукъ на немъ былъ изорванъ и лицо въ кровавыхъ пятнахъ.

Я искренно былъ тронутъ несчастіемъ офицера, но помочь ему не могъ. Корпусный командиръ приказалъ, однакожь, отобрать у казаковъ часы и деньги и возвратитъ офицеру.

Плѣнные показали, что армія мятежниковъ сосредоточена на шоссе близъ Сѣдльца, что за Вислой нигдѣ нѣтъ значительныхъ неприятельскихъ силъ, что только по городамъ и мѣстечкамъ стоятъ большія команды, наблюдающія за ускореніемъ сборовъ посполитаго рушенья (поголовнаго вооруженія), потому что временное правительство возставшихъ Поляковъ призвало къ

вооруженію всю Польшу. Команда, взятая въ плѣнъ, принадлежала къ этому же разряду.

Въ тотъ же день пришли мы въ Козеницу. На другой день былъ сдѣланъ сильный поискъ къ Радому (главный городъ воеводства): тамъ найдены были небольшіе запасы аммуниціи и оружія; все это было истреблено. О неприятелѣ же нигдѣ никакого слуха.

Но 6 февраля получено было два самыхъ печальныхъ извѣстія.

Первое: въ тылу нашемъ и на нашихъ сообщеніяхъ, въ г. Грубешовѣ, гдѣ, какъ выше сказано, учрежденъ былъ этапъ, взявъ въ плѣнъ весь драгунскій взводъ, съ офицеромъ. Изъ Замостья пришелъ польскій эскадронъ и безъ всякаго затрудненія взялъ слабую команду, которая и отступить не успѣла. Молодой, неопытный офицеръ, хотя и храбрый, понятія не имѣлъ о военныхъ предосторожностяхъ. Онъ расположился какъ на мирныхъ квартирахъ, а когда былъ внезапно захваченъ, растерялся и отдался въ руки неприятелю. Подобныхъ потерь, въ продолженіе войны 1831 года, мы понесли немало, и все, по большей части, оттого, что наши офицеры, и даже штабъ-офицеры, не довольно были знакомы съ основными правилами военной науки.

Второе извѣстіе было еще прискорбнѣе. Генералъ Гейсмаръ, герой Бозлештъ, гдѣ онъ, въ 1828 году, смѣлымъ ударомъ разгромилъ, съ шестью тысячами, двадцати-пяти тысячный корпусъ Турокъ, — этотъ храбрый генералъ, у котораго былъ такой же кавалерійскій летучій отрядъ, какъ и у насъ, разбитъ Дверницкимъ, 2 февраля, при Сточкѣ, и потерялъ восемь орудій изъ бывшихъ у него двѣнадцати.

Итакъ, война вспыхнула мгновенно. Неблагоприятное ея для насъ начало сильно потрясло наше военное самолюбіе. Пораженіе Гейсмара въ особенности было прискорбно, потому что онъ претерпѣлъ его по собственной винѣ, отъ излишней своей самонадѣянности. Не испытавъ дотолѣ неудачъ, онъ находилъ все возможнымъ для своего неукротимаго мужества и никакое предпріятіе не считалъ неисполнимымъ. Такъ онъ дѣйствовалъ и подъ Сточкомъ. Несмотря на предупрежденіе авангарднаго начальника, что неприятель очень силенъ, онъ не отбѣялъ своего намѣренія. Упрекнувъ съ пренебреженіемъ начальника авангарда въ чрезмѣрной восторожности, онъ атаковалъ противника смѣло и рѣшительно. Считая отрядъ своего врага толпой ружав-

ки (новонабранная пѣхота), онъ былъ увѣренъ, что однимъ взмахомъ сабли разгонитъ шайку бунтовщиковъ, какъ это разъ ему и удалось. Въ этой увѣренности онъ не могъ и думать о возможности неуспѣха и не только не обезпечилъ себѣ пути отступленія, какъ дѣлаетъ каждый менѣе самонадѣянный начальникъ, но, напротивъ, боялся, что неприятель отъ страха убѣжитъ и лишитъ его лавроваго вѣнка. Съ этой мыслью онъ приказалъ генералу Пашкову атаковать неприятеля съ фронта, съ конно-егерскимъ полкомъ, при четырехъ орудіяхъ, а самъ, тоже съ конно-егерскимъ полкомъ и восемью орудіями, пошелъ въ обходъ, заботясь больше о томъ, чтобъ не ускользнулъ отъ плѣна ни одинъ неприятельскій солдатъ. Пашкову никакихъ указаній обстоятельно дано не было, и ему больше ничего не оставалось, какъ исполнить въ точности данное приказаніе. Онъ двинулся, прошелъ лѣсъ, потомъ бодотистую рѣчку, по узкой длинной гати, по которой только и можно было идти отдѣленіями по три; но, миновавъ эти дефилеи, былъ встрѣченъ десятикратно сильнѣйшимъ противникомъ, ожидавшимъ его въ стройныхъ массахъ. Тогда результатъ боя не могъ быть сомнителенъ: Пашковъ, выдержавъ мужественно первый натискъ, былъ задавленъ многочисленностію и, видя, что неприятель двинулъ въ тылъ его пѣхоту, чтобъ отрѣзать его отъ гати и тѣмъ отнять у него послѣднюю возможность къ отступленію, принужденъ былъ идти назадъ по тѣмъ же тѣснинамъ, по которымъ шелъ съ затрудненіями и не преслѣдуемый неприятелемъ: другого пути не было. Естественно, что подобное отступленіе не могло обойтись безъ большихъ потерь.

О Гейсмарѣ, между тѣмъ, не было никакого извѣстія. Пашковъ перешелъ уже обратно бѣдственную гать, какъ Гейсмаръ, сдѣлавъ большой усиленный обходъ, по лѣсамъ и чрезъ болотистую рѣчку, показался во флангъ неприятеля, идя на него рысью, въ неразвернутыхъ еще массахъ. Дверницкій, отправивъ въ преслѣдованіе Пашкова нѣсколько уланскихъ эскадроновъ, всѣми оставшимися силами, сдѣлавъ перемѣну дирекціи, быстро ударилъ на Гейсмара, когда тотъ началъ еще только строиться въ боевой порядокъ, мгновенно опрокинулъ на устроившіеся эскадроны и взялъ шесть пушекъ, къ двумъ отбитымъ у Пашкова. Дѣло, на обоихъ пунктахъ, кончилось менѣе, чѣмъ въ часъ времени.

Дверницкій, упоенный первымъ, неожиданнымъ и никогда не предполагаемымъ успѣхомъ, удовольствовался своей побѣдой, проведя нѣсколько дней въ ликованьяхъ, и не преслѣдовалъ отступавшіе полки.

Мы отъ души негодовали на несчастный исходъ дѣла подъ Сточкомъ. Это была первая встрѣча нашихъ войскъ съ непрілемъ, и эта встрѣча ознаменовалась такимъ прискорбнымъ неуспѣхомъ, котораго вѣроятность подлежала большому сомнѣнію, хотя непріятель былъ и сильнѣе насъ, еслибъ повели дѣло осторожно и осмотрительно. Вся вина пала на войска; но это укоръ незаслуженный. Дѣйствительно, бывшіе въ дѣлѣ полки дотолѣ не видали боевыхъ сѣчь и были составлены, по большей части, изъ молодыхъ солдатъ, но эти солдаты рвались въ бой и молодецки встрѣтили первый ударъ. Ихъ сломила — не робость ихъ, а несоразмѣрное превосходство непріятеля. За чтѣ жъ винить войска? Поведите ихъ иначе, и они не понесли бы поражения.

Дѣло подъ Сточкомъ мгновенно вознесло Дверницкаго на степень народнаго героя въ Польшѣ. Даже въ нашей арміи стали на него смотрѣть какъ на опаснаго для насъ противника.

Такъ въ военное время составляется извѣстность война: одно удачное, счастливое дѣло покрываетъ его славой; молва упрочиваетъ за нимъ эпитетъ способнаго генерала, — эпитетъ, достигающійся въ удѣлъ немногимъ. Исторія съ признательностію вноситъ на свои несокрушимыя страницы знаменитое имя, и потомство съ уваженіемъ произноситъ его. Но не всегда побѣдный вѣнокъ украшаетъ чело вдохновенное: часто, по своенравію судьбы, онъ обвиваетъ самую обыкновенную голову.

Дѣло подъ Сточкомъ показало, что сопротивленіемъ мятежниковъ управляетъ опытная рука. При слабыхъ своихъ средствахъ, сравнительно съ средствами Россіи, они, въ борьбѣ съ этимъ исполиномъ, нашли еще возможность одержать успѣхъ, — хотя временный, безплодный, но все-таки успѣхъ:

Но вліяніе сточковскаго дѣла больше всего отразилось на нашихъ конно-егерскихъ полкахъ. Оно было началомъ неблаговоленія къ нимъ Государя. Кошныя егеря было любимое войско Императора Александра Павловича. Онъ самъ часто носилъ мундиръ гвардейскихъ конныхъ егерей. Полки конно-егерскіе были въ двадцатыхъ годахъ отличные; составъ офицеровъ — превосходный. Чтѣ не могло, по небогатому состоянію, слу-

жить въ гвардіи, служило въ конныхъ егеряхъ. Почти двойной комплектъ офицеровъ былъ въ каждомъ полку, и хотя въ однихъ чинахъ сидѣли по восьми и по девяти лѣтъ, но никто не думалъ оставлять полка. Доказательство, что служить было пріятно.

Незагоды на конныхъ егерей начались съ 1828 года, т. е. съ Турецкой войны. Въ этой войнѣ, первая конно-егерская дивизія потеряла почти всѣхъ лошадей, не отъ битвъ, а отъ ложной системы сбереженія лошадей въ мирное время, — системы, господствовавшей тогда во всѣхъ конно-егерскихъ полкахъ. Лошади до того были изнѣжены и расслаблены недостаткомъ движенія, что не могли вынести трудовъ и лишеній Турецкой кампаніи. Дивизія, возвратясь изъ Турціи, едва ли имѣла по два полныхъ эскадрона въ полку.

Бѣды второй дивизіи начались подъ Сточкомъ. Здѣсь первая бригада понесла въ дѣлѣ большую потерю. Разстройство второй бригады, не бывшей подъ Сточкомъ, хотя и участвовавшей потомъ въ дѣлахъ противъ непріятеля, произошло отъ другихъ причинъ: у нея, во первыхъ, разбѣжались лошади во время расположенія на бивуакахъ. Ночью, когда все улеглось спать, лошади, чего-то испугавшись, вырвали слабыя веревочныя коновязи и шарахнулись. На другой день много ихъ переловили; но много и пропало. Во вторыхъ, на отдѣльномъ отброшенномъ отъ арміи посту, былъ взятъ въ плѣнъ цѣлый дивизионъ второй бригады. Результатомъ всего этого было то, что къ концу войны дивизія едва могла насчитать по три комплектныхъ эскадрона въ каждомъ полку.

Всѣ эти обстоятельства, повидимому, были поводомъ къ расформированію конно-егерскихъ полковъ, которое вскорѣ послѣ Польской кампаніи и воспослѣдовало.

Между тѣмъ, появленіе наше за Вислой и въ Радомѣ сильно встревожило временное правительство мятежниковъ. Не зная, впрочемъ, численности перешедшихъ за Вислу войскъ, оно предписало всѣмъ начальствующимъ, формировавшимъ ополченія въ воеводствахъ, позаботиться о своемъ спасеніи. Но на слѣдующій день, узнавъ отъ жителей — своихъ надежнѣйшихъ шпіоновъ — какими ничтожными силами мы привели въ страхъ треть царства и даже самую Варшаву, оно приняло мѣры истребить нашъ отрядъ до послѣдняго человѣка.

Не предчувствуя, какая грозная туча собиралась надъ головой нашего отряда, мы спокойно стояли въ Козеницѣ. Шестое

число прошло безъ особыхъ происшествій; наступило и седьмое. Все было спокойно, и о неприятелѣ ни малѣйшаго слуху.

Съ нетерпѣніемъ ждали мы извѣстій изъ главной квартиры, не получавшихся уже нѣсколько дней. Посланные отъ офицеровъ съ донесеніями: первый — о вступленіи въ Царство, и второй — о переходѣ Вислы, еще не возвращались. Не знали даже, гдѣ и главная квартира. Полагали, что она скоро будетъ въ Варшавѣ.

Мы начали побаиваться за безопасность нашихъ сообщеній. Взятіе въ Грубешовѣ взвода и побѣда Дверницкаго подъ Сточкомъ пробуждали невольное безпокойство за непрочность сношеній. Жители, оставшіеся въ домахъ (многіе разбѣжались), дотолѣ кроткіе и смиренныя, стали какъ-то смѣлѣе смотрѣть. Замѣтно было, что они ждуть чего-то радостнаго для себя; но, выказывая самое полное раболѣпство передъ нами, они хранили глубокое молчаніе. За Вислой, мы не встрѣчали уже въ народѣ той покорности, какую видѣли въ мѣстахъ, ближайшихъ къ предѣламъ Россіи. Или, быть можетъ, успѣхъ Дверницкаго отуманилъ надеждами духъ народный?

Утромъ 7 февраля, занимаясь въ штабѣ дѣлами, я узналъ отъ офицеровъ, приходившихъ ко мнѣ по разнымъ надобностямъ, что за Вислой, вдали, слышна сильная канонада изъ орудій.

По всемъ соображеніямъ, это сражалась наша главная армія (послѣ узнали, что это было дѣло подъ Вавромъ). Мы знали, что армія идетъ на Варшаву по шоссе, и эта канонада свидѣтельствуетъ, что наступленіе продолжается, но неприятель далъ отпоръ.

Подстрекаемый любопытствомъ и улучивъ свободную минуту, я, часа въ два пополудни, ушелъ въ поле. Погода стояла сухая: снѣга уже не было.

Отойдя съ версту отъ мѣстечка, я сталъ прислушиваться: нигдѣ никакого гула; кругомъ мертвая тишина. Я прилежъ къ землѣ, приложилъ ухо—тоже ничего не слышно. Досадно! Уже я хотѣлъ идти назадъ, какъ вдругъ, очень явственно, раздался выстрѣлъ изъ орудія. Эхо съ шумомъ понесло звукъ выстрѣла по окрестнымъ лѣсамъ и повторило его нѣсколько разъ. Вскорѣ другой выстрѣлъ, третій, и началась канонада.

— Что за причина? подумалъ я. Это вовсе не такъ далеко и не такъ глухо, какъ говорили мнѣ.

Я даже видѣлъ за ближнимъ лѣсомъ дымъ выстрѣловъ, который исполинскими кольцами поднимался къ небу, крутился въ воздухѣ и потомъ разстилался скатертью надъ синевой лѣсовъ. Но совершенной своей неопытности въ военномъ дѣлѣ, я не могъ тогда сообразить причины выстрѣловъ, и потому, стоя спокойно, съ жадностію и наслажденіемъ, какъ новичекъ, слушалъ перебаты по окрестностямъ первыхъ боевыхъ выстрѣловъ, которые дотолѣ слышалъ только, и то рѣдко, на практической артиллерійской стрѣльбѣ.

Вдругъ вижу, въ сторонѣ, болѣе, чѣмъ за версту, несутся по дорогѣ къ мѣстечку, во весь опоръ отъ того мѣста, гдѣ шла канонада, два всадника на сѣрыхъ лошадяхъ. Зрѣніе у меня было хорошее, я разсмотрѣлъ, что это офицеръ и солдатъ того полка, который стоялъ въ авангардѣ, верстахъ въ четырехъ отъ мѣстечка, именно тамъ, гдѣ были выстрѣлы.

Теперь я понималъ, въ чемъ дѣло: авангардъ нашъ атакованъ! Но откуда такъ внезапно явился неприятель? О немъ и слуху не было.

Я поспѣшилъ назадъ къ мѣстечку. Тамъ всюду страшная суета: трубачи мчатся по мѣстечку, трубя во всю мочь тревогу. Люди бѣгутъ: кто хватается оружіе, кто лошадь; иной ничего не хватается, а, растерявшись, бросается, какъ угорѣлый, то туда, то сюда. Лошади, вырвавшись, скачутъ по улицамъ, иная съ сѣдломъ подъ брюхомъ, иная вовсе безъ сѣдла. Все кипитъ, все въ суматохѣ! Я бросился къ себѣ на конюшню: проворный казакъ осѣдлалъ уже и мою и свою лошадь. Копались только люди съ вьюками. Забѣжалъ въ штабъ: бумаги уже были прибраны; писаря сѣдлали своихъ лошадей (писаря были въ ту войну верхами); фурштаты впрягали лошадей въ повозки. Черезъ десять минутъ я вышелъ уже на площадь со всей своей командой и со вьюками.

Между тѣмъ, на площадь мѣстечка со всѣхъ сторонъ неслись войска: кавалерія, артиллерія, казаки; иные въ порядкѣ, цѣлыми частями, другіе кучками и поодиночкѣ, кто какъ могъ и какъ успѣлъ. Шумъ, бѣготня, грохотъ оружія! Больше всѣхъ шумѣли деньщики, таща на длинномъ поводѣ своихъ неповодливыхъ, навьюченныхъ лошадей; а лошади, какъ бы въ насмѣлку надъ своими гонителями, шли себѣ не спѣша, нога за ногу.

Выѣхалъ корпусный командиръ, нѣсколько смущенный отъ неожиданной атаки. Онъ немедленно сталъ распоряжаться: че-

тыре эскадрона, съ двумя орудіями, послалъ въ подкрѣпленіе авангарду, который состоялъ изъ одного полка, четырехъ орудій и сотни казаковъ; обозы и выюки, къ невыразимой радости деньщиковъ, отправилъ назадъ, въ общій вагенбургъ, стоявшій верстахъ въ восьми назади; для прикрытія вагенбурга командировалъ два эскадрона.

Такимъ образомъ, въ нашихъ *главныхъ силахъ* осталось всего на все шесть драгунскихъ эскадроновъ, съ четырнадцатью орудіями, и полкъ казаковъ.

Съ этими ничтожными силами (около 1,500 человекъ) мы вышли за мѣстечко и стали на позицію, съ твердымъ намѣреніемъ принять бой.

Мы развернулись въ одну линію; двѣнадцать батарейныхъ орудій стало на позицію. Прислуга стояла у орудій, съ зажженными пальниками, готовая къ бою, ожидая только роковой команды: *первое!* Два орудія, подъ прикрытіемъ казаковъ, были въ резервѣ.

Мы еще вовсе не знали, въ какихъ силахъ былъ непріятель, какія именно войска насъ атакуютъ и откуда они такъ неожиданно явились. Нѣкоторые, попроницательнѣе, утверждали, что это Дверницкій. Другіе доказывали, что Дверницкій, вѣроятно, преслѣдуетъ разбитаго Гейсмара.

Изъ авангарда другаго донесенія еще не было. Первое, уже извѣстное, вслѣдствіе котораго мы вышли по тревогѣ на позицію, было только о томъ, что авангардъ атакованъ; но въ какихъ силахъ былъ непріятель, не зналъ и офицеръ, прискакавшій изъ авангарда.

Канонада въ авангардѣ продолжалась, но неровно: раздастся вдругъ нѣсколько выстрѣловъ и потомъ продолжительное молчаніе...

Положеніе нашего отряда, отброшеннаго отъ арміи, обремененнаго большимъ обозомъ, было крайне затруднительно. Мы везли съ собой двухнедѣльный запасъ продовольствія и разныхъ госпитальныхъ принадлежности, потому что ни магазиновъ, ни госпиталей въ нашемъ тылу учреждено не было. Обозъ состоялъ не менѣе, какъ изъ трехсотъ повозокъ. Отдѣленные отъ главныхъ своихъ силъ Вислой, переправа черезъ которую, по непрочности льда, становилась съ каждымъ днемъ опаснѣе, мы могли быть окончательно уничтожены даже не очень значительной массой, потому что сила нашего отряда, перешедшаго че-

резъ Вислу, не превосходила трехъ тысячъ двухсотъ или трехсотъ человекъ, съ двадцатью орудіями. Мы могли потерять и артиллерию свою и весь обозъ.

Главная армія, на пути слѣдованія къ Варшавѣ, была задерживаема сопротивленіемъ Поляковъ, и оттого ходъ ея былъ медленъ. Отрядъ же нашъ, не встрѣчая преградъ, шелъ безостановочно и, такимъ образомъ, очутился за Вислой въ то время, когда армія была еще подъ Калущинимъ, и каждый шагъ свой брала съ бою.

Теперь намъ предлежалъ расчетъ за свое черзчуръ отважное движеніе. Какъ-то разочтемся!

Едва мы устроились на позиціи возлѣ Козеницы, какъ солнце стало садиться. Канонада въ авангардѣ совершенно прекратилась. По дорогѣ показались раненые и плѣнные.

Отъ плѣнныхъ узнали, что мы атакованы Дверницкимъ и Серавскимъ; что силы ихъ простираются до 10,000, при 16 орудіяхъ, въ числѣ которыхъ были и отбитыя подъ Сточкомъ; что у Дверницкаго отрядъ составленъ изъ резервныхъ баталіоновъ и эскадроновъ (лучшія войска въ польской арміи), а у Серавскаго — рухавка и кракусы.

Итакъ, вотъ гроза, которая въ тишинѣ собиралась надъ нами. Корпусный командиръ послалъ въ авангардъ адъютанта узнать, что тамъ дѣлается, и съ тѣмъ вмѣстѣ передать авангарду приказаніе отступить къ главнымъ силамъ отряда.

Каждую минуту мы ждали нападенія. Впереди нашей позиціи былъ большой лѣсъ, скрывавшій отъ насъ дѣйствія и непріятеля и нашего авангарда. По дорогѣ, между тѣмъ, непрерывно тянулись раненые. Плѣнныхъ было мало. Наши раненые говорили, что авангардъ держится, но что ему очень трудно, что непріятельская сила велика.

Съ трепетнымъ, грустнымъ любопытствомъ разсматривалъ я раненыхъ. Раны, болѣею частію, были у нашихъ отъ пикъ, а у Поляковъ отъ сабель; нѣкоторыя изъ сабельныхъ ранъ были ужасны. Онѣ свидѣтельствовали, что наши солдаты дрались съ остервенѣніемъ, и могучіе удары ихъ напоминали баснословную мощь древнихъ сказочныхъ богатырей. Тяжело раненыхъ несли на носилкахъ, а прочіе шли пѣшкомъ. Вскорѣ изъ-за лѣса показался нашъ авангардъ; онъ шелъ спокойно, никѣмъ не преслѣдуемый....

«Что за диво?» думали мы: «что жъ это значитъ?»

Начальникъ авангарда отделился отъ колоннъ своего отряда и, подѣхавъ къ корпусному командиру, передалъ ему подробности дѣла. Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, эти подробности:

До двухъ часовъ полудня авангардъ стоялъ спокойно. О неприятель — никакого извѣстия. Не было ни проѣзжаго, ни прохожаго, чтобы спросить о чемъ нибудь: окрестность какъ будто вымерла. Часа въ два за полдень прискакала съ аванпостовъ урядникъ съ донесеніемъ, что по дорогѣ отъ Варшавы показались колонны войскъ.

Около трехъ часовъ началась первая атака. Ее повелъ полкъ кракусовъ вяло, нерѣшительно. Съ первыхъ же выстрѣловъ нашей артиллеріи полкъ оробѣлъ и остановился. Вслѣдъ за нимъ посланъ былъ второй полкъ кракусовъ же. Этотъ пошелъ смѣлѣе. Батарея наша изъ четырехъ орудій, подпустя его на близкую дистанцію, открыла огонь картечью.... Кракусы заволновались, смѣшались, повернули назадъ и побѣжали. Все поле покрылось трупами убитыхъ людей и лошадей. Едва очистилось мѣсто, какъ снова атаковалъ первый полкъ кракусовъ. Теперь онъ шелъ уже смѣлѣе. Но его постигла та же участь, какъ и второй полкъ: картечь на близкой дистанціи также смѣшала его, сбивла и обратила въ бѣгство. Оба кракусеніе полка сильно потерпѣли.

Между тѣмъ, за бѣжавшими кракусами выстроились подошедшіе свѣжіе эскадроны уланы. Кракусы устроились. Масса неприятелей росла съ каждой минутой. Уже показалась пѣхота, выдвинулась на позицію артиллерія. Пѣхота начала строиться въ дивизионныя колонны, а артиллерія открыла огонь изъ двѣнадцати орудій. Наша артиллерія отвѣчала выстрѣлами съ батареи. Прислуга ухрамлялась, какъ на маневрахъ, спокойно, хладнокровно. На батареѣ нашей распоряжался самъ ротный командиръ, подполковникъ Бутовичъ, храбрый офицеръ и отличный артиллеристъ. Неприятель, видя, что перевѣсъ въ численности артиллеріи не приноситъ ему пользы, рѣшился взять нашу батарею кавалерійскою атакой. Въ атаку пошли уланы.

Польскіе уланы, какъ и венгерскіе гусары, издавна славятся своею смѣлостью въ бою. У Наполеона они всегда были въ авангардѣ и отличались молодечествомъ. И теперь, какъ въ бывлыя времена, они шли рысью, стройно, твердо. Начальники и офицеры на своихъ мѣстахъ, какъ на ученьѣ. Нельзя было не любо-

ваться этой атакой. Картечь наша вырывала цѣлые ряды атакующихъ; но уланы, смыкаясь, шли смѣло впередъ. Не доходя сажень пятидесяти, полковой командиръ, ѣхавшій впереди полка, командовалъ звонкимъ, мягкимъ голосомъ, въ карьеръ. Едва онъ произнесъ команду, картечь сняла его съ лошади: онъ палъ на мѣстѣ; но стремленіе, данное предсмертнымъ его словомъ, возымѣло свое начало: уланы понеслись «маршъ-маршъ» и съ крикомъ «ура!» отчаянно бросились на прикрытіе и на батарею, которою сразу и овладѣли....

Драгуны, двинувшись сами впередъ, встрѣтили уланы въ упоръ. Тогда произошла схватка, которую трудно изобразить. Все смѣшалось въ нестройную толпу: бились ожесточенно не только оружіемъ, но эфесами, банниками, даже кулаками. Число польскихъ уланы удвоилось, потому что и другой полкъ ихъ подоспѣлъ и старался обскákatъ нашихъ съ тыла. Неприятель лѣзъ бѣшено; батарея была въ его рукахъ; у насъ оставалось въ резервѣ всего только два эскадрона. Эти два эскадрона, остатки нашихъ силъ, видя, что враги одолеваютъ, отважно ринулись въ сѣчу и вырвали два орудія, которыя неприятель уже увозилъ съ собой. Другихъ двухъ орудій не было средствъ спасти. Они достались неприятелю; съ ними взять въ плѣнъ и полковникъ Бутовичъ, едва живой отъ множества нанесенныхъ ему ранъ.

Въ продолженіе этого побоища, неприятель остальными своими силами охватилъ наши фланги и заходилъ въ тылъ; пѣхотой онъ занялъ мѣсть, которымъ легко было отрѣзать намъ отступление, потому что онъ протягивался по флангу нашей позиціи до единственной дороги, оставшейся свободною для отступления. Въ это время подошло къ нашимъ подкрѣпленіе, посланное, какъ мы видѣли выше, изъ Козеницы, и тотчасъ же вступило въ дѣло; бывшія при немъ два орудія открыли живой огонь. Но подкрѣпленіе это только поддержало немного общее противъ насъ движеніе, а остановить его не могло.

Положеніе авангарда съ каждой минутой становилось опаснѣе; черезъ четверть часа онъ долженъ былъ быть окруженъ и запертъ какъ въ ящикѣ. Отступать, въ виду торжествующаго, многочисленнаго неприятеля, слабому отряду, при двухъ только пушкахъ (двѣ отнятыя обратно у неприятеля не могли дѣйствовать, потому что остались безъ прислуги) и отступать въ такой неблагоприятный моментъ весьма затруднительно. Пораженіе

казалось неизбежнымъ. Но вдругъ, къ величайшему нашему изумленію, непріятель, среди полного своего торжества, началъ отступать. Всѣ массы его, пѣхота, кавалерія, — все поспѣшно двинулось назадъ и безостановочно, вытянувшись въ походную колонну, потянулось по дорогѣ къ Варшавѣ.

Явленіе это до того было странно и необъяснимо, что начальникъ авангарда не вѣрилъ глазамъ своимъ. Сначала онъ подумалъ, не скрывается ли въ этомъ движеніи какой нибудь хитрости, но скоро убѣдился, что это самое безхитростное отступленіе.

Въ это время пріѣхалъ адъютантъ корпуснаго командира, съ приказаніемъ отойти авангарду къ главнымъ силамъ, и авангардъ отступилъ.

Когда авангардный начальникъ кончилъ свой рассказъ, рѣшено было сдѣлать рекогносцировку, чтобы убѣдиться въ дѣйствительномъ отступленіи непріятеля.

Начальникъ штаба взялъ сотню казаковъ, нѣсколькихъ ординарцевъ, офицера генеральнаго штаба и меня. Мы тотчасъ же отправились на большихъ рысяхъ.

По нашему пути мѣстами попадались брошенные трупы солдатъ и нашихъ и польскихъ. Это были тяжело раненые, умершіе на носилкахъ.

Мы проѣхали дѣсь; намъ стали попадаться разбросанныя по полю и по дорогѣ ружья, сабли, шкы, подсумки, кивера. Мы приближались къ мѣсту боя.

И вотъ оно открылось во всей своей ужасающей красотѣ: убитые люди, лошади лежали здѣсь и тамъ и группами и поодиначкѣ. Между убитыхъ бродили полуживыя раненыя лошади; одна тащила за собой раздробленную ядромъ ногу, у другой была оторвана морда. Раскиданное въ разныхъ мѣстахъ оружіе сверкало отъ луннаго свѣта, который озарилъ землю, потому что наступилъ уже вечеръ и луна была въ полномъ сіяніи. Среди поля возвышалось два подбитыхъ зарядныхъ ящика, печально склонившихся на бокъ.

Мы всѣ невольно были остановлены этимъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ и безмолвно смотрѣли на угрюмое поле смерти.

Картина побоища была такъ страшно восхитительна, такъ нова для меня, что я минутъ десять жадно любовался ею, забывъ все на свѣтѣ. Въ особенности при лунномъ мерцаніи, картина эта представлялась еще болѣе мрачною и потрясающею.

Я видѣлъ потому большія поля битвъ, видѣлъ тысячи убитыхъ и раненыхъ, но не скажу, чтобы эти картины значительно поражали сильнѣе мое воображеніе, чѣмъ это поле, — вѣроятно, потому, что я впервые въ жизни видѣлъ подобное позорище смерти.

Мѣсто созерцаемаго мною боя охватывало пространство болѣе квадратной полуверсты. Оно убито было убитыми, раскиданными въ самыхъ фантастическихъ группахъ. Значительнѣйшая часть убитыхъ обозначалась черными точками. Это были поляки въ своихъ темно-синихъ мундирахъ. Довольно было и сѣроватыхъ точекъ: это — наши, въ сѣрыхъ солдатскихъ шинеляхъ. Выростая въ двухъ за мѣстомъ битвы, мы увидѣли вдали, за холмами, бивуаки непріятельскіе огни. Остановились и прислушиваться. Смѣшанный гулъ лагерный доносился къ намъ довольно явственно. Проѣхавъ еще съ версту, мы увидѣли весь непріятельскій бивуакъ, бывший верстахъ въ двухъ отъ насъ. Дальше вѣхать уже не следовало: иначе, мы бы наткнулись на непріятельскіе ведеты. Впрочемъ, расположеніе вражескаго стана можно было и отсюда хорошо рассмотреть.

Начальникъ штаба взялъ зрительную трубу, слѣзъ съ лошади и долго смотрѣлъ на огни лагерныя, по которымъ, даже и вдали, можно хорошо видѣть, что дѣлается въ лагерѣ.

Они расположились на ночлегъ, сказалъ начальникъ штаба, какъ бы разсуждая самъ съ собой: — я убѣжденъ, что они ничего не предпримутъ въ продолженіе ночи и, вѣроятно, завтра же уйдутъ къ Варшавѣ, гдѣ они нужнѣе, чѣмъ здѣсь; иначе, имъ не было ни малѣйшей нужды отступать. Нашъ же отрядъ для нихъ ни въ какомъ случаѣ не страшенъ; они начали отступленіе безъ всякихъ предосторожностей, въ полной увѣренности, что мы не осмѣлимся ихъ преслѣдовать. Такъ мнѣ кажется; но увидимъ, что будетъ завтра.

Окончивъ обзоръ, мы отправились назадъ шагомъ, толкуя между собой о происшествіяхъ того дня, такъ неожиданно постигшихъ насъ.

Часовъ около десяти возвратились мы къ отряду. Войска оставались еще на позиціи, и корпусный командиръ былъ при нихъ. Послѣ короткаго совѣщанія, распорядились такимъ образомъ:

На позиціи оставили аррьергардъ и приказали: лошадей не размунштучивать, людямъ не раздѣваться и огней не раскла-

дывать. Корпусный командиръ опасался ночнаго нападенія и отступление неприятели считалъ только военной хитростью. Начальникъ штаба былъ противнаго мнѣнія; но его мнѣніе имѣло только значеніе совѣтательное, а приводилось въ исполненіе приказаніе старшаго. Казачій полкъ отправили впередъ и приказали ему не спускать неприятели съ глазъ. По всѣмъ направленіямъ послали разъѣзды. Остальныя войска отошли за мѣстечко и стали на позицію, не разводя также огней; людямъ дозволено раздѣться, размундштучить и покормить лошадей, но быть готовыми къ бою.

Штабъ отправился также за мѣстечко и расположился въ крайнихъ избушкахъ, обитатели которыхъ разбѣжались по лѣсамъ, какъ только прослышали, что Русскіе перешли Вислу. Съ этихъ брошенныхъ избушекъ солдаты носили крыши и выломали въ нихъ двери на топливо и подстилку, пока простоялъ трое сутокъ около мѣстечка.

Едва мы расположились, какъ я долженъ былъ приняться за писаніе разныхъ распоряженій на слѣдующій день; мы также всю ночь были насторожѣ и, какъ сказочные герои, спали однимъ только глазомъ.

Ночь прошла благополучно. Рано утромъ дали знать съ казачьихъ аванпостовъ, что неприятели еще до свѣта снялись съ лагеря и двинулись къ Варшавѣ.

Теперь положительно утвердился на той мысли, что Варшава или была, или обложена нашими войсками и Поляки рѣшились дать послѣдній, отчаянный отпоръ, для чего и потребовали Дверницкаго.

Но это было только предположеніе, а для дѣйствій нужны факты. Фактовъ не было, потому что изъ главной арміи уже около пяти дней никакихъ извѣстій не получалось.

Осторожный командиръ нашъ рѣшился не трогаться съ мѣста и оставаться въ выжидательномъ положеніи до полученія какихъ нибудь указаній.

На другой день возвратился изъ главной квартиры нашъ офицеръ, посланный съ донесеніемъ о переходѣ Вислы. Офицеръ объявилъ, что главная армія сосредоточена у Вавра и готовится къ генеральному сраженію.

Мечта о взятіи Варшавы, такъ угѣшавшая наше воображеніе, исчезла.

Теперь, естественно, возникъ вопросъ: почему и для чего отступилъ Дверницкій, упустивъ случай одержать блистательнѣйшую надъ нами побѣду? Вѣроятно, ему приказали спѣшить столько можно къ генеральному сраженію, которое готовится подлѣ Варшавы?

Но на слѣдующій день разрѣшилось все недоумѣніе и открылась причина непостижимаго для насъ отступленія Дверницкаго. Ловкіе шпіоны-Жидки узнали всю подноготную.

Вотъ что случилось: во время дѣла при Нововѣси (возлѣ этой деревни былъ атакованъ 7 февраля нашъ авангардъ), Дверницкому дали знать, что въ мѣстечкѣ Карчевѣ, верстахъ въ сорока у него въ тылу, Русскіе перешли Вислу въ большія силы.

Дверницкій, какъ частный отрядный начальникъ, не могъ знать обстоятельно движеній нашихъ войскъ. Поэтому, предположивъ, что переправившіяся въ Карчевѣ войска отправлены въ обходъ на Варшаву и, по всей вѣроятности, должны заключать въ себѣ значительную массу, онъ основательно былъ встревоженъ подобнымъ извѣстіемъ. Онъ тотчасъ сообразилъ, что движеніе это отрѣзываетъ его отъ главныхъ силъ арміи и становится въ промежутокъ нашихъ войскъ, поэтому и послѣдиль отступленіемъ. Удовольствовавшись пріобрѣтенными уже трофеями, онъ, какъ мы видѣли, послѣдно остановилъ свои атаки, готовый нанести окончательный ударъ сначала авангарду, а потомъ всему нашему отряду, прервалъ дѣло въ самомъ разгарѣ, стянулъ войска и отступилъ быстро къ Варшавѣ.

Переправившіяся въ Карчевѣ въ большія силы Русскіе, была — сотня казаковъ, явившаяся за Вислу пофужировать. Это безотчетное удалство казаковъ спасло отрядъ нашъ отъ коварнаго истребленія.

Открытіе дѣйствительной причины отступленія Дверницкаго не обрадовало насъ. Теперь не сомнѣвались, что, узнавъ о своей опрометчивой ошибкѣ, Дверницкій постарается исправить ея тѣмъ, что безъ малѣйшаго промедленія ударитъ снова на насъ.

Мы, однакожь, продолжали стоять не трогаясь съ мѣста и ничего не предпринимал. Намъ, конечно, благоразумнѣе всего было отступить за Вислу; но отступать безъ видимой и крайней причины казалось неловкимъ. О движеніяхъ же Дверницкаго никакихъ свѣдѣній не было. Онъ такъ далеко отступилъ, что

казаки не могли слѣдить за нимъ. Имъ нельзя было удалиться отъ отряда на большое пространство.

Между тѣмъ, Дверницкій, на другой же день своего отступления, узнавъ, какъ легкомысленно онъ поддался заблужденію, и тотчасъ же снова оборотился на насъ. Свѣдавъ отъ переметчика, что мы все еще стоимъ у Козеницы, онъ предпринялъ обойти насъ съ тыла, стать на нашихъ сообщеніяхъ и, приперевъ къ Вислѣ, забрать руками весь нашъ отрядъ.

Переметчикомъ былъ унтеръ-офицеръ 1 польскаго уланскаго полка, взятый нами въ плѣнъ въ дѣлѣ при Нововѣси. Онъ былъ дворянинъ, умный и бойкій молодой человекъ, говорилъ недурно по русски. Когда, послѣ дѣла, его, въ числѣ прочихъ плѣнныхъ, привели въ корпусный штабъ, онъ попросилъ позволенія видѣть корпуснаго командира. Генераль принялъ его. Плѣнный объявилъ, что въ мятежническихъ войскахъ онъ служилъ по принужденію, что онъ всегда былъ истинно преданъ и вѣренъ законному правительству и что, въ доказательство того, онъ и теперь проситъ принять отъ него вѣрноподданническую присягу и дозволить стать въ ряды русскихъ войскъ, хотя бы солдатомъ.

Это выраженіе преданности было для насъ весьма приятно. Его обласкали, привели къ присягѣ и дали ему полную свободу. О поступкѣ его представили главнокомандующему съ величайшей похвалою. До полученія же разрѣшенія, молодого человека оставили при штабѣ и даже поручили ему переписку на польскомъ языкѣ, которая съ каждымъ днемъ тогда умножалась въ штабѣ и для которой именно не доставало свѣдущаго человека. Нашъ же юноша прекрасно зналъ языкъ и отлично каллиграфировалъ.

Первые два дня онъ неусыпно трудился въ штабѣ, на третій день исчезъ. Сначала не обратили на это вниманія: такъ все вѣрится въ благородство новообращеннаго. Но когда онъ не явился до полудня, начали беспокоиться и подозревать, не ушелъ ли онъ къ неприятелю, который, какъ стало казаться, это несомнѣннымъ, вѣроятно, очень близко и можетъ такъ же внезапно атаковать насъ, какъ и три дня тому назадъ. Услышавъ предосторожности, подтвердили войскамъ быть въ готовности. Все оставалось въ тревожномъ ожиданіи.

Передъ вечеромъ, шпіоны дали знать о намѣреніи Дверницкаго обойти насъ. Дверницкій былъ только въ десяти верстахъ

и уже приводилъ въ исполненіе свой планъ. Въ слѣдующую ночь или рано утромъ онъ, навѣрное, атаковалъ бы нашъ отрядъ.

Не теряя ни минуты, мы по тревогѣ снялись съ позиціи и направились ближайшимъ путемъ, по глухимъ, едва проходимымъ дорогамъ, къ Вислѣ.

Въ ту же ночь мы начали переправляться за рѣку, по льду.

IV.

Съ утра того дня, въ который мы двинулись къ Вислѣ, пошелъ мелкій, частый дождь, цѣлый день непрерывно и ровно точившійся, какъ бы пропускаемый сквозь сито. Земля разбухла и превратилась въ сплошную трясину. Мы шли къ переправѣ по океану грязи. Отъ снорога дождя ледъ на Вислѣ разрыхлялъ до того, что мы съ великими усилиями и опасностію переправили свою артиллерию и обозы.

Какъ ни спѣшили, но переправу едва могли окончить въ полтора сутокъ, переходя и день и ночь. Орудія и повозки везли на рукахъ по настланнымъ доскамъ и соломѣ, для чего разобрали избушку, найденную въ лѣсу недалеко отъ мѣста переправы. Избушка эта, въ благословенные дни мѣра, служила, вѣроятно, убѣжищемъ лѣсовщикамъ и рыболовамъ; она была построена чистенько изъ досокъ, обмазанныхъ глиной, и предназначалась преимущественно для лѣтняго жилья.

На Вислѣ была уже большія водяныя окраины; черезъ нихъ устроили гатки. Лошадей переводили поодиначкѣ въ поводу. Медленность въ переправѣ была неизбежна; остановки встречались на каждомъ шагу; тяжелыя, казенныя фуры, биткомъ набитыя, грузли, а иногда проваливались сквозь ледъ. Требовалось продолжительное время для ихъ вытаскиванія.

Между тѣмъ, во время переправы, мы каждую минуту ждали нападенія съ тыла; но, по какому-то чуду, этого не случилось. Полагать надобно, что неприятель, потерявъ нашъ слѣдъ, не могъ скоро попасть на пунктъ нашей переправы, которую мы выбрали въ глухомъ безлюдномъ мѣстѣ, окруженномъ лѣсами. Впрочемъ, и то нужно сказать, что по разступившейся тогда грязной хляби и не было ни малѣйшей возможности двигаться не только быстро, даже какъ нибудь. Только крайность и могла принудить къ движенію, изнурявшему людей и убивавшему лошадей.

Переправа наконецъ совершилась съ полнымъ успѣхомъ: ни одного колеса, ни одного гвоздя не утрачено. Перейдя Вислу, мы вздохнули свободнѣе.

Предполагалось на другой день дать войскамъ отдыхъ, а потомъ размѣстить повпросторнѣе, даже по квартирамъ, въ томъ мѣстѣ, что Висла, по непрочности льда, составляла, до времени своего вскрытія, неодолимую преграду неприятелю для нападенія на насъ. Казалось очевиднымъ, что Дверницкій не рѣшится на переправу вслѣдъ за нами; по основательному опасенію, что она съ каждымъ днемъ представляетъ больше затрудненій и опасности.

Въ дѣлѣ при Нововѣси взятъ былъ въ плѣнъ раненый альянтантъ Дверницкаго, молодой человекъ, красивой наружности. Когда мы стояли въ Козеницѣ, онъ лежалъ больной, страждущій, въ крестьянской избѣ, на крестьянской постели. Голова его была въ бинтахъ, сквозь которые мѣстами просачивалась кровь. У него было семь сабельныхъ ранъ на головѣ. Нѣсколько насъ, товарищей, ходили навѣстить его. Онъ тяжело стоналъ, но былъ въ памяти. На предлагаемая пособія онъ благодарилъ насъ по французски, слабымъ и едва слышнымъ голосомъ.

При отступленіи изъ Козеницы, мы взяли съ собой и раненаго альянтанта; но онъ не выдержалъ трудностей похода: по переходѣ Вислы, онъ умеръ.

Послѣ переправы, мы прошли черезъ м. Маціовицы, гдѣ, въ 1791 году, взятъ въ плѣнъ Русскими даровитый предводитель польскихъ конфедератовъ Костюшко. Мы прошли чрезъ самое поле, гдѣ было сраженіе.

Хотя мы и были увѣрены въ безопасности своей отъ нападенія на правомъ берегу Вислы, однакожь, на всякій случай, оставили на ней, въ качествѣ арріергарда, драгунскій полкъ, съ двумя орудіями и сотнею казаковъ. Остальныя войска расположились бивуаками возлѣ небольшой деревеньки, верстахъ въ двухъ отъ Вислы. Среди клейкой, полуаршинной грязи стали устраивать бивуакъ. Дождь пересталъ сочатъ только съ утра настоящаго дня, а до того утра, въ продолженіе двухъ сутокъ, неутомимо орошалъ насъ *благодарной* влагой.

Уже смеркалось. Лошадей размунштучили, дали овса изъ саквъ. Солдаты отравились въ деревню разбирать избы и заборы на шалаши и на дрова. Я приказалъ востроить шалаши и для себя.

Охотнѣе бы я помѣстился въ какойнибудь избенкѣ той деревни, возлѣ которой мы остановились; но это было невозможно, потому что въ деревнѣ уцѣлѣло только около десятка домовъ, принадлежавшихъ генералами и почетными лицами штаба. Остальные дома были разобраны до основанія. Сохранились въ цѣлости только два дома, съ своими высокими трубами, жалобно возносившія къ сѣрымъ облакамъ осиротѣлое чело.

Въ деревенькѣ, о которой идетъ рѣчь, жителей не было ни души: все разбѣжалось по лѣсамъ или въ мѣста отдаленныя отъ деревни. Единственнымъ представителемъ ея населенія былъ какой-то смѣльчакъ, Жидъ, шинкаръ деревенскій.

Для шалаши моего бросили на *зыбкое лоно* грязи огромныя ворота, служившія многіе годы защитой отъ дождей и снѣговъ. Эти ворота, вѣроятно бы, еще на долго сохранившему свое бытіе, еслибъ не постигла его разрушительная гроза осенняя. Эти ворота послужили основаніемъ для сооруженія, изъ жердей и соломы, довольно уютнаго шалаши, съ настилкою, хотя и не очень сухою, но, по крайней мѣрѣ, не тонущею въ пучинѣ грязи.

Вьюкъ былъ при мнѣ, и я съ наслажденіемъ мечталъ о томъ, что напьюсь чаю, съ сухимъ пшеничнымъ хлѣбомъ, приобретеннымъ еще въ Козеницѣ.

Вьюкъ нанесли множество. Собственноручно я развелъ порядочный костеръ огня и велѣлъ согрѣть чайникъ.

Наступила ночь. Къ моему костру прибрело нѣсколько близкихъ моихъ товарищей. Усѣвшись по турецки, т. е. поджавъ подъ себя ноги, въ кружокъ, на соломенномъ *раѣ*, мы жадно любовались, какъ возбудительно кипѣлъ и пѣнился нашъ чайникъ, вблизи котораго слуга мой раскладываетъ, на кожаной вьючной покрывкѣ, сахаръ и чай, въ бумажныхъ оберткахъ, и вытиралъ представителя всего моего сервиса — единственный серебряный стаканъ. Стаканъ этотъ исполнялъ многостороннія обязанности: онъ служилъ, кромѣ примаго своего назначенія, и чайной чашкой, ирюмкой, и бокаломъ, а иногда разливной ложкой и подчасъ тарелкой. На походномъ вьюкѣ помѣщается только самое необходимое; о перевозкѣ лишней вещи и подумать было нельзя. Поэтому, если на бивуакахъ собирались у когонибудь изъ товарищей пить чай, то каждый являлся съ своимъ стаканомъ.

Несмотря, однакожь, на всѣ эти неудобства и недостатки,

мы, молодые офицеры, не притязательные къ прелестямъ жизни, были равнодушны ко всѣмъ прихотямъ случая. Иной мирный сподвижникъ благоустройства и порядка смотрѣлъ бы на такія лишения какъ на кару небесную, а мы, не вкусившіе благу покойной, правильной жизни, были довольны настоящимъ и, толкуя между собой о суетѣ міра и о превратностяхъ войны, считали себя счастливейшими изъ смертныхъ.

Шинель моя была въ грязи отъ нижняго края полъ до воротника; ноги мокрыя и оковенѣлыя отъ пятокъ до колѣнъ. Пока я былъ въ движеніи, холодъ дѣйствовалъ на меня слабо; но, когда стали на мѣсто, я ужасно продрогъ. Бивуачный огонь и чай согрѣли и просушили меня. У моего расторопнаго казака, къ живѣйшему нашему удовольствію, оказался жареный гусь, котораго онъ стаянулъ гдѣ-то, по праву войны и реквизиціи. Этого благодѣтельнаго гуся мы убрали съ такимъ наслажденіемъ и вкусомъ, за которые иной гастрономъ отдалъ бы годъ жизни. Подобное наслажденіе доступно только при бивуачномъ огнѣ, послѣ двухдневнаго поста.

Теперь, когда благотворная теплота проникла въ мои члены, я, одоливаемый непобѣдимымъ сномъ, кинулся въ шалаши, на сырую солому, и заснулъ какъ убитый.

Черезъ часъ меня разбудили; но мнѣ стоило вѣдлагаго усилія очнуться и встать. Нужно было отдавать приказаніе. Къ счастью, оно было уже приготовлено заблаговременно и одобрено; оставалось только продиктовать: въ настоящую минуту я не сумѣлъ бы связать двухъ словъ.

Я перешелъ въ большую клуню (родъ хлѣбной риги), бывшую въ концѣ деревишки. Тамъ помѣщалось дежурство, съ писарями, фурштатами и прочимъ нестроевымъ штатомъ. На серединѣ клюни устроенъ былъ изъ досокъ предлинный столъ на курьихъ ножкахъ; подставленные подъ него чурбаны, брусья, камни и все удобовижимое и удобопереносимое давало столу видъ неровной плоскости, какъ будто взволнованной какой нибудь вулканической подземной силой. Впрочемъ, у стѣнки красовался и настоящий столикъ, общепринятой формы и даже со всѣми четырьмя ножками, хотя одна изъ нихъ была на четверть короче остальныхъ своихъ подругъ. Столикъ этотъ, необыкновенно счастливо уцѣлѣвшій отъ бивуачнаго крушенія, предназначался для начальствующихъ. Клуня освѣщалась сальными свѣчами, воткнутыми и въ расщелину деревяннаго бруска, и въ

бутылочное горло, и во все, гдѣ только обрѣталась щель или пустота, могшая удержать свѣчу въ вертикальномъ положеніи. На почетномъ столикѣ стояли, однакожь, двѣ свѣчи въ подсвѣчникахъ, тщательно сберегаемыхъ отъ походнаго разрушенія въ казенномъ ящикѣ штаба. Около большого стола, имѣвшаго высоту въ три четверти аршина, трудились офицеры и писаря, иные сидя на землѣ, протянувъ ноги, другіе стоя на колѣняхъ.

Въ клунѣ я нашелъ офицеровъ отъ всѣхъ частей нашего отряда, прибывшихъ за приказаніемъ. Тотчасъ же я предложилъ каждому изъ нихъ занять возможно удобное положеніе для писанія, самъ же я возсѣлъ за почетный столикъ, и началась работа.

Сонъ такъ одоливалъ меня, что, продиктовавъ нѣсколько строкъ, я засыпалъ сидя. Необходимо было, однакожь, превозмочь себя: съ самымъ отчаяннымъ надъ собой усиленіемъ я передалъ приказаніе, подписалъ его въ дюжины экземпляровъ и отпустилъ офицеровъ. Но приниматься за дальнѣйшую обычную работу я, отъ двухночной бессонницы и отъ чрезвычайнаго утомленія, не чувствовалъ ни малѣйшей охоты и не имѣлъ къ тому ни силъ, ни способности.

Съ неизобразимою радостію добрался я до своего отряднаго шалашища и, въ чемъ былъ, въ шинели, при саблѣ, бросился, съ предосторожностію на солому. Но тотчасъ заснуть, какъ я рассчитывалъ и несомнѣнно былъ убѣжденъ, я никакъ не могъ; переходъ отъ клюни къ шалашу предательски похитилъ мой сладкій вождедѣльный сонъ.

Въ военное время, фронтовой офицеръ, не командующій частью, прійдя на бивуакъ, думаетъ только о себѣ и о своемъ успокоеніи. Солдаты построить ему шалаши, принесутъ дровъ, соломы и прочаго, приберутъ и накормятъ лошадь; деньщикъ согрѣетъ чайникъ; сбегутся товарищи; пьютъ чай, ромъ; курятъ, играютъ въ карты, говорятъ все, что прійдетъ въ голову, откровенно, безцеремонно; отъ души смѣются и шутятъ; братски дѣлятъ между собой свой съдобный запасъ и, въ заключеніе, безпечно засыпаютъ на буркѣ или на шинели, какъ произошло, не думая о грядущемъ днѣ.

Обязанности фронтоваго офицера заключаются въ нарядѣ: на аванпосты, въ разъѣздъ, въ караулъ, на фуражировку и проч. Всѣ эти обязанности, по правдѣ сказать, всегда непріятны и не

всегда безопасны; но, во первыхъ, онѣ достаются не каждый день, и, во вторыхъ, послѣ отбытія своей очереди, офицеръ ничемъ не думаетъ, ничего знать не хочетъ. У него одна дума вступить въ бой и отличиться.

Не то старшій адъютантъ. Онъ идетъ переходъ, какъ и всѣ при войскахъ, верхомъ, и, такъ же, какъ и всѣ, устаетъ и нуждается въ отдыхѣ. Но отдыхъ далекъ отъ него: едва съ коня какъ онъ берется за перо, пишетъ приказанія, составляетъ разные распоряженія, которые, по случайностямъ войны, мѣняются иногда черезъ два часа, отписываетъ бумаги и работаетъ до глубокой ночи, а часто и всю ночь.

Бываетъ такъ, что вся переписка по какому нибудь распоряженію кончена; предписанія готовы къ отправленію или даже отправлены. Вдругъ, вслѣдствіе какихъ нибудь свѣдѣній о неприятелѣ, дѣлается другое распоряженіе, иногда совершенно противорѣчащее первому. Весь предшествовавшій трудъ пропадаетъ: начинается новая пчелопина работа, кончаемая съ разсвѣтомъ; когда уже въ лагерѣ все поднялось и готовится исполнять то, надъ чѣмъ старшій адъютантъ трудился цѣлую ночь. Время ушло, войска выступаютъ, отдыхать некогда, и старшій адъютантъ, вмѣсто успокоенія, садится на лошадь прямо изъ-за письменнаго стола и отправляется въ дѣло противъ неприятеля.

Въ такія ночныя бдѣнія, мнѣ самому случалось часто оставлять на полчаса работу, совершаемую въ сараѣ, въ палаткѣ или въ холодной избѣ, иногда безъ оконъ и дверей, посреди разгуливающаго пронзительнаго сквознаго вѣтра, леденящаго кровь и задувающаго свѣчи, оставлять работу по необходимости, для того, чтобъ освѣжить отуманенную голову. Среди глубокой ночи выхожу на воздухъ, жадно вдыхаю живительную стихію. Вокругъ меня все поконится глубокимъ сномъ, который для иныхъ, не далѣе, какъ завтра, изъ временнаго, превратится въ вѣчный; изрѣдка фырканье лошадей, говоръ патрулей, оклики часовыхъ раздаются въ тишинѣ ночи; а я, съ отягченной головой, истомленными членами, брожу какъ привидѣніе между спящими; завистливо мечтаю о наслажденіи отдыха.

Въ ту ночь, о которой веду разсказъ, благодѣтельная судьба, казалось, желала утѣшить меня отраднымъ исключеніемъ: я отдѣлался рано; въ странныхъ распоряженіяхъ на ту пору не случилось, и, какъ уже сказано, я великолѣпно поконился на соломенномъ ложѣ.

Было часовъ одиннадцать. Ночь темная, сырая, холодная. Бивуачный шумъ постепенно утихалъ; кое-гдѣ раздавались еще голоса, отдававшіе приказаніе или возбуждавшіе бдительность; ~~сказанія~~ ~~переговаривались~~ между собой; лошади ѣли кормъ.

Вдругъ, ровный, непрерывистый шумъ, похожій на шумъ вѣтра, на воздухѣ, имѣетъ удивительную силу на воюющихъ. Подъ влияніемъ этого жужжанья, подъ обаяніемъ ~~слова~~ мечтаній и молодыхъ надеждъ, я начиналъ крѣпко засыпать.

Вдругъ, въ арріергардѣ, грянулъ выстрѣлъ изъ орудія, за нимъ другой; еще нѣсколько выстрѣловъ. Я вскочилъ.

Въ лагерѣ затрубили тревогу.

— Мундштучь! одѣвайся! живо! раздавались голоса, мѣняющіеся рѣзкимъ выкомъ трубъ.

— Крикъ, гамъ, суета, брязгъ оружія.

— Лошадь! закричалъ и я своему казаку.

Черезъ десять минутъ подвели лошадь. Выѣхалъ корпусный командиръ; штабъ тотчасъ присоединился къ нему. Мы всѣ, съ казачьимъ конвоемъ, поѣхали на рысяхъ въ арріергардъ. Войска стали сниматься съ лагеря и выходить на сборные пункты.

Темнота страшная: въ двухъ шагахъ ничего не видно.

Лошади наши грузно шли по грязи; но мы, однако, ѣхали рысью.

Канонада прекратилась. Изрѣдка слышались ружейные выстрѣлы; но скоро все смолкло.

Черезъ четверть часа мы были уже въ арріергардѣ.

— Что за тревога? спросилъ корпусный командиръ начальника арріергарда.

— На той сторонѣ показалась неприятельская пѣхота — казаки, бывшіе за рѣкой, привезли это извѣстіе — поэтому я и открылъ огонь.

— А развѣ ледъ еще держитъ?

— Казаки переѣзжали безъ особеннаго труда.

— Стало быть, Висла намъ не защита, сказалъ корпусный командиръ въ шолголоса, какъ бы про себя: — первый морозъ, и неприятель перейдетъ. Но гдѣ теперь эта пѣхота? спросилъ онъ громче.

— Ничего не видать, отвѣчалъ начальникъ арріергарда: — или ушла, или скрывается въ лѣсу.

— Послать свѣтлиція ядра! крикнулъ генераль.

Черезъ минуту загрѣмѣли выстрѣлы. Ядра, вспыхнувъ какъ факелы, перелетѣли черезъ рѣку и довольно ярко освѣтили окрестное пространство.

Противолежащій берегъ покрытъ былъ мѣстами не крупнымъ лѣсомъ; но не только въ лѣсу, и на открытыхъ мѣстахъ не видно было ни одного деловѣка.

— Это демонстрація, сказалъ корпусный командиръ начальнику штаба по французски. Неприятель, навѣрное, перейдетъ Вислу завтра или послѣ-завтра, пока еще ледъ держитъ. Ему легче перейти, чѣмъ намъ: у него нѣтъ обозовъ. Я не имѣю силъ воспрепятствовать его переправѣ; будемъ только высматривать и поостережемся. Я думалъ, что Дверницкій оставитъ меня въ покоѣ; но ему, конечно, досадно, что онъ вынулъ изъ рукъ подлѣ Козеницей, — теперь хочетъ возвратитъ потерянное. Но Дверницкому не провести меня: я хорошо его знаю.

— Намъ бы лучше отойти отъ береговъ, замѣтилъ начальникъ штаба.

— Я такъ и думаю. Разошлите приказанія отступить на Люблинъ. Первый переходъ: одной колоннѣ въ Мѣховъ, другой въ Барановъ.

Тотчасъ же, по указанію начальника штаба, ординарцы повезли во всѣ части словесныя приказанія — отступать не медля.

Арриергарду приказано отойти на то мѣсто, гдѣ было за часъ передъ тѣмъ наше бивуакированіе, а казакамъ оставаться на Вислѣ до разсвѣта, наблюдая за неприятелемъ въ оба глаза и посылая разъѣзды во всѣ направленія по Вислѣ и даже за Вислу.

Мы поѣхали назадъ. Не пробѣжали версты, какъ сзади насъ, въ арриергардѣ, послышался ружейный залпъ.

— Я убѣжденъ, вскрикнулъ корпусный командиръ: — что это драгуны разряжаютъ ружья! Не могутъ никакъ отстать отъ мирныхъ привычекъ! а, между тѣмъ, безъ нужды тревожатъ войска. Надобно замѣтить это полковому командиру, добавилъ генералъ, обращаясь къ начальнику штаба: — и напомнимъ имъ, что они на войнѣ, а не въ дивизионномъ лагернѣ.

Въ это время кто-то подѣхалъ къ нашей свитѣ и громко спросилъ:

— Гдѣ корпусный?

— Здѣсь! отвѣчало нѣсколько голосовъ: — а ты кто?

— Казакъ.

— Сюда, казакъ! крикнулъ генералъ.

Казакъ подѣхалъ.

Хотя ночь была очень темна, однакожъ, видно было, что лошадь казака шаталась отъ усталости и паръ валилъ съ нея клубами.

— Ты откуда?

— Изъ Пулавы, ваше превосходительство!

— Зачѣмъ?

— Бѣжалъ отъ плѣна.

— Чтѣ за вздоръ! отъ какого плѣна?

— Точно такъ, ваше превосходительство! насплу ноги унесъ.

— Да чтѣ случилось?

— Поляки все забрали....

— Какъ забрали?...

Генералъ остановился и за нимъ вся свита и конвой.

— Точно такъ, ваше превосходительство! все забрали: и шкадронъ, и наши десятки, и сотника, и капитана, и всѣхъ господъ офицеровъ....

— Чтѣ ты вздоръ говоришь?

— Нѣтъ, безотвѣдно такъ! всѣхъ на всѣхъ! кажись, и шандаръ взяли; сдается, только я и ушелъ.

— Вотъ еще бѣда! сказалъ корпусный командиръ, замѣтно встревоженнымъ голосомъ: — но, вѣрно, плохо стояли? спали?

— Никакъ нѣтъ! стояли справно, бикеты держали въ акурать; да Поляки напали обманнымъ образомъ, изъ такого вишь мѣста, гдѣ ходитъ — прости Господи! — развѣ только нечистая сила. Вишь, они какъ-то прошли подлѣ землей, а провели ихъ обыватели.

Но вмѣсто казака мы докончимъ:

Надобно сказать, что въ Пулавахъ, по просьбѣ владѣлицы этого мѣстечка, известной магнатки польской, княгини Чарторижской, былъ поставленъ залогъ, изъ драгунскаго эскадрона, при которомъ былъ штандартъ и тридцать казаковъ. Залогъ ставится для предупрежденія набѣговъ и утѣшеній со стороны войска. Княгиня Чарторижская, не увѣренная въ благочиніе нашихъ казаковъ, обезпечила себя противъ набѣдовъ ихъ залогомъ, но, при первомъ же случаѣ, чтобъ доказать свой патриотизмъ отчизнѣ, отдала на жертву своихъ охранителей. Она, конечно, не предполагала, что въ Пулавы явятся когда нибудь польскія войска; но они явились. Чтѣ ей оставалось дѣлать?

Защищать Русских? Но черезъ это она предала бы въ яростную месть изступленныхъ своихъ соотчичей все достоиніе свое и свой великолѣпный дворецъ, обиталище ея знаменитыхъ предковъ. Ослѣпленные фанатизма, конечно, не задумались бы въ выборѣ ни на минуту: вся эта почтенная старина, всѣ дорогіе для воспоминаній княгини предметы были бы расхищены, истреблены и преданы огню и мечу. Поэтому княгиня рѣшилась на мѣру болѣе выгодную и менѣе честную — рѣшилась выдать головою свой русскій залогъ. Съ ея согласія, жители провели въ мѣстечко, на разсвѣтъ, польскую пѣхоту и кавалерію, скрытыми и, какъ тогда говорили, подземными путями, бывшими подъ садомъ и паркомъ дворца. Эскадронъ, захваченный врасплохъ, не могъ долго сопротивляться, хотя и защищался упорно. Въ полчаса времени все было кончено: что осталось въ живыхъ, взято въ плѣнъ. Эскадроннаго командира взяли на чердакѣ его квартиры, въ халатѣ, съ солдатскимъ ружьемъ; онъ, съ драгунами своей конюшни, отстрѣливался отсюда довольно успѣшно. Въ квартирѣ эскадроннаго командира былъ и штандартъ, при которомъ стоялъ часовой. Часоваго убили, а штандартъ схватили съ торжествомъ и ликованіемъ. О приобрѣтеніи этого трофея возглашали тогда во всѣхъ польскихъ газетахъ, какъ о выигранномъ генеральномъ сраженіи.

— Надобно, однакожь, сказалъ корпусный командиръ, выслушавъ разсказъ казака: — взяться горячо за это дѣло, и тотчасъ же, по горячимъ слѣдамъ. Надобно сейчасъ послать туда расторопнаго и дѣльнаго офицера, который сумѣлъ бы разобратъ дѣло.

— Не прикажете ли старшаго адъютанта?

— И прекрасно! это будетъ для него военно-юридическій урокъ на практикѣ.

Корпусный командиръ подождать меня къ себѣ.

— Вы слышали, въ чемъ дѣло? спросилъ онъ: — отправляйтесь же. Если удачно исполните все порученіе, ждете вась награда. До свиданія!

Генералъ тронулся съ мѣста, и за нимъ отправился весь штабъ. Одинъ я остался въ полѣ.

Но взводъ драгунъ, при офицерѣ, и тридцать черноморскихъ казаковъ, при урядникѣ, назначенные составлять мой отрядъ, стояли неподалеку, ожидая моихъ приказаній.

Ко мнѣ еще подѣхалъ начальникъ штаба, далъ нѣсколько

совѣтовъ и наставленій насчетъ того, чтобъ вести себя осторожно, потому что я очень легко могъ столкнуться съ непріателемъ, и поручалъ скорѣе кончать дѣло въ Пулавахъ.

— Мы очень будемъ интересоваться вашими дѣйствіями, сказалъ онъ въ заключеніе: — потому что дѣло, какъ вы сами видите, особенно важно и имѣетъ многостороннее значеніе: тутъ нужны и сабля, и перо, и полицейская споровка. Поэтому вы тотчасъ же дайте вѣсть о себѣ, какъ только придете въ Пулавы, а другую вѣсть пришлите, когда кончите дѣло. Для передачи извѣстій оставьте въ Бобровникахъ нѣсколько человекъ драгунъ. Въ Пулавахъ они вамъ не столько будутъ нужны, какъ казаки. До свиданія!

По отъѣздѣ начальника штаба, ко мнѣ явились офицеръ и урядникъ, главные начальники моего воинства. Я подѣхалъ къ людямъ, поздоровался и принялъ ихъ подъ команду.

Мѣстность я зналъ плохо: карты у меня тогда еще не водилось, проводниковъ нѣтъ. Я за бокъ казака, который ушелъ изъ Пулавъ и теперь, слѣзши съ своей лошади, заботливо ухаживалъ за нею, болтая съ своими товарищами о томъ, какъ онъ шнырялъ по Пулавамъ между Поляковъ и какого набрался тамъ страха.

— Ну-ка, любезный! сказалъ я казаку: — въ походъ со мной!

— Ваше благородіе! помилуйте! завопилъ казакъ: — я самъ измаялся, а лошадь еще горше. Ни у меня, ни у ней сегодня во рту хоть бы что ни на есть, — что называется, ни росинки! цѣлый день ѣхалъ — погони боялся; верстъ, чай, сорокъ отмахнулъ! да она, бѣдняжка, таперпча версты не пройдетъ: совсѣмъ пристала! да я и дороги не знаю: я ѣхалъ почестъ что цѣбликомъ по солвицу. Ужь слѣжайте отеческую милость, заставьте вѣчно Бога молить! ослобоните: ей, ей, не могу! и радъ бы душою.

Убѣдясь правдивымъ представленіемъ казака, я согласился на его просьбу.

Пришлось и мнѣ идти на удалую, но только не по солвицу, а развѣ по звѣздамъ; да и тѣ заволокло тучами.

Я досталъ свои ренетирные часы, подавилъ пружинку: пробыло двѣнадцать съ половиною.

— Справа по три! маршъ! казаки впередъ, драгуны за ка-
ками!

Въ этомъ порядкѣ я тронулся и пошелъ цѣликомъ по приме-
му направлению къ Виелѣ и потомъ берегомъ ея. Пулавы стоятъ
при этой рѣкѣ; следовательно, она могла служить лучшимъ ука-
зателемъ моего пути, пока не настанетъ утро, а утромъ я надѣял-
ся выбраться на дорогу.

Лошадь у меня была добрая. Хотя въ тотъ день она уже про-
шла верстѣ тридцать, но отдыхъ на бивуакѣ и гарнецъ овса такъ
освѣжили ее, что она, какъ бы послѣ продолжительной холи на
конюшнѣ, шла гордо, съ вырканьемъ, зорко смотря впередъ и
чутко прядя ушами.

Ночь была до того темна, что я могъ только видѣть своего
сѣраго коня, на которомъ ѣхалъ. Войство мое двигалось въ
мракѣ, черными неопредѣленными тѣнями, точно толпа призрак-
ковъ. Оно шло въ глубокой тишинѣ, которую нарушало только
бряканье оружія и глузданье по грязи лошадиныхъ ногъ.

Воображеніе, всегда являющееся съ непрошенными услу-
гами уму, тревожащему страхомъ, особенно ночью, рисовало са-
мыя поразительныя картины: уже мнѣ казалось, что враги
слѣдятъ за мной по пятамъ; что вдали движутся какія-то чер-
ныя массы; что массы приближаются ко мнѣ. Всмотриваюсь, и
вижу какъ будто всадниковъ и даже — съ никами!... такъ и чу-
дится неприятель! Но опомнюсь — видѣніе исчезнетъ, и все, по-
прежнему, черно и мрачно.

Смѣшно и досадно на самого себя.

Повременамъ мнѣ становилось такъ грустно, что я готовъ
былъ плакать. Я вспоминалъ родныхъ, тихій домашній кровъ,
вспоминалъ лучшіе дни своей жизни, сравнивалъ ихъ съ настоя-
щимъ положеніемъ и горько сожалѣлъ о прошедшемъ.

Я шелъ, какъ уже сказано выше, берегомъ рѣки. Ея сѣрень-
кій ледъ тянулся изгибами вдаль, какъ лента, и, бѣлая во тьмѣ
ночи, посреди черныхъ береговъ, служилъ мнѣ путеводителемъ.

Продолжая шествіе по берегу, я твердо былъ увѣренъ, что
не собьюсь съ пути; но я шелъ цѣликомъ по пашнямъ, по лѣ-
самъ, по оврагамъ. Ручьи съ шумомъ падали въ обрывы и про-
моины, а лошади по брюхо грузди въ топяхъ и лощинкахъ. Без-
прерывныя переправы очень замедляли мое путешествіе.

Такъ я прошелъ верстѣ семь. Небо стало проясняться, пока-

зались звѣзды, начало подмерззать. Съ проясненіемъ воздуха и на-
душъ стало легче.

Наконецъ я выбрался на дорогу. Она и недалеко была отъ
Виелы, но темнотѣ, я никакъ не могъ попасть на нее.

Идя изъ района своихъ войскъ, я принялъ необходимыя
предосторожности въ слѣдованіи: у меня былъ и авангардъ и
аррьергардъ, а на мѣстахъ безлѣсныхъ даже и боковые патрули.

Офицеръ былъ у меня храбрый и страстный къ военному дѣ-
лу. Онъ теперь давно уже генералъ и съ достоинствомъ прохо-
дитъ свое многотрудное и славное поприще. Казаки — растороп-
ны, драгуны — безответные исполнители того, что прикажутъ.

Наши казаки, какъ извѣстно всему міру, недаромъ заслужи-
ли своего знаменитость: сметливѣе, расторопнѣе и, въ нѣкоторыхъ
случаяхъ, смѣлѣе и дерзжче ихъ, нѣтъ никого и нигдѣ; но стой-
костью они не отличаются. Умереть, стоя бесполезно на мѣстѣ,
по ихъ понятіямъ, не есть доблесть. Геройство и у нихъ считае-
тся высокимъ достоинствомъ; но они видятъ его только въ удалѣ-
ствѣ, въ смѣлыхъ наѣздахъ, въ неожиданомъ налетѣ на врага. Ус-
кользнуть отъ непріятели, какимъ бы то ни было средствомъ,
ставится имъ въ добродѣтель, а не въ стыдъ: казакъ знаетъ, что,
пока онъ цѣлъ, онъ тысячу способовъ придумаетъ ко вреду не-
пріятели, поэтому и бережетъ себя тщательно.

Чтобъ испытать своихъ казаковъ, я спросилъ:

— А что, ребята, если нападетъ на насъ эскадронъ Поля-
ковъ, управимся мы съ нимъ?

— Еще бы! плѣвое дѣло.

— А два?

— Да и съ двумя потягаемся.

— Молодцы!

Но въ этой юркости казачей я видѣлъ больше хвастовства
и не вѣрилъ словамъ; драгуны, хладнокровно и безмолвно ѣхав-
шіе, какъ-то болѣе подавали на себя надежды, въ случаѣ опас-
ности.

Часамъ къ тремъ показался на небѣ блѣдно-желтый мѣсяцъ,
бывшій уже въ послѣдней четверти. Стало довольно свѣтло и
морозило порядочно: грязь замѣтно погустѣла.

Разсвѣло; было часовъ шесть утра; морозъ усиливался. При-
шли къ деревнѣ.

Въ деревнѣ не замѣтно было никакого разрушенія; дома пѣ-
лы, а, между тѣмъ, она казалась какъ будто вымершею: ни ма-

лѣйшаго въ ней движенія! Въ ту пору года и въ тотъ часъ утра, надъ деревьями разстилаются обыкновенно клубы дыма, слышится лай собакъ, крикъ пѣтуховъ; здѣсь же все было пусто и безжизненно.

Я послалъ въ деревню патруль для развѣданій, а самъ оставился.

Вокругъ меня повсюду тишина могильная; но вдали я слышалъ какой-то непонятный шумъ, глухо разносившійся въ свѣжемъ воздухѣ. Я заключилъ, что это журчатъ ручьи. Послѣ я узналъ, что шумъ этотъ происходилъ отъ движенія неприятельскихъ войскъ, шедшихъ почти параллельно со мной, по другой сторонѣ Вислы.

Влѣво отъ меня, на версту разстоянія, печально зеленѣлъ небозримый сосновый лѣсъ; вправо — песчанья, холмообразныя равнины, покрытыя кустарникомъ; вдали — Висла.

— Ваше благородіе! вскрикнулъ внезапно мой казачій урядникъ: — извольте-ка взглянуть!

При неожиданномъ восклицаніи урядника, я, погруженный въ задумчивое созерцаніе унылой природы, меня окружавшей, невольно вздрогнулъ. Подъ влияніемъ мысли о столкновеніи съ неприятелемъ, которая давила меня всю ночь, я подумалъ, что передо мной несмѣтная сила. Но это было только человѣкъ шесть неприятельскихъ кавалеристовъ, которые стремглавъ усаkali изъ деревни по направленію къ Вислѣ.

— Должно быть, неприятель недалеко отсюда, замѣтилъ я своему товарищу: — когда эти господа не побоялись провести здѣсь ночь?

— Вѣроятно.

— Едва ли удастся намъ безпрепятственно добраться до Пулавъ, а если и удастся, то не знаю, успѣемъ ли мы что нибудь тамъ сдѣлать. Эти испуганные наѣзники дадутъ знать о нашемъ появленіи, поднимутъ тревогу, и противъ насъ, конечно, будутъ приняты мѣры.

— Ваше благородіе! вскрикнулъ опять урядникъ: — вонъ кто-то выѣхалъ изъ лѣсу, верхомъ!

Лѣсъ, какъ я сказалъ, былъ въ верстѣ отъ меня.

Я послалъ въ лѣсъ двухъ казаковъ.

Привставъ на стременахъ и пригнувшись къ передней лукѣ, казаки взяли пики на перевѣсъ и шибкой рысью помчались, присѣдая мѣрно на сѣдлѣ. Всадникъ, выѣхавшій изъ лѣсу, увидя

несущихся на него казаковъ, быстро повернулъ назадъ и исчезъ въ лѣсу. Но отъ казаковъ трудно уйдти или скрыться: кого нужно, они найдутъ на днѣ морскомъ.

Черезъ пять минутъ казаки мои выѣхали изъ лѣсу уже *втро-емъ*. За дальностію разстоянія, я не могъ рассмотреть, кого они подцѣпили, но видѣлъ только, что они не очень вѣжливо побуждали всадника къ ускоренію хода: на долю его выпало дюжины полторы добрыхъ толчковъ тупымъ концомъ пики. Съ приближеніемъ казаковъ, я увидѣлъ, что они сопровождали Жида, вовсе невоинственной наружности. Онъ ѣхалъ верхомъ на тощей клячкѣ.

— Какая это деревня? спросилъ я Жида, когда казаки поставили его передо мной лицомъ къ лицу.

— Бобровники, отвѣчалъ Жидъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ.

— Далеко ли отсюда до Пулавъ?

— Двѣ или три мили, — навѣрное не знаю.

— Есть ли тамъ Поляки?

— Не знаю.

— А здѣсь? между Бобровниковъ и Пулавъ?

— Не знаю.

— Да что жь ты, Иуда, все не знаешь да не знаешь: вѣдь ты съ той же стороны ѣхалъ?

— Не знаю: я никого не видалъ.

— А! ты не хочешь говорить! такъ я развяжу тебѣ языкъ.

— Ей-Богу, нанясѣйшій князь! я ничего не знаю, завопилъ Жидъ, помертвѣвъ отъ страха.

— А вотъ узнаешь! Эй, казаки! закричалъ я, притворяясь взбѣшеннымъ: — допросить его!

Мгновенно казаки сорвали Жида съ лошаденки и начали безжалостно стегать нагайками.

Пронзительные крики и моленья Жида звонко раздавались по морозному воздуху и раздирали мнѣ душу.

— Нанясѣйшій пане енерале! ей-Богу, я ничего не знаю; я не изъ Пулавъ ѣду, а ваши казаки, не знаю, за какую вину, *знали* меня! кричалъ отчаянно Жидъ, ёжась въ трѣхъ погибели отъ каждаго удара нагайки и усиливаясь представить изъ себя сколько можно уменьшенную цѣль для своихъ истязателей.

Мнѣ стало жаль бѣднаго Жида, и я приказалъ кончить противную для меня экзекуцію.

— Откуда же ты ѣдешь? спросилъ я Жида.

— Изъ Ванвольницы, отвѣчалъ онъ, обливаясь слезами: — тамъ у меня родные; я выѣхалъ еще до свѣта и нигдѣ Поляковъ не видалъ.

— Убирайся же скорѣе, чтобъ опять казаки не *злапали*.

Жидъ кинулся мнѣ въ ноги, поцѣловалъ полу моей шинели и, въ безумной радости, вскочивъ на свою кляченку, погналъ ее во всю мочь на прежнюю дорогу.

— Вотъ пріятности войны! сказалъ я своему товарищу: — за чтѣ мы мучили бѣднаго Жиду?

— Тутъ и *цѣ* Жидамъ достается.

Между тѣмъ, казаки привели другаго Жиду.

— Ты откуда?

— Здѣшній! держу корчму въ Бобровникахъ.

— Не слыхалъ ты, гдѣ Поляки?

— А вотъ сейчасъ ускакало отъ меня семь кракусовъ, со страху, какъ увидели пановъ; они говорили, что Поляки еще за Вислой, но хотятъ переправиться. Сегодня подморозило и ледъ скрѣпчалъ, такъ...

— Эти кракусы изъ отряда Дверницкаго?

— Такъ есть, вельможный пане!

— Зачѣмъ они были здѣсь?

— Пограбить немножко нашего брата, Еврея. Они вездѣ таскаются; намъ отъ нихъ просто бѣда! и теперь, когда бѣ не паны, эти гунтстваты мнѣ много бы шкоды натворили; но они не успѣли похозяйничать: только что пріѣхали...

— Такъ, стало, Поляки близко отсюда?

— Висла недалеко, а Поляки за Вислой.

Свѣдѣнія эти хотя лишили меня послѣдней надежды на успѣшное исполненіе порученія, однакожь, я считалъ себя обязаннымъ дѣйствовать твердо до тѣхъ поръ, пока не остановятъ дѣйствительныя препятствія. Необходимо было идти послѣднѣе, потому что до Пулавъ оставалось еще верстъ пятнадцать, а время было уже около семи часовъ. Безъ малатаго часа я промѣшкалъ возлѣ Бобровниковъ въ распросахъ и поискахъ.

Въ Бобровникахъ, для передачи извѣстій о своихъ дѣйствіяхъ, я оставилъ, согласно приказанію начальника штаба, пять драгунъ, при унтеръ-офицерѣ.

Давъ нужныя наставленія драгунамъ насчетъ ихъ обязанностей, а Жиду объявивъ, къ величайшему его удовольствію,

что за все, что возьмутъ у него драгуны, онъ получитъ *пенендзы*, я отправился къ своей цѣли.

Возлѣ Бобровниковъ протекаетъ небольшая, но быстрая и глубокая рѣка Вепржъ. Я перешелъ чрезъ нее по льду, совершенно безопасно.

Дорога шла большою частію сосновымъ лѣсомъ; по замерзшему песку (дорога была песчаная) идти было очень легко, и я шелъ усиленнымъ шагомъ.

Были, однакожь, остановки отъ излишней осторожности моихъ казаковъ. Каждый шумъ, каждое движеніе, даже полетъ птицы, — все пробуждало ихъ обычную подозрительность. Сзади меня то и дѣло повторялось:

— Ваше благородіе! извольте прислушаться! ваше благородіе! позвольте осмотрѣть! тамъ что-то такое... какъ будто...

Сначала, имѣя высокое мнѣніе о предусмотрительности и ловкости казаковъ въ экспедиціяхъ, подобныхъ моей, я безусловно слѣдовалъ ихъ совѣтамъ: при каждомъ предложеніи остановиться и развѣдать, я останавливался и посылалъ на развѣдыванія. Подозрительность казаковъ сообщилась и мнѣ, тѣмъ болѣе, что и самъ я былъ подъ вліяніемъ сильнѣйшаго безпокойства, хотя и казался спокойнымъ. Отдѣляясь отъ своихъ слишкомъ на двадцать верстъ, я съ каждымъ шагомъ впередъ приближался къ опасности и удалялся отъ надежды на спасеніе, въ случаѣ столкновенія съ сильнымъ противникомъ. Когда же, послѣ нѣсколькихъ бесплодныхъ остановокъ, я увидѣлъ, что если я буду поощрять чрезмѣрную осторожность казаковъ, то прежде вечера не прійду въ Пулавы, тогда я приказалъ казакамъ рѣшительно замолчать.

— У меня есть свои глаза и свои уши, сказалъ я имъ въ заключеніе.

Послѣ этого я уже шелъ спокойно и безостановочно.

Въ верстѣ съ небольшимъ отъ Пулавъ была корчма. Въ ней нашелъ я отставнаго солдата польскихъ войскъ. Ихъ называютъ въ Польшѣ ветеранами. Наружность этого ветерана была почтенная и благообразная. Грудь его украшали русскія медали. Онъ внушалъ довѣріе къ заслуженному воину. Я разсуждалъ, какъ казалось, здраво, что старый солдатъ, Полякъ, носящій русскіе знаки отличія, желаетъ, конечно, представить, при такихъ смутахъ въ краѣ, очевидное ручательство въ своей вѣрно-

сти Русскимъ. Поэтому, я съ полною довѣрчивостію и началъ съ нимъ разговоръ.

Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о его службѣ, о времени получения знаковъ, я спросилъ:

— Есть ли въ Пулавахъ Поляки?

— Ни одного солдата.

— Вчера же только взяли тамъ нашъ эскадронъ. Ты, я думаю, слышалъ объ этомъ?

— Какъ не слышать: все знаю!

— Такъ куда же они дѣвались?

— Вчера еще убрались за Вислу.

— Правда ли, что жители провели польскія войска и даже сами помогали истребленію нашего эскадрона?

Ветеранъ какъ-то странно моргнулъ глазами, но отвѣчалъ твердо:

— Правда.

— Скажи же, пожалуйста, ты здѣсь живешь близко и долженъ, конечно, знать: кто именно изъ жителей главные виновники въ этомъ дѣлѣ?

— Э, пане полковнику! отвѣчалъ ветеранъ, перемѣняясь въ лицѣ: — тутъ всѣ виноваты.

Въ Польшѣ ничего не значитъ накинуть изъ лести нѣсколько чиновъ разомъ; поэтому и ветеранъ, не обинуясь, называлъ меня полковникомъ.

— Ну, хорошо! Теперь скажи мнѣ еще: гдѣ Дверницкій съ своимъ отрядомъ?

— Дверницкій за Вислой.

— Знаю; да гдѣ именно?

— Этого не знаю.

— Я слышалъ, что онъ хочетъ переправиться на эту сторону?

— Кто? Дверницкій? не вѣрите, пане полковникъ: это басни.

— А если я знаю навѣрное?

— Не можетъ этого быть! Дверницкій теперь, чай, спитъ еще у какого нибудь пана... прокутивши ночь... и плотно поужинавши.

— Развѣ онъ любитъ кутнуть?

— Еще какъ!

— Какже онъ командуетъ войскомъ?

— Не онъ командуетъ, а имъ командуютъ! У него такіе командиры, что онъ радъ не радъ, а слушается.

— Какіе жъ командиры?

— Да у него жъ таки, въ войскѣ: при немъ немало сорванцовъ отъ народоваго сейма, изъ вольной, неподлеглой шляхты! Бѣднаго старика совсѣмъ скрутили; дѣлаютъ, что хотятъ. Я знаю довольно Дверницкаго: толстый, невзглядный; ему бы побѣдать хорошенько, а не съ Русскими драться!

— Однакожъ, онъ хорошо дерется.

— Куда ему! такъ, пощастливилось...

— Такъ ты рѣшительно говоришь, что въ Пулавахъ нѣтъ польскихъ войскъ?

— Рѣшительно.

— А за Пулавами?

— Про это не знаю...

И ветеранъ опять заморгалъ глазами.

— Говори правду.

— Пусть Богъ убьетъ меня на мѣстѣ, если лгу!

Некогда и бесполезно было мнѣ толковать много съ ветераномъ, потому что отвѣты его слишкомъ были неудовлетворительны; надобно было спѣшить въ Пулавы.

Постепенно открывалась предо мной Висла и ея противоположашій берегъ, покрытый лѣсомъ. Я приблизился къ цѣли своего командироваія.

Казакъ, дотолѣ бѣжавшій безмолвно, не могли никакъ выдержать наложеннаго на нихъ запрещенія. Одинъ изъ нихъ вскрикнулъ торопливо:

— Ваше благородіе! за Вислой Поляки! ей, ей, Поляки! вонъ! извольте посмотрѣть: вонъ одинъ выскочилъ изъ лѣсу, вонъ другой!

Какъ я ни напрягалъ зрѣніе, но ничего не видалъ.

— Вамъ и деревья кажутся Поляками.

— Какъ угодно: извольте вѣрить или нѣтъ, а мы въ этихъ случаяхъ никогда не ошибаемся.

Подходя къ заставѣ, я увидѣлъ, что народъ толпами бѣжитъ изъ Пулавъ за Вислу...

Это непріятно подѣйствовало на меня. Вѣроятно, казакъ правъ, и за Вислой непріятель, къ которому и бѣгутъ жители.

Дорога въ Пулавы шла такимъ острымъ угломъ, что я никакъ не могъ видѣть, что дѣлается въ мѣстечкѣ.

Авангардъ мой, подойдя къ заставѣ, остановился. Прискакалъ оттуда казакъ.

— Ваше благородіе! сказалъ онъ: — въ мѣстечкѣ бѣготня и суматоха. Возлѣ костела пропастъ народу и всѣ *лехтируются* за Вислу.

— А войско есть?

— Не видать.

— Ну, такъ впередъ!

Я вошелъ въ Пулавы.

Длинная прямая улица, тянувшаяся вдоль рѣки, застроенная отъ берега домами, скрывала отъ меня все зарѣчное пространство. Я видѣлъ только, въ верстѣ отъ себя, костель съ площадью, на которой чернѣлись массы народа, суетившагося и бѣгавшаго, въ страхѣ и смятеніи, какъ муравьи въ своей муравейной кучѣ, когда какой нибудь шалунъ засунетъ въ нее для потѣхи палку; но что дѣлалось за Вислой, я видѣть не могъ. Пройдя съ четверть версты улицей, я очутился на пустоши, на которой съ прибрежной стороны домовъ не было. Висла открылась передо мной совершенно.

За Вислой, противъ Пулавъ, лежитъ деревня Гура. Въ этой деревнѣ чернѣлись въ нѣсколькихъ мѣстахъ, какъ стаи вороновъ, эскадроны польской кавалеріи. Въ прямомъ направленіи они были отъ меня не болѣе полуверсты. Я насчиталъ ихъ восемь эскадроновъ.

Я невольно остановился, а за мной и весь мой отрядъ. Теперь я положительно удостовѣрился, что мои разысканія въ Пулавахъ рѣшительно невозможны: надобно было подумать о томъ, какъ бы выпутаться изъ настоящихъ, не совсѣмъ хорошихъ обстоятельствъ.

Въ эту опасную минуту, скажу безъ хвастовства, во мнѣ совершился удивительный переломъ: когда я шелъ въ Пулавы и дѣйствительной опасности еще не видалъ, я страшился ея болѣе, чѣмъ теперь, когда она настала. Теперь возвратилось ко мнѣ полное спокойствіе духа и хладнокровіе.

Хотя непріятель былъ въ двадцать разъ многочисленнѣе меня, но я считалъ стыдомъ отступать безъ видимой причины, и потому, рѣшась показать видъ, что я и самъ довольно силенъ и составляю только передовую партію большаго отряда, я стоялъ на мѣстѣ и съ равнодушіемъ наблюдалъ, что предприметъ врагъ мой.

Между тѣмъ, казаки суетились и юлили около меня, повторяя:

— Ваше благородіе! прикажите отступить.

— Приказываю молчать! стоять смирно и ждать приказанія! слышите?

Казаки присмирѣли.

Когда я показался въ пустоши, непріятельскіе кавалеристы выстроились. При моемъ появленіи, они всполошились. Я немедленно лично команду ихъ: «на коня!» видѣлъ, какъ они живо сѣли и строились на площадкѣ передъ рѣкою. Вотъ отъ нихъ отдѣлился эскадронъ и рысцою, справа по теченію, сталъ переходить Вислу на мою сторону, но не туда, куда я стоялъ, а къ костелу, подальше отъ меня. Вслѣдъ за первымъ, началъ переходить и другой эскадронъ.

Я стоялъ, не трогаясь.

Передній эскадронъ, перейдя безпрепятственно, въ продолженіи пяти-шести минутъ, рѣку по подмерзшему льду, довольно быстро выстроился возлѣ костела, въ походную колонну, по шести, и въ этомъ порядкѣ пошелъ на меня легкой рысью.

Кавалерія была съ пиками; но я не разсмотрѣлъ еще, уланъ это или кракусы.

Второй эскадронъ, очевидно назначенный въ подкрѣпленіе первому, переходилъ рѣку шагомъ и строился также возлѣ костела, но гораздо медленнѣе. Полагали, вѣроятно, что для уничтоженія моей частички достаточно и одного эскадрона.

Вотъ теперь отступать, сказалъ я казакамъ: — но *шагомъ!* охраняи, если кто нибудь изъ васъ юркнетъ впередъ: велю застрѣлить въ догонку.

Казаковъ поручилъ я своему товарищу, за казаками, въ нѣкоторомъ разстояніи, велѣлъ идти драгунамъ, а самъ, съ урядникомъ и двумя казаками, пошелъ сзади драгунъ.

Пока я дѣлалъ эти распоряженія, непріятель безостановочно приближался ко мнѣ.

Я началъ отступать шагомъ, не торопясь, безъ суеты, по той же длинной улицѣ, по которой вошелъ въ Пулавы.

Мнѣ не было надобности оглядываться назадъ для наблюденій за непріятелемъ: мои конвойные исполняли эту обязанность лучше меня самого.

— Вотъ идутъ, идутъ, говорили они поминутно: — вотъ близко!... ну, вотъ они!...

Тутъ я оглянулся. Непріятель былъ отъ меня не болѣе, какъ во ста саженьяхъ, и, къ величайшему моему удивленію, шелъ, такъ же, какъ и я, шагомъ.

Каждую минуту я ждалъ, что онъ кинется на меня съ тыла, но онъ не кидался.

«Вѣроятно», подумалъ я, «онъ не рѣшается атаковать меня въ тѣсной улицѣ, гдѣ только и можно было идти отдѣленіями по шести: но что будетъ, когда выйдемъ въ поле?...»

Уже я, миновавъ заставу, вышелъ на равнину; сажень въ полтора отъ заставы начинался лѣсъ — я подошелъ къ лѣсу. Въ это время, неприятель, развернувъ эскадронъ, пошелъ на меня рысью.

Я остановился и построилъ команду свою во фронтъ, чтобы принять ударъ.

Товарищу своему поручилъ я дѣйствовать съ казаками во флангъ и въ тылъ неприятеля; самъ, съ драгунами, приготовился отразить атаку.

Я не могъ быть увѣренъ въ успѣхъ при своей малочисленности, но ждалъ атаки съ самоотверженіемъ, рѣшась умереть, но не бѣжать.

Не доходя сажень пятидесяти до меня, неприятель вдругъ остановился. Это было такъ близко, что я видѣлъ лица своихъ враговъ. Тутъ я разсмотрѣлъ, что это были кракусы.

Ожидая каждую секунду атаки, я разъѣзжалъ по фронту и ободрялъ своихъ солдатъ. Но неприятель стоитъ неподвижно.

— Что за диво!

Я также стоялъ. Мнѣ не было ни пользы, ни нужды атаковать своего противника.

Такъ мы оба стояли другъ передъ другомъ минутъ пять, съ любопытствомъ наблюдая одинъ другаго.

До сихъ поръ, припоминая тотъ тревожный моментъ, я не могу постигнуть, что именно было причиной, что Поляки, проявляя перевѣсъ своихъ въ силахъ, не истребили, не растерзали моей слабой партіи. Неужели, и въ самомъ дѣлѣ, удержало ихъ мое гордо-хладнокровное отступленіе, моя рѣшимость встрѣтись напоръ ихъ, когда я остановился у лѣса? Или, судя по моимъ неторопливымъ движеніямъ, не подумали ли они, что въ лѣсу, за мной, скрывается засада и что я только заманиваю ихъ? Или наконецъ, что, не надѣясь на свои силы, эскадронъ этотъ поджидалъ прибытія другаго, чтобы ударить совокупно? Всего этого я и до сихъ поръ рѣшительно не понимаю.

Надобно было, однакожъ, придумать какойнибудь способъ выйдти изъ своего страннаго положенія. Единственное средство

къ спасенію было, конечно — отступленіе. Но и отступить неловко, когда въ пятидесяти сажняхъ стоитъ неприятель и стережетъ каждое мое движеніе. Можетъ быть, онъ только этого и ждетъ, — ждетъ, чтобы ринуться на меня, когда я тронусь съ

мѣста. Но медлить было невозможно: каждая секунда бездѣйствія усиливала мою опасность. Слѣдовало на чтонибудь рѣшиться тотчасъ же, пока не подошелъ другой неприятельскій эскадронъ. Тогда, быть можетъ, и не удастся уже выпутаться изъ бѣды.

Положась на свою звѣзду, я рѣшился отступить. Сначала велѣлъ отойти сажень на сто казакамъ и остановиться, потомъ отошелъ самъ съ драгунами и примкнулъ къ казакамъ.

Неприятель стоялъ на мѣстѣ.

Въ это время показались флюгера другаго неприятельскаго эскадрона, выходившаго изъ Пулавской заставы.

Сдѣлавъ первый шагъ къ отступленію, я уже не останавливался. Дорога хотя шла лѣсомъ, но для моихъ движеній была достаточно просторна. Сначала я отступалъ эшелонами, но, отдаляясь отъ неприятеля сажень на триста, пошелъ обыкновенной походной колонной.

Противникъ мой, несмотря на удвоеніе своихъ силъ, все-таки рѣшился меня атаковать. Полюбовавшись нѣсколько времени своимъ отступленіемъ, онъ также вытянулся въ походную колонну и пошелъ вслѣдъ за мной, шагомъ, издали наблюдая меня и не тревожа нисколько.

Не тѣмъ бы, вѣроятно, кончилось, еслибъ передо мной, вместо кракусовъ, были уланы!

Я дошелъ до корчмы, гдѣ разговаривалъ съ ветераномъ. Я ѣхалъ съзади съ своимъ конвоемъ. Пройдя корчму, я оглянулся на своихъ преслѣдователей. Вдругъ вижу, что ветеранъ, выйдя изъ корчмы и осматриваясь робко по сторонамъ, поспѣшно повернулъ навстрѣчу къ своимъ землякамъ.

Я очень злился на ветерана, и какъ Поляки были еще далеко, то я могъ успѣть сказать два слова своему благопріятелю. Я быстро налетѣлъ на него.

— Здравствуй, пріятель! спасибо за правдивыя извѣстія.

Ветеранъ поблѣднѣлъ.

— Пане пулковнику! сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: — я виноватъ, убейте меня!...

— Ты этого стоишь, мерзавецъ! но я не хочу марать руки твоей нечистой кровью, потому что ты носишь русскіе кресты... Ба! да гдѣ жь они?... О, уже надѣлъ польскіе!... Да ты безчестнѣй всякаго жида! вотъ ужь по истинѣ, и нашими и вашими. Я повернулъ лошадь и догналъ свою команду.

Ветеранъ стоялъ нѣсколько минутъ, опустилъ голову и не трогаясь съ мѣста, потомъ пошелъ, но не навстрѣчу землякамъ, а назадъ въ корчму. Неужели въ немъ проснулась совѣсть? Едва ли. Я думаю, скорѣе страхъ: онъ видѣлъ, что я былъ все-таки ближе отъ него, чѣмъ Поляки, и могъ схватить или убить его прежде, нежели ему дали бы помощь.

Между тѣмъ, Поляки подошли къ корчмѣ. Половина ихъ спѣшилась; другая осталась на лошадяхъ. Повидимому, они располагали отдохнуть. Обо мнѣ, какъ кажется, они забыли, потому что дали мнѣ полную свободу отступать, и я уже былъ отъ нихъ почти за версту.

Но я все еще не вѣрилъ, что такъ легко раздѣляюсь съ своимъ врагомъ; все еще казалось мнѣ, что мой, повидимому, не храбрый противникъ имѣетъ какую нибудь тайную, злонамѣренную мысль. Развѣ онъ не могъ, зная по лѣсамъ всѣ тропинки, обогнать меня и внезапно атаковать съ фланга или съ тыла и окружить совершенно? Огромные лѣса, по которымъ шла дорога, скрыли бы всѣ его движенія. Впрочемъ, онъ имѣлъ всю возможность, полчаса назадъ, уничтожить меня прямо, безъ всякихъ маневровъ, и если не сдѣлалъ того прежде, то, по теоріи вѣроятностей, тѣмъ скорѣе не сдѣлаетъ теперь.

Вниманіе мое было, однакожъ, насторожѣ; но я прошелъ уже верстѣ пять отъ корчмы, а нападенія нѣтъ. — стало быть, его и не будетъ.

Между тѣмъ, лошади наши стали утомляться; даже мой конь, всегда ретивый и рылый, шелъ туго и терпѣливо сносялъ поталкиванье шпорой, которой онъ вообще терпѣть не могъ.

Отдыхъ былъ также необходимъ и для людей. Со вчерашняго вечера они прошли безостановочно верстѣ пятьдесятъ. Неизбѣжно было идти до деревни или до корчмы, гдѣ бы можно было покормить людей и купить сѣна. Овесъ былъ въ саквахъ, а люди имѣли при себѣ только сухари.

За полверсты въ сторонѣ я увидѣлъ дворъ, съ небольшимъ господскимъ домомъ, и подѣхалъ къ нему, съ намѣреніемъ от-

дохнуть; но въ домѣ было пусто, печально, стекла выбиты, рамы выломаны, двери сорваны съ петель; вездѣ слѣды насильственнаго разрушенія. Чья недоброжелательная рука опустошила; во время войны, какъ будто для забавы, для наслажденія, разрушила жилища обывателей?

Не встрѣчая нигдѣ пристанища для отдыха, я долженъ былъ идти до Бобровниковъ, несмотря на утомленіе людей и лошадей.

Въ Бобровникахъ расположился я въ жидовской корчмѣ; прежде всего отправилъ съ драгуномъ записочку къ начальнику штаба, написанную карандашомъ, на клочкѣ бумаги. Содержаніе записки было коротко, какъ телеграфическая депеша. Я писалъ, что непріятель воспрепятствовалъ мнѣ произвести слѣдствіе въ Пулавахъ, что я долженъ былъ отступить и что подробности экспедиціи объясню лично.

Застраховавъ себя отъ нечаяннаго нападенія ведетами, я обратилъ вниманіе на утоленіе голода, который жегъ какъ огнемъ мою внутренность. Когда я объявилъ Жиду, что онъ за все получитъ деньги, то у него, не знаю уже откуда, явился баранъ, курица и яйца. Барана я отдалъ командѣ, а остальное потребовали мы съ товарищемъ.

Часа въ четыре, расплатившись съ Жидомъ, я выступилъ и въ семь часовъ нашелъ свой штабъ въ Мѣховѣ; тотчасъ же явился къ корпусному командиру, гдѣ былъ и начальникъ штаба, объяснилъ подробно причину неуспѣха своей экспедиціи и получилъ благодарность за свое хладнокровное дѣйствіе.

На другой день мы продолжали отступление къ Люблину.

VI.

При выходѣ изъ Мѣхова, получено было извѣстіе, что Дверницкій наканунѣ переправился черезъ Вислу въ Пулавахъ. Переправу онъ началъ въ десять часовъ утра. Въ Пулавы я пришелъ въ половинѣ девятаго. Кракусы, которыхъ я видѣлъ въ Гурахъ (деревня за Вислой, противъ Пулавъ), по всей вѣроятности, составляли авангардъ польскаго отряда. Прійди я часомъ позже въ Пулавы, я столкнулся бы со всѣми силами Дверницкаго. Тогда, конечно, не удалось бы мнѣ такъ дешево отдѣлаться.

Послѣ переправы, Дверницкій остановился въ Пулавахъ въ слѣдствіе полученнаго имъ извѣстія о разгромѣ Поляковъ подъ Гроховымъ.

17 февраля и мы узнали, что польская армія разбита подъ Гроховымъ на голову и въ безпорядкѣ бѣжала въ Варшаву.

Адъютантъ корпуснаго командира, ѣздившій въ главную квартиру съ донесеніемъ о дѣлѣ при Нововѣси 7 февраля, участвовалъ въ гроховской битвѣ, находясь при начальникѣ главнаго штаба арміи. Онъ-то и привезъ вѣсть объ этой побѣдѣ. Съ жадностью слушали мы любопытныя подробности кровопролитнаго боя. Не буду описывать его, потому что онъ уже прекрасно описанъ въ «Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ», гдѣ желающіе могутъ съ удовольствіемъ прочесть живое изображение этой битвы; но передамъ только тогдашнія сужденія объ этомъ сраженіи знатоковъ военнаго дѣла. Осуждали, во первыхъ, атаку Ольховой роши, хотя она и составляла ключъ позиціи. Говорили, что ее можно было взять безъ потери пяти тысячъ человекъ, простымъ обходнымъ движеніемъ въ лѣвый флангъ непріятеля; впрочемъ, находили какую-то политическую причину этой фронтальной атаки. Во вторыхъ, сильно досадовали, что не была поддержана блистательная атака Малороссійскаго Кирасирскаго полка. Эта безпримѣрная атака принесла бы удивительные результаты: она, безъ сомнѣнія, принудила бы польскія войска положить оружіе. Но, въ третьихъ, болѣе всего негодовали на то, что главнокомандующій не преслѣдовалъ разбитой непріятельской арміи и на ея плечахъ не вошелъ въ Варшаву. Тогда побѣда была бы полная и рѣшительная.

Адъютантъ, уѣхавшій изъ главной квартиры на другой день послѣ гроховской битвы, говорилъ, что Варшава, не сегодня — завтра, будетъ просить пощады и что война кончена. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ онъ, всѣ были увѣрены въ главной квартирѣ.

Увѣренность въ окончаніи войны сообщалась и намъ; но за этой увѣренностію послѣдовало скорое разочарованіе.

18 февраля мы пришли въ Люблинъ. Въ тотъ же день и Дверницкій выступилъ изъ Пулавъ по люблинскому шоссе.

Движеніе его впередъ свидѣтельствовало, что война не кончилась; но скоро другія событія показали, что она только началась, и началась именно оттого, что не сумѣли воспользоваться плодами гроховской побѣды.

Аррьергардъ нашъ, изъ драгунскаго полка, двухъ сотенъ казаковъ и пяти орудій, подъ командой генералъ-маіора Кавера, стоялъ на шоссе, въ Куровѣ, въ двадцати-пяти верстахъ отъ Люблина.

Другой эшелонъ аррьергарда, изъ драгунскаго же полка и трехъ орудій, стоялъ въ пяти верстахъ за первымъ.

Надобно добавить, что отрядъ нашъ усилился: оставленные въ Красноставѣ, какъ выше сказано, драгунскій полкъ, сотня казаковъ и четыре орудія вошли въ его составъ.

Въ Люблинѣ мы немного отдохнули. Въ продолженіе дня 18 февраля и утра 19-го, все было спокойно; о непріятелѣ было извѣстно только, что онъ тронулся изъ Пулавъ.

Вдругъ, въ два часа пополудни, 19-го, во дворъ корпуснаго командира примчались, во весь опоръ, два всадника, обрызганные съ ногъ до головы грязью. Лошади ихъ едва дышали отъ усталости.

Это были: начальникъ аррьергарда Каверъ и его адъютантъ.

Начальникъ аррьергарда попросилъ, чтобъ его тотчасъ же допустили къ корпусному командиру, несмотря на слой грязи, облѣпившей его лицо, изъ-подъ которой сверкали только его дикіе, полуномѣшанные взгляды.

Просьбу исполнили. Корпусный командиръ принялъ Кавера въ кабинетѣ. Что они тамъ говорили, неизвѣстно. Мы, стоявшіе въ залѣ, слышали только, что корпусный командиръ отчего-то сильно и горячо возвышалъ голосъ.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь изъ кабинета отворилась: вышелъ корпусный командиръ, гнѣвный и встревоженный.

— Прикажете трубить тревогу! сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ адъютантамъ: — да попросить ко мнѣ начальника штаба.

Все въ мигъ засуетилось.

Черезъ полчаса мы уже выступили изъ Люблина, со всѣми остальными войсками, и стали впереди Венявѣ на довольно хорошей позиціи.

Смеркалось. Сталъ накрапывать меленькій дождичекъ.

Начальникъ штаба, съ небольшимъ конвоемъ, поспекалъ впередъ взглянуть, что тамъ дѣлается, а мы узнаемъ, между тѣмъ, съ чего поднялъ такую тревогу Каверъ.

Вотъ что случилось.

19 февраля, утромъ, аррьергардъ Кавера былъ атакованъ опрокинутъ и потерялъ три орудія.

Не буду описывать подробностей дѣла. Оно было ведено дурно. Начальникъ до того потерялъ голову, что, какъ мы видѣли, самъ прискакалъ возвѣстить о своемъ пораженіи, полагая вѣроятно, что изъ цѣлаго отряда онъ только и уцѣлѣлъ. Каверъ, какъ тогда говорили, былъ въ болѣзненномъ состояніи. Иначе, впрочемъ, нечѣмъ и объяснить его страннаго бѣгства въ то время, когда его никто не преслѣдовалъ. Въ лихорадочномъ бреду же удивительно, что ему мерещился вездѣ преслѣдующій непріятель. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого поступка было немедленное удаленіе Кавера изъ арміи.

Нельзя не упомянуть о необыкновенномъ геройствѣ, въ дѣлѣ подъ Куровымъ, артиллерійскаго офицера, командовавшаго тремя орудіями, бывшими въ первой линіи аррьергарда. Къ сожалѣнію, въ запискахъ моихъ не сохранилось фамиліи этого офицера. Онъ успѣлъ сдѣлать только по два выстрѣла изъ своихъ орудій, картечью, по атаковавшемъ непріятелѣ, и хотя картечь много надѣлала бѣдъ въ рядахъ противниковъ, но атаки не оставила: непріятель съѣлъ на орудія. Офицеръ, съ прислугой, защищался банниками и саблями; но въ пять минутъ польскіе уланы перекололи нашу прислугу пиками, а офицеръ, видя неизбежную потерю орудій, бросился на одно изъ нихъ, обхватилъ его руками и не хотѣлъ сдаваться. Въ этомъ беззащитномъ положеніи остервенѣвшіе польскіе солдаты искололи офицера пиками, и онъ скатился съ орудія мертвымъ.

Еще надобно замѣтить обстоятельство, хотя въ сущности и маловажное, но имѣвшее на куровское дѣло рѣшительное вліяніе.

Первая линія аррьергарда стояла по обѣимъ сторонамъ шоссе, на выѣздѣ изъ Курова къ Пулавамъ; орудія помѣщались на самомъ шоссе. Позицію защищала болотистая непроходимая рѣчка. Черезъ рѣчку тянулся длинный, не очень широкій мостъ, упиравшійся прямо въ заставную рогатку, которая была передъ линіею войскъ въ сорока или пятидесяти саженьяхъ. Лучшей оборонительной позиціи, кажется, и желать было невозможно. Для удержанія напора непріятели проще всего было бы сбросить съ моста нѣсколько настланныхъ досокъ; но начальникъ аррьергарда не догадался этого сдѣлать. Было еще другое средство если не удержать, то, по крайней мѣрѣ, задержать непріятели. Это средство заключалось въ томъ, чтобъ просто опустить

рогатку; но и того не сдѣлали: о рогаткѣ вспомнили тогда уже, когда непріятельскіе уланы неслись въ карьеръ по мосту.

Не говорю о результатахъ защиты, когда бы мостъ былъ разобранъ; но если бы даже заставная рогатка была опущена, то исходъ дѣла, конечно, былъ бы благопріятнѣе. Пусть непріятель поднимаетъ рогатку подъ картечными выстрѣлами! Похитивъ изъ рядовъ сотни людей, картечь, безъ сомнѣнія, сильно расхолодила бы жаръ нападающихъ.

Начальникъ штаба нашелъ отступившіе полки за Ястковымъ, въ устройствѣ и порядкѣ. Непріятель стоялъ въ Маркушевѣ. Приказавъ, въ случаѣ натиска, отступать полкамъ къ главнымъ силамъ отряда, начальникъ штаба пріѣхалъ назадъ уже ночью.

Войска остались на бивуакахъ, а мы приотпились въ крайнихъ хаткахъ селенія, не смѣя и подумать о томъ, чтобъ раздѣться.

На другой день, еще до разсвѣта, выѣхали мы на позицію. Утро было холодное, туманное; мелкій дождичекъ не переставалъ во всю ночь. Поля разступились въ хлябь; только на шоссе и можно было ѣхать.

Корпусный командиръ отправился въ аррьергардъ, въ сильныхъ выраженіяхъ изъявилъ свое неудовольствіе полкамъ и, обращаясь къ офицерамъ, спросилъ:

— Чѣмъ вы загадите свою ошибку?

— Въ первомъ же дѣлѣ будемъ драться на смерть! отвѣчали офицеры.

— Въ такомъ случаѣ, мирюсь съ вами.

Полки эти отлично служили потому до самаго окончанія войны. Вообще, мы убѣждены, что неудачи въ дѣлахъ происходятъ, по большей части, не отъ недостатка храбрости въ войскахъ, а отъ неумѣнья повести ихъ въ дѣло. Въ особенности умѣнье это необходимо съ нашимъ русскимъ солдатомъ. Онъ храбръ до самоотверженія, когда храбрость поддерживается разумно направленнымъ приказаніемъ начальника.

Между тѣмъ, дождь все шелъ спорно и продолжалъ насъ, какъ говорится, до костей. Не говорю о шинелихъ все бѣлье на мнѣ было мокро до послѣдней нитки.

Я чувствовалъ, что не только чины — вся внутренность моя коченѣетъ отъ холода. Необходимо было согрѣться. Водки достать было нетрудно: я выпилъ и началъ отогреваться. Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, мнѣ страшно захотѣлось ѣсть. Я обратился къ

своему казаку, запасливость котораго не разъ уже спасала меня въ трудныхъ обстоятельствахъ, отъ голода. Казакъ безмолвно вытаскилъ изъ тороковъ двухъ жареныхъ куръ. Гдѣ и когда онъ доставалъ все это, не умѣю понять, но, когда бы я ни отнесся къ нему съ вопросами, вѣтъ ли чего нибудь съѣстнаго, всегда находилъ у него готовый запасъ.

Не могу передать, съ какимъ наслажденіемъ истребили мы, съ нѣкоторыми изъ товарищей, эту военную добычу! Отъ пернатыхъ не осталось ни косточки.

Теперь мнѣ было море по колено! Ледяное ожесточеніе дождя казалось мнѣ сущимъ вздоромъ.

Время перешло за полдень. Непріятель не показывался.

Къ двумъ часамъ дождь пересталъ. Только неповоротливыя, влажныя облака тяжело двигались въ туманномъ воздухѣ, помрачавшемъ свѣтъ дневной до того, что день казался сумерками.

Всѣ досадовали, что непріятель томить насъ напраснымъ ожиданіемъ. Наконецъ, часа въ три, прискакалъ изъ арріергарда казакъ.

— Идетъ! сказалъ онъ.

Съ возвышенности своей позиціи мы увидѣли черпѣвшія вдали непріятельскія колонны. Казаки отступали. Драгунскіе полки, бывшіе въ арріергардѣ, еще прежде появленія непріятеля примкнули къ отряду и стояли на позиціи въ общей массѣ.

Увидѣвъ нашъ отрядъ въ общемъ сборѣ, непріятель остановился. Онъ медлитъ, поджидаетъ свои войска; развернуться по грязи хотя и трудно, но онъ развертываетъ кавалерію; вотъ выдвигаетъ впередъ по шоссе свою артиллерію, ставитъ батарею на позицію; вотъ закрутился клубомъ дымъ — выстрѣлъ, и ядро съ визгомъ шлепнулось въ грязь, посреди нашихъ колоннъ, разметавъ вокругъ себя брызги.

Мы отвѣчали сильной канонадой изъ батарейныхъ орудій. Гранаты съ пронзительнымъ боемъ повеселись въ ряды враговъ.

Мы имѣли значительный перевѣсъ въ численности артиллеріи. Снаряды наши наносили замѣтный уронъ непріятелю; его же шестифунтовыя ядра безвредно проносились надъ нашими головами или, не долетая, падали въ грязь.

Непріятель, удивляясь, что онъ атакой съ фронта не можетъ вытѣснить насъ изъ нашей крѣпкой позиціи, несмотря на превосходство своихъ силъ, послалъ въ обходъ половину своихъ войскъ, и затѣмъ все-таки онъ остался вдвое сильнѣе насъ.

Понявъ намѣреніе непріятеля, корпусный командиръ приказалъ отступать.

Войска начали отходить эшелонами, стройно, въ порядкѣ, отстрѣливаясь на каждомъ шагу. Непріятель, впрочемъ, не сильно и напиралъ.

Главная забота наша была въ томъ, чтобъ пройти засвѣтло городъ, который удержать за собой, при своемъ малосиліи, мы никакъ не могли. При слабомъ преслѣдованіи, намъ это удалось совершенно,

Городъ, бывшій за часъ передъ тѣмъ въ нашей власти, какъ побѣдителей, теперь оставался нами, какъ побѣжденными. Мы проходили по его улицамъ съ чувствомъ оскорбленнаго военного самолюбія. Стало смеркаться. Мы прошли по большому деревянному мосту черезъ рѣку Быстрицу, при которой стоитъ Люблинъ и которою мы располагали прикрыться. Арріергардъ оставленъ былъ за Быстрицей. Ему приказали, въ случаѣ натиска, отступать также за Быстрицу и тотчасъ зажечь мостъ, для истребленія котораго заблаговременно уже былъ подложенъ, въ большомъ количествѣ, хворостъ съ соломою.

Войска отряда расположились за Быстрицей на бивуакахъ, по колено въ грязи.

Наступила темная, туманная ночь, сырая и холодная.

Шалашей не строили, огня не разводили. Только для корпуснаго командира принесли изъ ближней деревни нѣсколько вязанокъ соломы и сѣна, дюжины двѣ бревенъ и досокъ отъ заборовъ. Все это свалили на грязь, подмостили и только для него развели большой огонь. Онъ легъ на кучу сѣна, и скоро сюда собрались всѣ генералы и штабы отряда.

Корпусный командиръ спокойно рассказывалъ разные случаи изъ войны съ Французами въ 1807 году, которая начата была также въ зимнюю пору и въ этомъ отношеніи имѣла много общаго съ настоящей кампаніей. Онъ сравнивалъ теперешнее наше положеніе съ тогдашнимъ и, между прочимъ, рассказывалъ слѣдующій случай.

— Ночь эта, началъ онъ: — напоминаетъ мнѣ дѣло подъ Морунгеномъ 13 января 1807 г. Помню даже число: такъ это дѣло для меня памятно. Я служилъ въ Суйскомъ Гусарскомъ полку и командовалъ лейбъ-эскадрономъ. Послѣ отступленія отъ Пултуска, когда Наполеонъ размѣстилъ войска свои по квартирамъ, Беннигсенъ вздумалъ воспользоваться разобщеннымъ положе-

нѣмъ непріятеля и разбить корпусъ его поодиначкѣ. Тогда была у всѣхъ одна мечта: захватить Наполеона врасплохъ и бить его по частямъ, потому что въ массѣ одолѣть его было невозможно. Эта метода, конечно, очень хороша, но только не всегда была успѣшна съ Наполеономъ, который въ военномъ дѣлѣ ни на какую ловушку не поддавался. Всѣ наступательныя дѣйствія, какія предпринимали мы противъ Наполеона, воображая, что онъ стоитъ разиня ротъ, кончались тѣмъ, что мы сами едва уносили ноги. Напримѣръ, въ шестомъ году, въ самомъ началѣ кампаніи, при наступленіи къ Сохочину, мы едва не растеряли всей арміи. Только геройская оборона Остермана подъ Чарновымъ, да невылазная грязь, вотъ какъ теперь, передъ нами, которая отнимала у Наполеона возможность двигать войска съ его обыкновенной быстротой, — только это и спасло армію. Въ досадѣ, Наполеонъ называлъ тогда польскую грязь пятой стихіей. Замедленіе Наполеона дало возможность нашимъ, блуждавшимъ безцѣльно, полкамъ кое-какъ стянуться къ Пултуску и Голымину. Въ двѣнадцатомъ году мы тоже попробовали было поймать Наполеона врасплохъ и двинулись къ Руднѣ, да чуть не потеряли черезъ это Смоленскъ и сообщеніе съ Москвой. Эти наступленія, съ рѣшительнымъ и прозорливымъ противникомъ, нелегки: ихъ надобно предпринимать съ большою осмотрительностію, а ужъ если предприняли, такъ надобно дѣйствовать очертя голову, быстро, смѣло, не топтаться на мѣстѣ. Но повторяю, что это задача нелегкая. Бенигсенъ обольстился мыслью поколотить Наполеона и также двинулся впередъ. Сохочинскій урокъ, который за мѣсяць передъ тѣмъ данъ былъ предмѣстнику Бенигсена, казалось, еще не могъ забыться; но — или чужіе уроки не назидательны, или подобныя дѣйствія были тогда въ модѣ — мы увлеклись искушеніемъ, хотя и мало имѣли ручательства въ успѣхѣ. Сначала мы наступали безпрепятственно; но скоро, по нѣсколькимъ авангарднымъ стычкамъ, Наполеонъ проникъ наше намѣреніе. Тогда хотя наступленіе наше не имѣло такого неблагоприятнаго исхода, какъ прежде, но не принесло и пользы: не разбивъ никого, мы должны были сами отступить, по сквернымъ дорогамъ, съ неизбежными въ такихъ случаяхъ потерями. Сверхъ того, принуждены мы были выдержать кровопролитнѣйшее сраженіе (подъ Прейсишъ-Эйлау), которое также не принесло никакихъ плодовъ, а между тѣмъ, погубило десятки тысячъ храбрыхъ... Но обращусь къ морунгенскому дѣлу. Полкъ

нашъ, при этомъ наступленіи, о которомъ я сейчасъ говорилъ, составлялъ второй эшелонъ авангарда, подъ командой Анрепа, генерала съ большими военными достоинствами. Онъ тутъ же, подъ Морунгеномъ, и убитъ. Первымъ эшелономъ командовалъ Марковъ, который также пользовался въ арміи извѣстностію храбраго и распорядительнаго генерала. Въ Морунгенѣ Марковъ столкнулся съ слабымъ французскимъ отрядомъ и уничтожилъ его; но черезъ два часа передъ нимъ развертывались уже массы цѣлаго корпуса Бернадота. Марковъ успѣлъ занять, верстахъ въ двухъ передъ Морунгеномъ, выгодную позицію и съ мужествомъ оборонялся, до поздняго вечера, противъ многочисленнаго и искуснаго непріятеля. Но все-таки онъ былъ бы истребленъ, еслибъ не спасъ его особенный счастливый случай. Въ этомъ счастливомъ случаѣ полкъ нашъ игралъ первую роль. Бернадотъ, десятикратно сильнѣйшій, уже обошелъ оба фланга Маркова и готовился раздавить его своими массами, какъ вдругъ доносилъ ему, что Русскіе въ Морунгенѣ, въ тылу... Изумленный Бернадотъ самъ удостоверяется въ этомъ по перестрѣлкѣ, которая загорѣлась въ Морунгенѣ. Это было уже вечеромъ. Не видя, за темнотю, въ какихъ силахъ явился неожиданный противникъ, Бернадотъ, разумѣется, оставляетъ Маркова въ покоѣ и обращаетъ двѣ трети своихъ силъ назадъ, въ Морунгенъ, гдѣ уже мы побѣдоносно хозяйничали. Какъ же мы попали въ Морунгенъ, я самъ не понимаю. По приходѣ въ Либштатъ, верстахъ въ двѣнадцати отъ Морунгена, полкъ нашъ и еще какой-то драгунскій — помнится, Курляндскій — отправили къ Морунгену. Мы слышали, что Марковъ уже тамъ, но что онъ дерется, того не знали. Вѣтеръ бушевалъ съ такой силой, что мы за пять верстъ не могли слышать канонады. Полкъ нашъ не попалъ на прямую морунгенскую дорогу, а взявъ вѣervo и, обогнувъ дугу верстъ въ двадцать, пришелъ, когда уже совсѣмъ смерклося, безпрепятственно въ Морунгенъ, съ совершенно противоположной стороны отъ Либштата. Ничего не зная, не вѣдая, что дѣлается въ двухъ верстахъ передъ нами, мы смѣло вторгнулись въ Морунгенъ. Тамъ нашли разныя нестроевыя команды, обозы, единички начальниковъ, команды больныхъ, цѣлиныхъ, — словомъ, все, что оставляется въ тылу, когда войско идетъ въ дѣло. Все это въ мгновеніе разобрали по рукамъ, разогнали, разметали и надѣлали такой кутерьмы, что эти заполошныя команды отдавались намъ, какъ сонныя куры. Я, съ своимъ эскадрономъ, въ упоеніи

побѣды, пронесся черезъ все мѣстечко и, преслѣдуя бѣжавшія толпы, выскакалъ въ либнатскую заставу... Вдругъ со всѣхъ сторонъ ринулись на меня Французы и въ тотъ же моментъ меня окружили... Это были передовыя войска Бернадота, слѣдившія на выручку своихъ въ Морунгенъ. Тутъ мы страшно схватились въ рукопашный бой. Я силился пробиться; но французскіе гусары дали мнѣ ранъ десятокъ по головѣ... я безъ чувствъ свалился съ лошади и очнулся—въ плѣну у Французовъ. Однакожь, послѣ, я съ радостію, узналъ, что эскадронъ мой все-таки пробился, хотя и съ большимъ урономъ. Такъ вотъ какой случай напомнилъ мнѣ нынѣшняя ночь.

Любовитный рассказъ генерала заставилъ насъ забыть на время неприятности нашего положенія; но это обольщеніе скоро разсѣялось.

Любимѣй, въ прямомъ направленіи, былъ отъ насъ не болѣе версты. Раскидываясь на высотахъ, онъ во мглѣ ночи обрисовывался на горизонтѣ черными очерками нестройной массы домовъ, костеловъ и садовъ. Вотъ несутся изъ города торжествующіе клики — знакъ, что вступаетъ въ него побѣдитель. Слышится звонъ въ колокола, пальбу, неистовое «ура». Это жители встрѣчаютъ нашего врага.

Вдругъ на мѣстѣ изъ города, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ нашъ арріергардъ, раздался шумъ, подобный шуму прорвавшейся плотины, смѣшанный съ крикомъ тысячи голосовъ. Неприятель внезапно кинулся на нашъ арріергардъ, оврокинулъ его и преслѣдовалъ по шоссе. Шумъ становился слышнѣе и слышнѣе и несся прямо на насъ. Черезъ нѣсколько минутъ вспыхнула мостъ и яркимъ блескомъ освѣтилъ окрестность. Въ то же время слѣпленные драгуны, засѣвшие по берегу р. Быстрицы, открыли по наступающему неприятелю ружейный огонь; загремѣли орудія.

Картина была цѣлобразно прекрасная: гулъ сначущей по шоссе и чрезъ мостъ кавалеріи; смѣшанный крикъ множества гбасовъ, ружейная пальба, сверкавшая во мракѣ почти яркими вспышками, бытъ пушечныхъ выстрѣловъ, покрикавшихъ всю эту трескотню, пылающій мостъ, фигуры всадниковъ; рисовавшіяся на отбѣ пламенными очертками,—все это наводило ужасъ, но и приводило въ восторгъ.

Мы крѣпко боялись, что, при сильной жаротѣ, мостъ не загорится и Поляки прорвутся за Быстрицу; но они, доскакавъ до

пылаваго моста, гдѣ ихъ встрѣтили дружно картечью и пулями, остановились и отошли изъ-подъ выстрѣловъ.

Арріергардъ нашъ, между тѣмъ, опять устроился, и чрезъ полчаса, на всемъ пространствѣ, водворилась такая тишина, какъ будто здѣсь не было души человѣческой. Только и слышно было, какъ войска наши выходили изъ грязнаго логовища на шоссе и продолжали отступление по дорогѣ къ Красноставу.

Долго видѣлся въ тылу нашемъ пылающій мостъ, и пальба не разъ возобновлялась на берегу рѣки.

Мы шли безостановочно. Въ два часа ночи пришли къ разоренной деревнѣ и стали бивуаками. Корпусный командиръ, со всѣмъ своимъ штабомъ, помѣстился въ большой пустой корчмѣ, въ одной комнаткѣ которой уцѣлѣли какимъ-то чудомъ оконная рама, дверь и даже болше половины оконъ. Эту комнату и занялъ генералъ. Въ прочихъ жилыхъ помѣщеніяхъ все было опустошено, и вѣтеръ свободно разгуливалъ по обширному строенію, завывая на разные голоса.

Затопили каминъ — въ Польщѣ вездѣ есть каминъ, и во многихъ мѣстахъ они замѣняютъ печи — принесли соломы. Все повалилось на отдыхъ, а начальникъ штаба, оберъ-квартирмейстеръ, дежурный штабъ-офицеръ и я принялись за составленіе на слѣдующій день диспозицій и приказаній. Черезъ часъ и начальствующие отправились на покой, а я остался для передачи всѣхъ распоряженій, письменно, прибывшимъ для сего отъ войскъ офицерамъ. Когда я отпустилъ ихъ и кончилъ всѣ работы, уже разсвѣтало.

Я нашелъ себѣ какой-то чурбанъ, положилъ его подъ голову и, совсѣмъ одѣтый, но не совсѣмъ обсохшій, заснулъ тотчасъ же сномъ праведника.

На другое утро мы продолжали отступление и отступали еще трое сутокъ, тревожимые неприятелемъ уже слабѣе прежняго. На четвертый день мы свернули съ шоссе влево. Двуринный же продолжалъ идти по шоссе, не обращая на насъ вниманія и не боясь, что мы можемъ атаковать его во флангъ или изъ тыла. У него, какъ ниже увидимъ, была другая, болѣе важная цѣль, нежели преслѣдованіе нашего отряда. Теперь же онъ шелъ къ крѣпости Замостью.

Освобожденные отъ преслѣдованія, мы двинулись легко и свободно. Первый ночлегъ былъ уже не на бивуакахъ, а въ теплой избѣ. Этого счастья нельзя выразить словами.

Скоро мы узнали еще неутѣшительныя новости: главная квартира наша, простоявъ нѣсколько дней на побѣдныхъ поляхъ гроховскихъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи, что Варшава падетъ къ ногамъ побѣдителя, поняла наконецъ тщетность своихъ надеждъ. Надобно было поправить ошибку и вознаграить потерянное время. Рѣшили перенести войну на лѣвый берегъ Вислы. Съ этой цѣлью армія двинулась къ Шенвицъ, гдѣ уже заблаговременно устраивали переправу. Передъ Варшавой оставленъ былъ корпусъ Розена, понесшій значительный уронъ въ сраженіи подъ Гроховицъ и черезъ то ослабѣвшій въ составѣ. Полагали, что Поляки, ослѣженные недавнимъ погромомъ, не осмѣлятся дѣйствовать наступательно. Въ этомъ убѣжденіи и для большаго удобства въ продовольствіи, Розенъ размѣстился просторно и часть корпуса расположилъ даже по квартирамъ. Но Поляки не сидѣли сложа руки: едва армія наша удалилась, какъ генералиссимусъ польскихъ войскъ, Скрижинскій, рѣшился на смѣлый и хорошо рассчитанный шагъ. Съ превосходящими силами онъ напалъ внезапно на Розена и подъ Дембе-Вельки разбилъ его. Успѣхъ этотъ ободрилъ упавшій духъ Поляковъ и воспламенилъ угасшія ихъ надежды. Съ усилевою энергіею они схватились за средства къ продолженію борьбы. Одержанный успѣхъ на главномъ пунктѣ дѣйствій пробудилъ въ нихъ утѣренность въ своихъ силахъ и шокобалъ върваніе въ ненобѣдимость своихъ могущественныхъ противниковъ. За первой удачей они ждали и многія.

VII.

27 февраля, рано утромъ, слѣлавъ въ три перехода фланговое движеніе, мы снова подступили къ Люблину съ сѣдлецкой дороги.

Движеніе это, по справедливости, слѣдуетъ назвать искуснымъ и смѣлымъ, потому что оно произведено почти въ глазахъ противника смѣлаго и упорнаго успѣхомъ.

Утро 27 было колдовое; подмерозило столько, что мы свободно могли разсертываться и дѣйствовать.

Въ какихъ силахъ былъ непріятель въ Люблинѣ, достоверно не знали, но слыхали, что Дверницкій не раздроблялъ своего отряда, направляясь къ Замостью. Слѣдовательно, большихъ силъ ожидать мы не могли.

Подходя къ городу, мы видѣли съ высотъ, что нѣсколько десятковъ непріятельскихъ кавалеристовъ улепетывали отъ насъ во весь опоръ въ противоположную заставу, по дорогѣ въ Красноставъ. Изъ этого заключили, что въ городѣ немного войскъ. Однакожъ, мы подходили съ осторожностію.

Въ передней колоннѣ было 2 драгунскихъ полка и 12 батареинныхъ орудій. Колонну велъ начальникъ штаба.

Драгуны спѣшили и вмѣстѣ съ артиллеріей подвели къ заставѣ, безъ всякаго препятствія. Здѣсь остановились.

Въ городѣ была тишина могильная. Его можно было счесть оставленнымъ жителями, еслибъ только на главной улицѣ, противъ которой мы остановились, не собралась, въ полуверстѣ отъ насъ, порядочная толпа любопытныхъ. Солдатъ ни въ городѣ и нигдѣ не видно было ни одного человѣка.

Изъ толпы отлѣплялись два всадника, съ привязанными къ палкамъ бѣлыми платками. Всадники поспѣшно ѣхали къ намъ, подымая, по инстинкту самохраненія, сколько можно выше привязанные къ палкамъ символы мира, изъ естественнаго желанія, чтобъ въ нихъ не стрѣляли.

— Это парламентары! пронеслось по нашимъ рядамъ.

Подѣхали два какихъ-то обывателя, въ мундирахъ, блѣдые отъ страха, и униженно просили начальника штаба не стрѣлять, потому что въ городѣ никакихъ войскъ нѣтъ. Начальникъ штаба отправилъ ихъ далѣе, къ корпусному командиру.

Когда услышали, что въ городѣ войскъ нѣтъ, то одинъ изъ полковыхъ командировъ, спрося позволенія начальника штаба и взявъ съ собой адъютанта, ординарцевъ и трубача, отправился въ городъ, съ намѣреніемъ узнать отъ жителей нѣкоторыя подробности. Не пройдя онъ двухсотъ шаговъ, какъ изъ одного дома слѣзали выстрѣлы. Полковникъ схватилъ себя за лѣвую щеку... онъ былъ раненъ, но чрезвычайно счастливо: пуля только оцарапала щеку. Кровь потекла ручьемъ — полковникъ тотчасъ воротился.

Начальникъ штаба, увидѣвъ рану полковника, вскипѣлъ справедливымъ негодованіемъ. Онъ и безъ того былъ озлобленъ на жителей за ихъ восторженную встрѣчу врага, девять дней тому назадъ. Не ожидая приказанія, онъ тотчасъ же открылъ канонаду по городу.

Загремѣли батареинныя орудія; черенки оставшихся гранатъ

запрыгали по крышамъ домовъ и костеловъ. Толпы звѣакъ мгновенно исчезли съ улицы, и городъ опустѣлъ совершенно.

Подѣхалъ корпусный командиръ и приказалъ прекратить канонаду; но онъ подозвалъ къ себѣ парламентаровъ, которые ѣхали тутъ же въ свитѣ, и спросилъ ихъ по польски:

— Что жь это, господа?

Корпусный командиръ говорилъ на многихъ языкахъ и польскимъ владѣлъ въ совершенствѣ.

— Что жь это? я васъ спрашиваю! повторилъ генералъ грозно: — новое предательство? вѣдь я васъ сейчасъ разстрѣляю, какъ изменниковъ!

Парламентары перепугались не на шутку. Они что-то путали, ввали, врала. Изъ ихъ несвязнаго объясненія мы поняли только, что они изъ цеха мастеровыхъ и вовсе не были уполномочены отъ властей города ѣхать къ намъ для переговоровъ, но, по убѣдительной просьбѣ цеховыхъ, въ предупрежденіе кровопролитія и убытковъ, рѣшились на такую опасную выходку. Они даже не знали, кто именно начальствуетъ теперь въ городѣ, потому что Дверницкій всѣ прежнія власти разогналъ, а постановилъ новыя. Очевидно, что въ городѣ было безначаліе. Насчетъ войскъ, были ли они въ городѣ, нѣтъ ли, эти самозванцы-парламентары, навѣрное, и сами ничего не знали. Выстрѣлъ же, сдѣланный въ полковника, они приписывали какому нибудь безумцу-фанатику изъ обывателей.

Корпусный командиръ увидѣлъ изъ отвѣтовъ, что этихъ пословъ руководила глупость и отчасти неурядица въ городѣ, и потому отпустилъ ихъ.

Между тѣмъ, на правомъ нашемъ флангѣ, срывавшемся отъ насъ за высотами и кустарниками, слышна стала ружейная перепалка, сначала слабая, потомъ сильнѣе, а вскорѣ послышались и пушечные выстрѣлы.

На правый флангъ, когда подходили къ Люблину, былъ посланъ изъ резерва драгунскій полкъ, съ двумя орудіями. Его-то встрѣтила неприятельская пѣхота и открыла перестрѣлку.

Корпусный командиръ послалъ меня узнать, что дѣлается на правомъ флангѣ.

Я поскакалъ

Вскакавъ на возвышеніе, я увидѣлъ, что наши спѣшенные драгуны перестрѣливаются съ польскими пѣхотными стрѣлками, которые, разсыпавшись на открытой мѣстности, попадавали се-

бѣ для препровожденія времени, потому что убитыхъ съ нашей стороны былъ только одинъ да раненыхъ человекъ пять. На сторонѣ неприятеля уронъ былъ не больше нашего.

Стрѣлковъ въ разсыпанной неприятельской цѣпи было человекъ до пятидесяти, да въ резервѣ, въ разныхъ мѣстахъ, по огородамъ и за домами, видѣлось человекъ до трехсотъ. Нигдѣ больше неприятельскихъ войскъ я не замѣтилъ, хотя осмотрѣлъ все пространство внимательно и хладнокровно.

Я поскакалъ въ застрѣльщицю цѣпь. Пули летали-таки порядочно.

Одинъ эскадронъ драгунъ былъ спѣшенъ и разсыпанъ въ стрѣлки; другой, на конѣ, стоялъ недалеко. Дивизиономъ этимъ командовалъ майоръ.

— Господинъ майоръ! сказалъ я, подѣхавъ къ нему: — не лучше ли атаковать Поляковъ? Стрѣлки ихъ совершенно открыты.

Майоръ далъ стрѣлкамъ аппель и сигналъ садиться, а конному эскадрону командовалъ: «врознь! маршъ-маршъ!»

Эскадронъ вразсыпную понесся на неприятельскихъ стрѣлковъ. Мы, съ майоромъ, скакали впереди. Стрѣлки опрямѣвъ бросились къ огородамъ, которые были отъ нихъ шагахъ во ста; успѣли скрыться за плетни, прежде, чѣмъ мы настигли ихъ. Изъ-за плетней, стрѣлковые резервы и подбѣжавшее еще подкрѣпленіе, открыли по насъ батальонный огонь. Пули зажужжали какъ пчелы. Нѣсколько драгунъ свалилось съ лошадей.

Я поскакалъ назадъ, къ полковнику, который, съ остальною частію своего полка, подвигался на рысяхъ впередъ за своимъ передовымъ дивизиономъ, и просилъ о подкрѣпленіи дивизиона. Полковникъ распорядился спѣшить еще два эскадрона, съ тѣмъ, чтобы вытѣнить изъ огородовъ неприятельскую пѣхоту.

Четыре спѣшенныхъ эскадрона тотчасъ же повели въ атаку. Пошелъ и я съ ними, но не спѣшенный, а верхомъ.

Неприятель открылъ по насъ батальонный огонь, но далеко. Это показало, что мы имѣемъ дѣло не съ отличной пѣхотой. Драгуны шли безъ выстрѣла, ровно, стройно. Нѣсколько рядовъ было вырвано пулями; но драгуны не смуглились. Не доходя шаговъ шестидесяти до плетней, они съ крикомъ «ура!» бросились въ штыки. Поляки побѣжали; драгуны, чрезъ плетни, за ними. Но къ Полякамъ подошло подкрѣпленіе: наши остановились, зашли по огородамъ, и дѣло завязалось.

Я носкакалъ къ корпусному командиру и объяснилъ, въ чемъ дѣло.

Корпусный командиръ отправилъ къ мѣсту боя, на большіхъ рысяхъ, еще два полка и четыре батарейныхъ орудія, поручилъ войска эти начальнику штаба и предоставилъ ему свободу дѣйствовать по усмотрѣнію.

Мы помчались на правый флангъ. Въ продолженіе дороги я рассказалъ начальнику штаба, какъ мы атаковали стрѣлковъ и пѣхоту и какъ начали дѣло.

Прискакавъ на мѣсто боя, начальникъ штаба ловко повернулъ дѣло: сбѣшилъ еще восемь эскадроновъ; велѣлъ сломать плетни и заборы; ввелъ въ огороды батарейныя орудія; разсыпаннымъ драгунамъ далъ аппель и открылъ по неприятелю убійственный картечный огонь, на разстояніи ружейнаго выстрѣла.

Поляки держались не болѣе четверти часа, отвѣчая на картечь батальнымъ огнемъ. Но картечь страшно опустошила ряды ихъ. Огонь ихъ сталъ умолкать, порядокъ разстроиваться, ряды заволновались, и вдругъ вся масса, нестройной толпой, обратилась въ бѣгство.

Преслѣдовать бѣжавшихъ кавалеріею было невозможно, потому что огороды изрыты были градами и перекопаны ямами — преслѣдовали картечью.

Но Поляки бѣжали недалеко. Вблизи, за огородами, была водяная мельница и при ней большой мукомольный амбаръ. Въ этотъ-то амбаръ и укрылись бѣжавшіе.

Послали драгунъ на штурмъ; но изъ амбара встрѣтили ихъ сильнымъ огнемъ. Тогда начальникъ штаба, во избѣжаніе траты людей, велѣлъ подвезти къ амбару, на сто сажень дистанціи, орудія и бить гранатами и брандсугелами.

Съ 20 выстрѣловъ амбаръ вспыхнулъ и разрушился.

Поляки сдались. Пленныхъ было: штабъ-офицеръ, 4 оберъ-офицера и болѣе 200 нижнихъ чиновъ, вооруженныхъ отставныхъ солдатъ и обывателей. Слишкомъ 150 убито и ранено.

Дѣло было кончено съ небольшимъ въ часъ времени.

Начальникъ штаба легко былъ раненъ въ ногу пулею вскользь; но онъ объявилъ о своей ранѣ уже по окончаніи дѣла.

Съ нашей стороны потеря была очень малая.

Отъ пленныхъ узнали, что защитниковъ въ городѣ было до 400 человекъ, въ числѣ которыхъ около сотни было ветерановъ-охотниковъ и жителей.

Всѣ защитники сосредоточены были на этомъ пунктѣ и войскъ нигдѣ болѣе не оставалось; слѣдовательно, городъ былъ взятъ окончательно.

Окончивъ дѣло, мы, ведя пленныхъ, явились къ корпусному командиру, остававшемуся на прежнемъ мѣстѣ, у заставы города.

Въ это время показалась на улицѣ депутація отъ города, съ бѣлыми хоругвями и городскими ключами. Городъ покорился.

Корпусный командиръ принялъ торжественно ключи, но депутація сказала нѣсколько сильныхъ, укорительныхъ словъ, за ихъ вѣроломство.

Приказано было части войскъ вступить въ городъ, а остальнымъ оставаться на бивуакахъ.

Въ одиннадцать часовъ мы вошли въ городъ, съ музыкою. Проходя по одной изъ улицъ, мы были изумлены внезапнымъ выстрѣломъ изъ ближайшаго дома. Выстрѣломъ ранило лошадь у одного казака изъ конвоя корпуснаго командира.

Шествіе остановилось. Генералъ закинулъ гнѣвомъ.

Главные депутаты города, сопровождавшіе веркомъ корпуснаго командира, еще болѣе нашего были поражены такою неожиданностію. Отъ стыда и смущенія, блѣдные, встревоженные, они не смѣли глазъ поднять.

— Теперь уже я не буду мадить пленныхъ! сказалъ генералъ депутатамъ строго. Распорядитесь! продолжалъ онъ, обращаясь къ начальнику штаба, а самъ поѣхалъ дальше, съ своимъ штабомъ и конвоемъ.

Войска тронулись за нимъ.

Начальникъ штаба остался съ полусотнею казаковъ.

Какъ только послѣдовалъ выстрѣлъ, казаки, въ то же мгновеніе, бросились въ домъ и черезъ десять минутъ вывели оттуда какого-то обывателя. Его подвели къ начальнику штаба.

— Ты выстрѣлялъ? спросилъ генералъ, кипя негодованіемъ.

Обыватель не говорилъ ни слова, какъ нѣмой, и только бросилъ вокругъ себя угрюмые, дикіе взгляды.

Начальникъ штаба повторилъ свой вопросъ.

Полякъ упорно молчалъ.

— Онъ, ваше превосходительство! отозвался одинъ изъ казаковъ: — я самъ видѣлъ, какъ онъ бросилъ ружье въ колодезь.

— Повѣснть же его! крикнулъ начальникъ штаба.

Казаки мгновенно схватили Поляка, достали съ сѣдла ар-

кантъ и черезъ минуту несчастный висѣлъ уже на фонарномъ столбѣ, корчась въ предсмертныхъ судорогахъ....

Все это сдѣлалось такъ быстро, что бѣднякъ не успѣлъ даже подумать о своемъ послѣднемъ часѣ.

Начальникъ штаба догналъ корпуснаго командира въ то время, когда депутаты города продолжали еще униженно извиняться въ несчастномъ и непредвидѣнномъ происшествии.

Начальникъ штаба, не знавшій ни слова по польски, въ отвѣтъ на эти извиненія, сказалъ ѣдко депутатамъ:

— Je vous sçavoirs que le traître ne s'avisera plus de tirer, que les autres, en le voyant, se garderont bien de le faire aussi. (Ручаюсь, что измѣнникъ этотъ стрѣлять уже не будетъ, да и другіе, глядя на него, остерегутся.)

Мы вступали въ Люблинъ съ вѣрной надеждой на отдыхъ и успокоеніе и не обманулись: всѣ удовольствія мирнаго квартированія возвратились къ намъ на эти дни. Переходъ отъ продолжительныхъ, тяжкихъ лишеній къ жизненнымъ удобствамъ былъ отраденъ выше всякаго выраженія. Онъ оцѣнивается настоящимъ образомъ только въ военное время.

Наконецъ, послѣ десятидневной разлуки, явился ко мнѣ желанный выюкъ мой, но — увы! — съ значительнымъ ущербомъ: одинъ изъ моихъ чемодановъ былъ потерянъ; въ немъ было платье и сто рублей серебромъ денегъ.

Разыскивать пропажу чемодана было бесполезно и невозможно, при тѣхъ безпорядкахъ, какіе неминуемо сопутствуютъ всякому отступленію.

Я остался почти съ тѣмъ платьемъ, какое было на мнѣ; но денегъ еще было достаточно: сто цѣлковыхъ сохранилось въ другомъ, уплѣбывшемъ чемоданѣ, да червонцевъ сорокъ имѣлось при мнѣ. Поэтому въ четыре дня я одѣлся съ иголки. Въ Люблинѣ все можно было достать, несмотря на войну, и портные были тамъ очень хорошіе. Обмундированіе наново пришло совершенно кстати: въ Люблинѣ полученъ былъ приказъ объ утвержденіи меня старшимъ адъютантомъ. Во всякомъ случаѣ, прежнее обмундированіе наполовину бы не годилось.

Реляція о взятіи Люблина составлена была великолѣпно. Дѣло, само по себѣ, недурное, хотѣли еще прикрасить и разукрасили на славу.

Нельзя не сказать, къ сожалѣнію, что этотъ способъ прикрашиванія, кажущійся съ перваго взгляда весьма невиннымъ,

становится преступнымъ, когда употребляется во зло, потому что въ основаніи его лежитъ корыстное начало, именно: тщеславіе и неутолимая жажда награды. А, между тѣмъ, реляціи служатъ матеріалами для будущей исторіи. Можно ли же безусловно вѣровать въ такіе факты? Конечно, между современниками, сколько намъ извѣстно, немногимъ удалось составить себѣ перомъ прочную военную славу: какъ ни украшай свое дѣло, а все-таки и изъ-подъ блестящей оболочки слова высовывается наружу уродство. Но потомство, вѣрующее преимущественно въ письменные, официальные памятники, легко можетъ впасть въ заблужденіе.

Скоро вышли и награды за взятіе Люблина. Щедростію своею онѣ превзошли ожиданіе.

Причина такой щедрости была, съ одной стороны, въ томъ, что движеніе къ Люблину, въ близкомъ присутствіи многочисленнаго и торжествующаго непріятеля, какъ мы уже и говорили, дѣйствительно заслуживало вниманія; съ другой, что взятіе Люблина былъ первый нашъ успѣхъ на второстепенныхъ пунктахъ дѣйствій въ Польской войнѣ, начало которой вообще было не слишкомъ для насъ благопріятно. Но главная причина, какъ многіе думали, была та, что Люблинъ взяли — спѣшенные драгуны.

Блаженная памяти Императоръ Николай Павловичъ, какъ извѣстно, былъ кореннымъ преобразователемъ драгунъ. Онъ далъ этому войску новую жизнь, новую организацію и развилъ до возможнаго совершенства его тактическое устройство. Онъ желалъ сдѣлать изъ драгунъ легкую пѣхоту и, тотчасъ послѣ войны, привелъ мысль свою въ исполненіе. Почему знать, когда и отчего мысль эта родилась въ умѣ Государя? Можетъ быть, именно послѣ взятія Люблина, гдѣ на дѣлѣ оказалось возможнымъ ея осуществленіе?

Государь постоянно изливалъ милости свои на драгунъ, и, быть можетъ, за начало этого благоволенія драгуны обязаны штурму люблинскому.

Черезъ два дня послѣ взятія Люблина, пріѣхавъ туда начальникъ главнаго штаба арміи, генералъ графъ Толъ, пользовавшійся самою блистательною извѣстностію въ нашихъ арміяхъ по своимъ высокимъ военнымъ дарованіямъ, онъ привелъ съ собою отборныя войска: двѣ дивизіи гренадерскія, кирасирскую и уланскую. Этими превосходнымъ полкамъ, покрывшимъ себя

сладой въ кровопролитной битвѣ 13 февраля подъ Гроховымъ предназначалось теперь иное, не менѣ славное дѣло: подъ эти присланы были для истребленія Дверницкаго.

Непрерывный рядъ успѣховъ Дверницкаго надъ нашими силами отрядами, возмущавшихъ гордость всей нашей арміи и даже всей Россіи, требовалъ наконецъ принятія рѣшительныхъ мѣръ, чтобъ положить предѣлъ торжеству, едва ли даже заслуженному. Что было причиной успѣховъ Дверницкаго? Раздразненіе части нашихъ силъ на мелкіе отряды, дѣйствовавшіе въ большомъ пространствѣ безъ связи и взаимной обороны.

Графъ Толь взялся за дѣло съ свойственною ему энергіею быстро пошелъ за Дверницкимъ. Но армію обдуманное предпріятіе, представлявшее всѣ вѣроятности несомнѣннаго торжества, оказалось неисполнимымъ. Въ то время, когда Толь вступилъ въ Люблинъ, Дверницкій былъ всего за два перехода отъ Замостья. Свѣдавъ о приближеніи страшнаго противника, Дверницкій цесѣшно укрылся за крѣпостныя стѣны. Чтобъ нанести вредъ Дверницкому, нужно было осаждать крѣпость или взятъ ее штурмомъ; но для перваго предпріятія не было ни средствъ ни времени, а второе — былъ безплодный рискъ.

Съ затаенной досадою графъ Толь поворотилъ назадъ: онъ долженъ былъ немедленно присоединиться къ главной арміи, въ которой выбитіе лучшей массы войскъ дѣлало значительный ущербъ въ силахъ.

Генералъ Толь оставилъ при нашемъ отрядѣ литовскую гренадерскую бригаду, состоявшую изъ трехъ превосходно устроенныхъ полковъ, подъ командой генерала, котораго знаетъ вся Россія и который, еще въ первыхъ офицерскихъ чинахъ, приобрѣлъ извѣстность по твердости своего характера, по мужеству и хладнокровію въ бояхъ.

VIII.

Въ Люблинѣ я былъ свидѣтелемъ смертной военной казни. По конспираціи графа Толя, слѣдовало разстрѣлять двухъ Поляковъ, а надъ третьимъ исполнить только обрядъ казни, а потомъ оставить его на свободѣ. Этого, третьяго, перепугали бѣднаго чуть не до смерти.

Это были тѣ самые обыватели, которые обличались въ мѣшкѣ противъ Русскихъ, при истребленіи въ Пулавахъ нашего

эскадрона, и которыхъ еще я долженъ былъ взять, но не взялъ, по причинамъ, объясненнымъ выше, въ пятой главѣ этихъ отрывковъ.

Когда мы взяли Люблинъ и, на всемъ пространствѣ воеводства до Вислы, непріятеля нигдѣ уже не было, тогда не предстояло никакого затрудненія схватить преступниковъ обыкновеннымъ полицейскимъ способомъ, не прибѣгая къ силѣ оружія. Такъ и было сдѣлано: послали аудитора съ жандармами и казаками, и онъ, какъ юристъ и обезпеченный, притомъ, отъ всякой помѣхи и нападеній со стороны непріятеля, безспорно лучше меня обработалъ это дѣло. Онъ, на свободѣ, могъ дѣлать всевозможныя разысканія.

Уличенныхъ болѣе или менѣ въ измѣнѣ захватили въ Пулавахъ восемнадцать человекъ. Всѣхъ ихъ судили при корпусномъ штабѣ по военно-уголовному артикулу, по которому судъ кончается, какъ извѣстно, въ двадцать-четыре часа. Нашъ устарѣлый оберъ-аудиторъ, слѣпой поклонникъ рутины, посѣдѣвшій на формулахъ мирнаго, спокойнаго производства дѣлъ, не осудилъ бы преступниковъ въ двадцать-четыре дня; но ему помогъ дежурный штабъ-офицеръ, человекъ способный, понимавшій дѣло и обладавшій умомъ свѣтлымъ.

Изъ восемнадцати подсудимыхъ, двухъ, какъ я сейчасъ сказалъ, предписано разстрѣлять, надъ однимъ, по объявленіи ему смертнаго приговора, исполнить только обрядъ казни, а остальныхъ пятнадцать приказано подвергнуть маловажному тѣлесному наказанію.

Рано утромъ, на одну изъ отдаленныхъ площадей города, вывели гренадерскій полкъ, въ боевой формѣ. Зрителей собралась огромная толпа. Прослышали ли они, какое ожидаетъ ихъ зрѣлище, или собрались потому только, что полкъ вышелъ на плацъ съ музыкой, неизвѣстно; но любопытныхъ было множество. Впрочемъ, кажется, и желали, чтобъ, для примѣра другимъ, казнь совершилась при большомъ стеченіи народа.

Привели трехъ осужденныхъ за конвоемъ. Въ одномъ я тотчасъ узналъ пріятеля своего, уже знакомаго намъ ветерана. Другой былъ ремесленникъ, молодой человекъ лѣтъ подлѣ тридцать. Оба эти преступника обречены были на смертную казнь. Третій, котораго рѣшили наказать только страхомъ, былъ дворянинъ, лѣтъ сорока, занимавшій въ Пулавахъ должность почтмейстера.

Передъ полкомъ стояли: нашъ аудиторъ, чиновникъ отъ польскаго городскаго правительства и католическій ксендзъ, въ своемъ бѣломъ облаченіи. Преступниковъ къ нимъ прямо и повели.

Барабанщики ударили *походъ*; горнисты и музыканты заиграли. Осужденныхъ на казнь, въ сопровожденіи этихъ лицъ провели по линіямъ войскъ и вывели опять на середину полка. Во все это время играли и били *походъ*. Скомандовали на караулъ, и водворилась тишина.

Аудиторъ громко прочелъ приговоръ по русски; потомъ чиновникъ то же прочелъ по польски. Въ приговорѣ было сказано разстрѣлять всѣхъ *троихъ*.

По прочтеніи приговора, войска взяли на плечо. Вся эта торжественность, пробуждая въ душѣ невольное ощущеніе страха, удивительно подготавливаетъ къ необыкновенному зрѣлищу.

Теперь вступилъ въ свои права ксендзъ: онъ сталъ приготовлять къ смерти этихъ людей, которыхъ минуты уже были сочтены.

Изъ числа осужденныхъ, ветеранъ и ремесленникъ выслушали приговоръ свой съ необыкновенной твердостью, какъ будто приговоръ не имѣлъ никакого къ нимъ отношенія. Еще ветеранъ, принимая послѣднее напутствіе ксендза, смутился, поднялъ къ небу глаза, полные слезъ, съ благоговѣніемъ перекрестился, но тотчасъ, вслѣдъ за тѣмъ, возвратился къ прежнему стоическому равнодушію. Ремесленникъ же ни на секунду не упалъ духомъ и всѣ увѣщанія ксендза слушалъ не перебивая даже въ лицѣ. Въ немъ видно было какое-то злобное ожесточеніе.

Но сколько были тверды эти два преступника, столько же оказались малодушія и слабости почтмейстеръ. Когда прочли приговоръ, онъ зарыдалъ какъ ребенокъ. Поднявъ къ небу умоляющій взоръ и судорожно сжима на груди руки, онъ нѣсколько разъ воскликнулъ: «бѣдная моя жена! бѣдныя дѣти! что будетъ съ вами!..» Слезы ручьемъ текли по щекамъ его. Рыданія его и глубокое отчаяніе терзали душу. Командовавшій экзекуціею генералъ, сынъ отецъ и супругъ, понималъ эту подавляющую скорбь и не могъ воздержаться, чтобъ не утѣшить словомъ надежды бѣдняка, страдавшаго отъ мнимаго страха. Онъ подѣхалъ къ почтмейстеру и сказалъ:

— Не отчаивайтесь: великъ Богъ и русскій царь!

Въ глазахъ почтмейстера сверкнулъ радостный лучъ надежды; онъ схватилъ генерала за ногу и судорожно цѣловалъ ее, вымаливая себѣ помилованіе и утверждая, что вина его не велика.

Генералъ безмолвно отѣхалъ прочь.

На всѣхъ трехъ осужденныхъ надѣли длинныя, бѣлыя, такъ называемыя смертныя рубахи. Ксендзъ далъ послѣднее благословеніе и удалился....

Опять ударили въ барабаны, заиграли горнисты и музыканты. Рѣзкіе, однообразные звуки *похода* продолжались до послѣдней минуты казни.

Осужденнымъ завязали глаза. Почтмейстеръ, польщенный надеждой на помилованіе, сталъ было сопротивляться; но, увидя бесплодность сопротивленія и всѣ надежды разрушенными, онъ, въ душевномъ безсиліи, опустилъ руки и едва держался на ногахъ. Видно было только сильное вздыманіе груди его и слышалось сдержанное рыданіе.

Всѣхъ троихъ привязали къ столбамъ, заранѣе поставленнымъ. По знаку, заблаговременно объясненному, безъ команды, вышло сорокъ-пять человекъ солдатъ съ заряженными ружьями. Они раздѣлились на три партіи (по пятнадцати человекъ); каждая партія направилась къ одному изъ осужденныхъ. Подойдя шаговъ на тридцать къ своей цѣли, партіи остановились.

Уинтеръ-офицеръ подалъ знакъ: всѣ приложились безъ шума; другой знакъ — и разомъ грянуло три залпа....

Бѣлыя рубахи двухъ преступниковъ, ветерана и ремесленника, мгновенно облились ручьями крови: рубаха почтмейстера осталась чистою: въ него выстрѣлили холостыми зарядами.

Одинъ изъ разстрѣлянныхъ тотчасъ же повисъ на веревкахъ, которыми привязанъ былъ къ столбу. Другой же, и именно ремесленникъ, нѣсколько секундъ стоялъ выпрямившись, какъ пригвожденный къ своему мѣсту. Но лихорадочному дрожанію ногъ видно было, что онъ смертельно раненъ. Но чрезъ пять секундъ и этотъ повисъ на своихъ веревкахъ.

Почтмейстеръ стоялъ у столба вытянувшись въ струнку, безъ всякаго движенія. Только дрожаніе губъ свидѣтельствовало, что онъ живъ; но самъ онъ, по всей вѣроятности, считалъ себя разстрѣляннымъ.

Когда ему развязали глаза, онъ, какъ помѣшанный, смотрѣлъ вокругъ себя дико и бессмысленно. Генералъ подѣхалъ къ нему и сказалъ:

— Я говорилъ вамъ, что великъ Богъ и русскій царь. Я даромъ это сказалъ: вы помилованы и свободны.

Почтмейстеръ устремилъ на генерала блуждающій взоръ нѣсколько секундъ смотрѣлъ недовѣрчиво ему въ глаза...

Понимъ наконецъ, что это уже не мистификація и что дарованіе ему жизни несомнѣнно, онъ упалъ на колѣни и, устремивъ глаза и руки къ небу, оставался нѣсколько минутъ въ самозабвеніи. Можно угадать, какую онъ принесъ въ этотъ моментъ теплую молитву!... И теперь онъ также плакалъ; но это были уже не жгучія слезы отчаянія, но успокоительныя слезы умиленія и благодарности. Потомъ онъ всталъ и снова повалился генералу въ ноги.

Сняли съ него смертную рубаху, помогли одѣться, и онъ какъ пробужденный отъ ужаснаго сна, удалился нетвердыми шагами, крестясь и вздыхая. Обрядъ казни сильно потрясъ его, какъ видно, слабую организацію.

IX.

Весна, въ 1831 году, въ Польшѣ началась рано. Уже въ началѣ марта было тепло и на поляхъ показалась зелень, а въ поляхъ вездѣ просохло и деревья стали распускаться.

29 марта, вечеромъ, съ аванпостовъ увѣдомили, что неприятельская колонна, тысячи въ двѣ, съ двумя орудіями, переправилась черезъ Вислу, въ Завихостѣ, на паромехъ и тѣснить наши посты. Цѣль этой диверсіи была неизвѣстна, но полагали, что колонна этой предназначено возстановить связь лѣваго берега Вислы съ кр. Замостьемъ, прерванную съ тѣхъ поръ, какъ въ Люблинскомъ воеводствѣ увеличилась масса русскихъ войскъ. Нѣкоторые полагали еще, что колонна эта шла на подкрѣпленіе Дверницкому, котораго замыслы въ то время еще не были поняты, хотя приближеніе его къ русскимъ границамъ давало поводъ подозрѣвать, что у мятежниковъ скрывается какое-то тайное намѣреніе.

Но этимъ соображеніямъ отрядъ нашъ сосредоточился въ Бѣлжицѣ и сталъ на линіи сообщенія съ Замостьемъ.

Намѣреніе неприятеля было вѣрно угадано. Переправившіяся его отрядъ, пощипавъ наблюдательныя посты, ушелъ на другой же день обратно за Вислу, когда узналъ, что мы стали на пути его къ Замостью.

1 апрѣля, нашъ знаменитый партизанъ-поэтъ, генералъ Давыдовъ, командовавшій отрядомъ во Владимірѣ-Волынскомъ, сообщилъ неожиданную вѣсть, что 27 марта Дверницкій, съ отрядомъ своимъ, вторгнулся въ Волынскую губернію, съ цѣлью овладѣть Волынью и Подолію.

Въ тотъ же день, съ этимъ же извѣстіемъ, прискакалъ курьеръ и отъ главнокомандующаго, который предписывалъ быстро идти за Дверницкимъ, настичь его и истребить.

Исполняя предписаніе главнокомандующаго, мы, рано утромъ слѣдующаго дня, пошли за Дверницкимъ, безъ всякой, впрочемъ, надежды настичь его скоро, потому что онъ былъ впереди насъ почти на двѣсти верстъ.

Первый переходъ былъ верстъ тридцать. Мы шли весело, съ душою, востроеніемъ духа. Весеннее солнце играло на оружіи; поля зеленѣли, деревья расцвѣтали; жаворонки заливались своей веселой пѣсней. Апрѣль походилъ на нашъ сѣверный июнь. Воздухъ теплый, благоухающій.

Возлѣ дер. Черніова стали бивуаками; но теперь бивуачная жизнь была наслаженіемъ, а не бѣдствіемъ.

Ночью на 3 апрѣля, дали знать съ аванпостовъ, что черезъ Вислу переправляются значительныя неприятельскія силы. Къ утру получено извѣстіе, что неприятель оттѣснилъ наши наблюдательныя посты, взявъ въ плѣнъ офицера и 15 казаковъ.

Это былъ корпусъ Сѣравскаго, тысячь въ девять числомъ: 6,000 пѣхоты и до 3,000 кавалеріи, при 6 орудіяхъ. Онъ составлялъ второй эшелонъ польскихъ войскъ, предназначенныхъ взбунтовать Волынью и Подолію, и спѣшилъ на соединеніе съ Дверницкимъ.

Вступленіе на русскую землю и развитіе возстанія было предоставлено мятежникамъ счастливѣйшему изъ ихъ генераловъ, Дверницкому. Ему первому принадлежало это безразсудное вторженіе, и онъ же первый, какъ увидимъ далѣе, понесъ безславіе этого шага.

Корпусный командиръ весьма затруднился въ выборѣ дѣйствій при этихъ новыхъ обстоятельствахъ. Онъ не могъ преслѣдовать Дверницкаго съ полной свободой, когда у него за плечами былъ неприятель, равносильный съ нимъ по численности.

Извѣстно было, что Волынскую губернію охраняетъ Ридигеръ, съ двумя дивизіями пѣхоты и дивизією кавалеріи, и что ему предписано спѣшить навстрѣчу Дверницкому. Поэтому кор-

пусвѣй командиръ рѣшился обратиться на Сѣравскаго, прогнать его за Вислу и тогда идти снова, уже съ полною безопасностію на преслѣдованіе Дверницкаго.

Вслѣдствіе такого благоразумнаго и хорошо рассчитаннаго рѣшенія, разсланы были тотчасъ же диспозиціи къ начальникамъ частей, доверено главнокомандующему о причинахъ, побудившихъ избрать эту мѣру, и сообщено обо всемъ Давыдову, съ предложеніемъ преслѣдовать Дверницкаго неотступно.

4 апрѣля, мы двинулись обратно, съ цѣлью опрокинуть Сѣравскаго.

Весна была во всей своей обаятельной прелести. Мы шли съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, инстинктивно понимая, что дѣлаемъ превосходное движеніе.

Пройдя версты тридцать, мы остановились у дер. Бабино. Было два часа пополудни.

Здѣсь сосредоточилась всѣ силы нашего отряда. Это была масса прекраснаго войска, болѣе 8,000 въ строю, при 30 орудіяхъ, — войска свѣжаго, бодраго. Украшеніемъ отряда были три гренадерскихъ полка, о которыхъ я уже говорилъ.

Войска расположились скрытно по ложнякамъ.

Едва мы устроились, какъ дали знать, что непріятель быстро наступаетъ.

Въ три часа, по дорогѣ отъ Бѣлжицы, показались вдали кавалерійскія передовыя партіи непріятеля. Казаки завязали съ ними перестрѣлку — казаковъ отбѣснели. Два эскадрона конныхъ егерей, посланныхъ на подкрѣпленіе казаковъ, также не устояли. Непріятель наступалъ сильно и смѣло. Послали еще дивизіонъ драгунъ — и тотъ не удержалъ натиска. Отступленіе нашего авангарда сдѣлалось общимъ. Впрочемъ, отступленіе это было только военною хитростію: желали привлечь непріятеля къ главнымъ силамъ отряда. Еслибы эта хитрость удалась, Сѣравскій былъ бы уничтоженъ съ перваго же удара.

Сѣравскій, въ чадѣ неожиданнаго успѣха, не предвидя грозящей бѣды, отъ всего сердца преслѣдовалъ нашу авангардъ, прошелъ Бабино и уже близился къ своей гибели, какъ вдругъ, будто по вдохновенію, остановился въ полтора верстахъ отъ нашихъ позицій, прикрывшись небольшою болотистой рѣчкой. Конечно, онъ увидѣлъ разставленные ему сѣти. Хитрость наша обнаружилась. На открытой, ровной, хотя и холмистой мѣстности трудно спрятать войска. Шхота хотя и лежала, а кавалерія

была спѣшена, однакожь, съ нѣкоторыхъ высотъ, бывшихъ на сторонѣ непріятеля, можно было замѣтить войска.

Обѣ стороны войскъ оставались въ бездѣйствіи около часа, мы — въ ожиданіи, что непріятель еще сунется на насъ и планъ нашъ хоть вполовину исполнится, а непріятель — въ созерцаніи и пересчитываніи нашихъ силъ, значительность которыхъ поразила его изумленіемъ. Вѣроятно, Сѣравскій отъ души радовался, что остановился во-время.

Непріятельскія войска были скрыты отъ насъ высотами и деревней; передъ нами же было нѣсколько эскадроновъ кавалеріи, между которыми стояла толпа всадниковъ, означавшая присутствіе важнаго лица. Очевидно, что это была рекогносцировка и насъ высматривалъ самъ Сѣравскій. Простымъ глазомъ нельзя было хорошо видѣть, что это за всадники; но въ зрительную трубу я очень хорошо увидѣлъ и Сѣравскаго и его свиту. Я могъ даже замѣтить нѣкоторые фizioноміи, а одежду разсматрѣлъ какъ будто за пять шаговъ.

Непріятель, кончивъ обзорѣніе, выслалъ фланкеромъ для замаскированія своихъ движеній. Мы не трогались съ мѣста, все еще поддерживая свое пассивное положеніе. Но за насъ двинулся неожиданный ратоборецъ. Непріятельскіе фланкеры развѣзжали довольно далеко; на нихъ вовсе не обращали вниманія, потому что желали только видѣть, что предприметъ непріятель. Вдругъ откуда ни взялся берейторъ одного изъ арагунскихъ полковъ, Нѣмецъ по происхожденію, великій оригиналъ и шутникъ. Онъ имѣлъ большую навѣстность между молодыми офицерами, которые часто подшучивали надъ нимъ. На бойкой лошади, съ нагайкой въ рукахъ, этотъ импровизированный рыцарь, лихо пропесня мимо насъ, и прямо къ непріятельскимъ фланкерамъ.

— Куда? куда? закричали ему вслѣдъ.

Но берейторъ, не вникая въ предостереженію, скакалъ безъ оглядки. Всѣ обратили вниманіе на эту удалую выходку, въ ожиданіи развязки. Берейторъ подскакалъ къ двумъ фланкерамъ на полуружейный выстрѣлъ, гордо остановился и доманымъ польскимъ языкомъ началъ кричать Полякамъ:

— Лайлиці! эдрайцы! что вы загѣяли воєвати! да какъ вы смѣете! да дайте вамъ! вотъ я одинъ противъ васъ, и только вотъ съ этой нагайкой; а что вы сдѣлаете мнѣ? псяюги!

Можно понять, какъ были изумлены Поляки этимъ новымъ родомъ ратоборства. Они дружно кинулись на берейтора, чтобъ

посадить его на пикн; но это было нелегко: лошадь берейтора носилась птицей, а у фланкероу были обыкновенныя лошади. Тогда по немъ открыли на всей цѣпи огонь; но и это средство оказалось безплоднымъ, потому что берейторъ гарцовалъ въ пистолетнаго выстрѣла. Оставалась одна защита: отвѣчать берейтору его же оружіемъ — бранью.

Берейторъ юлилъ на своей лошади, подскакивая иногда очень близко къ фланкерамъ, горячился, выходилъ изъ себя. Сцена была преуморительная. Всѣ, даже корпусный командиръ, хохотали отъ чистаго сердца.

Между тѣмъ, замѣтили, что непріятель началъ отступать. Тотчасъ же приказали авангарду преслѣдовать его по пятамъ; но непріятель упорно держался въ деревнѣ, за болотистой рѣчкой. На полянѣ передъ деревней завязалось горячее дѣло. Баталіонъ карабинеръ, бывший въ авангардѣ, ударилъ въ штыки, но былъ отбитъ. Послали въ подкрѣпленіе, одинъ за другимъ, еще два баталіона. Въ это время послали меня въ авангардъ, сражавшійся въ виду корпуснаго командира, передать приказаніе — взять деревню непременно. Авангардомъ командовалъ генералъ графъ Толстой. Я нашелъ его въ передовой цѣпи застрѣльщикоу, осынаемаго пулями. При мнѣ же, онъ скомандовалъ баталіонамъ на-руку, музыкантамъ велѣлъ играть и пошелъ въ атаку. Гренадеры перешли безъ выстрѣла болотистую рѣчку, увязая выше колѣна въ грязь, и, несмотря на бѣглый огонь, которымъ ихъ встрѣтили, съ крикомъ «ура!» вломились въ деревню и выбили непріятеля въ полчаса. Наступившая ночь прекратила сраженіе; непріятель поспѣшно отступилъ; авангардъ живо его преслѣдовалъ.

Еслибъ Сѣравскій продолжалъ отступление безостановочно, то понесъ бы неважную потерю, потому что какъ бы ни было горячо преслѣдованіе, но отступающій въ порядкѣ противникъ, особенно по такой лѣсистой мѣстности, какая начиналась за Бѣлжицей и тянулась до самой Вислы, всегда найдетъ возможность сберечь свои силы. Но несчастная звѣзда Сѣравскаго внушила ему мысль дать сраженіе.

Съ разсвѣтомъ 5 апрѣля, авангардъ нашъ встрѣтилъ сопротивление въ Бѣлжицѣ. Непріятельская пѣхота занимала мѣстечко. Попробовали было выбить ее спѣшенными драгунами; но покушеніе это оказалось опаснымъ: при значительной убыли изъ фронта людей, могъ разстроиться цѣлый кавалерійскій

полкъ. Дождались пѣхоты и мгновенно вытѣснили непріятеля. Его вышло изъ мѣстечка двѣ роты. Онѣ шли въ порядкѣ во взводной колоннѣ. Начальникъ авангарда, самъ кавалеристъ, воспользовался случаемъ потѣшиться кавалерійскимъ дѣломъ. Онъ приказалъ Казанскому Драгунскому полку взять пѣхотную колонну и въ то же время приказалъ казакамъ отрѣзать ей отступление. Казаки съ гикомъ бросились врознь и окружили колонну со всѣхъ сторонъ, держась, однакожь, въ отдаленіи. Первый дивизионъ пошелъ на рыскахъ въ атаку. Колонна остановилась, построилась въ каре и хладнокровно ждала своей участи. Не доходя шаговъ полутора, дивизионъ, съ крикомъ «ура!» понесся въ карьеръ на пѣхоту... его встрѣтили залпомъ... но драгуны бойко влетѣли въ ряды, смяли и уничтожили каре. Часть колонны бросилась въ рассыпную; но подоспѣли казаки, и началась угонка: все поле усылно было бѣжавшими пѣхотинцами, которыхъ рубили драгуны или кололи казаки. Ни одинъ человекъ не спасся отъ смерти или плѣна. Убитыхъ и раненыхъ было до двухсотъ человекъ; въ плѣнъ взято: шесть офицеровъ и сто-двадцать нижнихъ чиновъ.

Въ Бѣлжицѣ я долженъ былъ переписать плѣнныхъ и отправить ихъ въ Люблинъ. Это задержало меня нѣсколько часовъ. Я выѣхалъ изъ Бѣлжицы уже съ своимъ арріергардомъ.

Отѣхавъ версты полторы, я услышалъ впереди себя канонаду. Теперь уже она была знакома мнѣ, не какъ при Козевицѣ, и я тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло. Я поскакалъ впередъ.

Проскакавъ версты три, я въѣхалъ въ лѣсъ. Тутъ обнаружили всѣ признаки близкаго боя: эхо выстрѣловъ звонко вторилось по лѣсу; ядра съ ревомъ летали мимо, ломая вѣтви и деревья; изрѣдка встрѣчались раненые. Только что я въѣхалъ изъ лѣса, какъ передо мной открылась чудная картина: на пространствѣ полутора или двухъ верстъ, стройно стояли войска, пѣхота, кавалерія, артиллерія, спокойно, неподвижно. Все безмолствовало; только ревели орудія, издали поражая свои жертвы, и съ визгомъ носились ядра по всѣмъ направленіямъ; инныя попадали въ колонны, инныя тяжело падали на землю и потомъ, съ урчаньемъ, подпрыгивая, катились дальше. Возлѣ колоннъ лежали убитые, въ разнообразныхъ положеніяхъ.

Для меня это было еще первое правильное сраженіе.

Сѣравскій еще наканунѣ рѣшился попробовать съ нами счастья въ битвѣ. Его генеральнаго штаба офицеры избрали прекра-

свою позицію при деревнѣ Вроновѣ. Оба фланга ея прикрыты были большимъ лѣсомъ; въ тылу также лѣсъ, который, въ отступленіи, могъ служить превосходной защитой. Въ центрѣ деревня, занятая сальною массою пѣхоты. Возлѣ деревни проходила бѣлижская дорога, на которой стояли всѣ шесть орудій Сѣвраскаго. Стрѣлки разсыпаны были на флангахъ, по опушкамъ лѣса и кустарникамъ; кавалерія — между пѣхотой и въ резервѣ. Войска расположены были съ знаніемъ дѣла. Ключъ позиціи — Вроново — былъ, по возможности, защищенъ рогатками и засѣками.

Теперь только объяснилось, почему Сѣвраскій оставилъ въ Бѣлижѣ на жертву двѣ роты своей пѣхоты; ему нужно было выиграть время, чтобъ устроиться на избранной позиціи. Обреченная на гибель рота исполнила добросовѣстно свое назначеніе: она слишкомъ два часа задержала нашъ авангардъ. Въ дѣло вступилъ, разумѣется, прежде всѣхъ нашъ авангардъ. Бываю онъ сталъ дебушировать изъ лѣса, бывшего передъ неприятельской позиціей, какъ это выше сказано, его встрѣтилъ сильнымъ огнемъ съ неприятельской батареи. Авангардъ проигралъ, вѣсивъ свои четыре орудія и защищаясь упорно; но войска наши подходили безпрерывно, число орудій возросло, все становилось въ правую сторону, и черезъ полчаса неприятеля громилъ на всѣхъ пунктахъ; двадцать нашихъ орудій, въ числѣ которыхъ было двѣнадцать батарейныхъ; ихъ лохавшіяся гранаты страшно спускошали ряды неприятеля. Нетрудно было рѣшить съ перваго взгляда, чѣмъ кончится бой.

Войска наши были расположены слѣдующимъ образомъ: въ центрѣ — Муравьевъ, съ четырьмя баталіонами пѣхоты и двѣнадцатью орудіями; на правомъ флангѣ — графъ Толстой, съ кавалеріей, казаками и четырьмя орудіями, и еще метучій отрядъ Апраха; на лѣвомъ флангѣ — кавалерія, съ четырьмя орудіями. Остальная пѣхота, кавалерія и артиллерія въ резервѣ, подъ командой принца Адама Виртембергскаго. Сила наши численною были равны съ неприятельскими; но у насъ былъ значительный перевѣсъ въ артиллеріи: у неприятеля шесть пушекъ, у насъ тридцать.

Муравьевъ, подойдя на довольно близкую дистанцію, открылъ сильный огонь изъ орудій. Неприятель отвѣчалъ сначала успѣшно; но скоро одно изъ его орудій было подбито; видно было, какъ это орудіе увезли назадъ съ поля. При остальныхъ,

прислуга была перебита наполовину. Держаться было трудно. Часа черезъ два неприятельская батарея снялась съ позиціи и скрылась въ лѣсу. Пѣхота наша, съ барабаннымъ боемъ, двинулась впередъ, но была остановлена засѣвнымъ въ деревнѣ неприятелемъ. Выслали стрѣлковъ, и началась перестрѣлка.

Съ тѣмъ временемъ, на правомъ нашемъ флангѣ, дивизіонъ конныхъ егерей атаковалъ неприятельскихъ стрѣлковъ, разсыпанныхъ по кустарнику; человекъ шестьдесятъ отрѣзалъ и положилъ на мѣстѣ. Но въ тотъ моментъ, какъ конные егеря управлялись со стрѣлками, вдругъ, на лѣвомъ ихъ флангѣ, внезапно явилась изъ лѣса неприятельская колонна пѣхоты, поддержанная кавалеріею, и открыла батальный огонь. Это было неше, чѣмъ во сраженіяхъ отъ атакующаго дивизіона. Конные егеря, утомленные храбростію слишкомъ далеко впередъ, смутились и стали колебаться; но случившійся здѣсь на ту пору начальникъ штаба, бывший свидѣтелемъ и молодецкой атаки конныхъ егерей и смѣлаго удара на нихъ неприятельской пѣхоты, мигомъ поправилъ дѣло. Стоявшему тутъ же, съ двумя орудіями, артиллерійскому офицеру, онъ скомандовалъ: «картечь!» и тотчасъ, въ подкрѣпленіе конныхъ егерей, послалъ, на большихъ рысяхъ, полкъ драгунъ. Обѣ пушки зарядили картечью. Съ перваго же выстрѣла въ колоннѣ неприятельской сдѣлалась страшная кутерьма, со втораго — батальный огонь умолкъ, колонна заколебалась; еще два выстрѣла — и колонна обратилась въ бѣгство. Драгуны кинулись было за ней; но она успѣла скрыться въ лѣсъ. Нашъ правый флангъ остался на этой новой позиціи, зайдя, такимъ образомъ, въ лѣвый флангъ неприятеля.

Занятіе центральной деревнишло неуспѣшно; стрѣлки дѣлали часть вели безполезную перестрѣлку. Муравьевъ, увидя смятеніе на лѣвомъ флангѣ неприятеля, произведенное, какъ я сейчасъ описалъ, нашей атакой и смѣлымъ отпоромъ, приказалъ ударить въ штыки. Гренадеры, съ крикомъ «ура!» кинулись въ деревню и мигомъ выбили пѣхоту. Неприятель, сбитый въ центрѣ, не могъ долѣе держаться. Онъ успѣшно отступилъ къ лѣсу и побѣжалъ въ Ополѣ. Дѣло кончилось часа въ два пополудни.

Мы не преслѣдовали: войскамъ дали отдыхъ на два часа.

Пользуясь даннымъ войскамъ отдыхомъ, я отправился обозрѣвать поле сраженія.

Между убитыми на правомъ флангѣ, гдѣ картечь наша истребила до сотни человѣкъ, лежалъ трупъ молодого польскаго офицера, красавца въ полномъ смыслѣ. Его сразила картечь въ минуту, когда онъ, повидимому, менѣе всего ожидалъ смерти на прекрасномъ его лицѣ сохранилась даже улыбка; онъ походилъ скорѣе на снащаго; еслибъ блѣдность лица и запекшаяся на головѣ кровь не свидѣтельствовали, что онъ безпробудно заснулъ своимъ вѣчнымъ. Я не могъ узнать фамиліи этого юноши, но по его благороднымъ чертамъ лица, по его аристократической рукѣ и маленькой ногѣ, по его изящному бѣлью, можно было видѣть, что онъ принадлежалъ къ хорошей фамиліи.

Слѣзши съ лошади, я долго стоялъ надъ этимъ столько заинтересовавшимъ меня трупомъ. Воображеніе мое, отъ природы настроенное на романическій ладъ, готово было утвердить меня въ мысли, что передо мной лежитъ убитая, переодѣтая дѣвушка: такъ изящны и женственны были черты лица и формы тѣла этого трупа. У насъ носился же слухъ, что въ то время, когда въ польскихъ войскахъ были такія же дѣвочки-кавалеристы, какая была у насъ въ Россіи въ 1807 — 1812 году. Но меня въводила изъ сомнѣній большой, не женскій ростъ убитаго; хотя на юномъ его лицѣ не замѣчалось еще слѣда ни усомъ, ни бороды. Сколько, можетъ быть, слезъ будетъ пролито по этомъ несозрѣвшемъ растеніи, преждевременно скошенномъ неумолимою косою смерти!

Подвѣзжая къ тому мѣсту, гдѣ была неприятельская батарея и гдѣ лежало много убитыхъ въ сѣрыхъ тонкихъ шинеляхъ, я издали увидѣлъ, что одинъ неприятельскій солдатъ, который лежалъ въ числѣ убитыхъ, вдругъ вскочилъ на ноги, постоялъ немного и упалъ, потомъ опять вскочилъ, сдѣлалъ шага два и снова повалился. Это онъ повторилъ нѣсколько разъ. Всѣ движенія его были странны и неестественны, такъ что, когда я сталъ подвѣзжать къ нему ближе, лошадь моя отъ страха уперлась и не пошла далѣе. Я принужденъ былъ слѣзть и вести ее въ поводу. Метавшійся бѣднякъ былъ артиллеристъ, въ такой же тонкой шинели, въ какой лежали здѣсь и убитые. Голова его была не покрыта. Подойдя къ нему, я спросилъ, куда онъ раненъ и не нужно ли ему помощи. Артиллеристъ посмотрѣлъ на меня безумными глазами и, ни слова не отвѣчая, продолжалъ бросаться въ стороны и, по прежнему, вставать и падать. Тщетно я осматривалъ его и искалъ на немъ слѣдовъ крови: ея нигдѣ не

было. Руки его и ноги были цѣлы; онъ владѣлъ ими свободно. Но не могъ же онъ дѣлать своихъ странныхъ эволюцій безъ какой нибудь особенной причины! Когда онъ упалъ, уже въ пятый разъ, при мнѣ, я увидѣлъ, что у него вся голова побагровѣла. Тогда я понялъ, что бѣднякъ сильно контуженъ въ голову и, вѣроятно, сошелъ съ ума. Черезъ часъ, проѣзжая опять мимо того мѣста, я увидѣлъ, что артиллеристъ лежитъ неподвижно: онъ уже умеръ. Лицо и голова у него распухли и почернѣли.

Возлѣ деревни я догналъ четырехъ нашихъ солдатъ, которые несли раненаго молодого польскаго офицера. Онъ былъ блѣденъ какъ трупъ; но жизнь еще не угасла въ немъ. Обѣ ноги его были перебиты ядромъ повыше щиколотокъ. Когда его несли, то ступни его, державшіяся только на жилахъ, висѣли и болтались. За раненымъ шелъ лекарь. Онъ велѣлъ остановиться у первой избы и внести туда раненаго, который былъ почти въ безчувственномъ состояніи. Раненаго положили, сколько можно удобнѣе, на столъ, и лекарь весьма хладнокровно принялся отрѣзывать ему обѣ ноги. Лекарь говорилъ, что раненый, быть можетъ, и не выдержитъ ампутаціи, потому что слишкомъ уже истощенъ потерей крови. Все это говорилось и дѣлалось съ неистижимымъ равнодушіемъ. Я также съ совершеннымъ спокойствіемъ смотрѣлъ на страданія человѣческія и на всѣ окружающія меня жертвы насильственной смерти.

Но негодование мое было возбуждено особенно слѣдующимъ случаемъ. Окончивъ обзоръ поля битвы, я возвращался къ своему пристанищу — къ штабу, который пріютился въ хлѣбныхъ клуняхъ. Погода стояла теплая, прекрасная, поэтому никто въ избы и не заглядывалъ. Не вдалекѣ отъ штаба я наѣхалъ еще на раненаго, котораго несли шестеро солдатъ, замѣтно стараясь сохранить спокойствіе несомого.

— Вѣрно, русскій офицеръ? спросилъ я солдатъ, поровнявшись съ раненымъ.

— Кажись, такъ, ваше благородіе: говоритъ по нашему и говоритъ, что офицеръ.

— Гдѣ вы взяли его?

— Тамъ подняли, въ лѣсу.

Между тѣмъ, я внимательно разсматривалъ офицера. Лице у него было блѣдно какъ у мертваго; онъ былъ въ одной только рубахѣ, во многихъ мѣстахъ окровавленной. Одинъ изъ солдатъ

прикрылъ его своей шинелью. Глаза раненаго были закрыты, онъ совершенно походилъ на мертваго.

— Гдѣ жь платъе раненаго? спросилъ я.

— Не можемъ знать! Мы подняли его въ одной рубахѣ.

Офицеръ открылъ глаза и слабымъ движеніемъ руки далъ знакъ остановиться. Я тотчасъ сошелъ съ лошади и подошелъ къ раненому.

— Вы Русскій? спросилъ я.

— Русскій, отвѣчалъ раненый едва слышнымъ голосомъ.

— Офицеръ?

— Да.

— Котораго полка?

Онъ сказалъ.

— Фамилія ваша?

Онъ назвалъ фамилію.

— Когда же вы ранены и какъ?

— Сегодня утромъ меня послали въ развѣздъ... съ казаками... здѣсь я столкнулся съ непріателемъ... раненъ...

Офицеръ остановился: его мертвое лицо немного оживилось.

— И вы, съ утра до сихъ поръ, оставались безъ помощи?

— Раненый, я упалъ съ лошади замертво, продолжалъ офицеръ: — казаки... вѣрно, сочли меня убитымъ... и ушли...

Я пришелъ въ необыкновенное волненіе отъ этого поступка; сейчасъ поскакалъ въ штабъ и пересказалъ все начальнику штаба.

Начались розыски. Виновныхъ казаковъ отыскивали. Корпусный командиръ хотѣлъ было ихъ разстрѣлять, но смягчился, потому что казаки, дѣйствительно, сочли офицера убитымъ. При томъ же, офицеръ самъ просилъ о помилованіи виновныхъ, да и дѣла наши такъ успѣшно шли, что омрачать торжество побѣды жестокимъ наказаніемъ генералъ не хотѣлъ. Казакамъ дали домашнее исправительное внушеніе, и тѣмъ дѣло кончилось.

Раненый офицеръ, остававшійся безъ помощи въсемъ часамъ и сильно ослабленный потерей крови, долго былъ на краю могилы, однако оправился и совершенно потомъ выздоровѣлъ.

Въ четыре часа пополудни авангардъ нашъ выступилъ вслѣдъ за непріателемъ и подвигался медленно, со всеми тактическими предосторожностями. Но онъ были излишни: непріатель бѣжалъ въ страхѣ, уничтожая за собой мосты и дѣлая по лѣсистой дорогѣ засѣки. Въ бесполезныхъ предосторожностяхъ

терялось только время и давалась непріателю возможность привести въ порядокъ свои разстроеныя боемы полки.

Черезъ два часа послѣ авангарда двинулись впередъ и главные силы отряда. Онъ скоро настigli авангардъ, который, преодолевая воздвигнутыя непріателемъ преграды, не могъ идти быстро. Въстѣ съ авангардомъ пришли мы поздно ночью въ Ополь, гдѣ и ночевали.

Такъ былъ упущенъ, на этотъ разъ, моментъ совершеннаго истребленія Сѣравскаго. Но старый ветеранъ (Сѣравскій), по какому-то нелѣпому упорству, на другой день опять самъ отдался намъ въ руки, какъ увидимъ ниже.

Изъ Ополя видны были, верстахъ въ четырехъ отъ насъ, огни непріательскихъ бивуаковъ.

Здѣсь мы узнали, что Сѣравскій, опасаясь совершеннаго уничтоженія, раздѣлилъ свой отрядъ: двѣ трети кавалеріи послалъ на Камень, гдѣ она и должна была переправиться за Вислу, а остальную часть кавалеріи, всю пѣхоту и артиллерию повелъ самъ на Казимиржъ. Изъ шести пушекъ осталось у него четыре: двѣ были подбиты въ сраженіи подъ Вроновымъ и, на отступленіи, брошены въ воду.

Казимиржъ можно назвать польской Швейцаріей. Онъ стоитъ на неприступныхъ скалахъ, отсюду окруженныхъ глубокими лѣсногными оврагами и голыми глинистыми обрывами. По дѣйствіямъ Сѣравскаго, потянувшагося, съ одною пѣхотою и артиллерию, на Казимиржъ, можно было предполагать, что въ Казимиржѣ, пользуясь неприступностію его мѣстнаго положенія, онъ намѣренъ держаться до послѣдней крайности.

6 апрѣля, въ четыре часа утра, авангардъ нашъ выступилъ снова за непріателемъ и хотя не видалъ его нигдѣ, но, изъ опасенія попасть въ засаду, шелъ осторожно: передъ каждой деревней, передъ лѣсомъ и вообще передъ мѣстами закрытыми останавливался, посылалъ для развѣдыванія патрули и развѣды и, уже удостовѣрившись, что непріателя нѣтъ, продолжалъ движеніе. При такой медленности, конечно, немного надѣлаешь бѣдъ отступающему. Повторяю, что если бы Сѣравскій не упорствовалъ въ своей идѣе о чести — защищаться до послѣдней возможности — онъ ушелъ бы отъ насъ за Вислу съ неважнымъ урономъ.

Въ половинѣ дня нашъ авангардъ, верстахъ въ пяти отъ Казимиржа, настигъ непріателя, занявшаго крѣпкую позицію и при-

готовленнаго къ бою. Имѣя только баталіонъ пѣхоты, авангардъ не могъ дѣйствовать рѣшительно на пересѣченной и лѣсной мѣстности, начинающейся около Казимиржа, — мѣстности представлявшей всѣ удобства обороны для отступающаго. Поэтому наступленіе шло медленно. Въ четыре часа открылись всѣ силы непріятеля, сосредоточенныя въ превосходной позиціи у Казимиржа и простиравшіяся еще тысячь до пяти. Тутъ положительно удостовѣрились, что Сѣравскій еще разъ бросаетъ намъ перчатку и вызываетъ уже на смертный, отчаянный бой. Но теперь большинство выгодъ было на его сторонѣ. Превосходство наше въ артиллеріи уничтожалось окончательно, потому что въ казимиржскихъ обрывахъ не было ни одной позиціи, удобной для дѣйствія артиллеріи. Кое-какъ мы установили три батареи новыхъ орудій и до взятія первой позиціи били гранатами; но, когда вступила въ бой пѣхота, артиллерія должна была умолкнуть, чтобъ не бить своихъ, потому что пѣхота дралась больше въ рукопашную. Артиллерія употреблялась потомъ малыми частями уже въ продолженіе дѣла. Кавалерія рѣшительно не могла дѣйствовать. Вся тяжесть боя падала на пѣхоту.

Дѣло предстояло трудное; но чего не сломилъ русскій солдатъ, когда его съумѣютъ повести и одушевить!

Къ шести часамъ подошли къ Казимиржу всѣ наши силы. Корпусный командиръ, сознавая самъ свою медленность въ дѣйствіяхъ, рѣшился вознаграждать потерянное, сколько будетъ возможно. День склонился къ вечеру: каждая минута была драгоценна.

Корпусный командиръ подозвалъ къ себѣ генерала Муравьева, командовавшаго пѣхотой, и сказалъ:

— Ваше превосходительство! вся слава нынѣшняго дня будетъ принадлежать вамъ. На этихъ утесахъ ни кавалерія, ни артиллерія не могутъ дѣйствовать. Вамъ однимъ предоставляется честь уничтожить непріятеля: идите съ Богомъ и побѣждайте!

Корпусный командиръ пропустилъ мимо себя всѣ пѣхотные полки, сказалъ каждому привѣтливое, ободрительное слово — а онъ умѣлъ говорить съ солдатами — и полки радостно пошли въ огонь, твердымъ шагомъ, съ музыкой и съ барабаннымъ боемъ.

Вскорѣ взяли первыя высоты, занятыя непріятелемъ, взвели на нихъ одно орудіе и открыли картечный огонь; больше взвести не могли. Пѣхота дѣйствовала штыками. Непріятель, изъ

опасенія потерять свою артиллерію, отправилъ ее за Вислу, а наша артиллерія не могла дѣйствовать по мѣстности, какъ я уже выше имѣлъ случай сказать.

Черезъ полтора часа, послѣ начала дѣла, всѣ крутизны были взяты съ бою. Непріятель никакъ не могъ удержаться и, поражаемый штыками и пулями, сбѣжалъ въ безпорядкѣ къ Вислѣ.

На Вислѣ, между тѣмъ, дѣятельно провозвѣдился переправа польскихъ войскъ, на паромкахъ, на лодкахъ и даже владьяхъ. Но какъ перевозочныхъ средствъ было недостаточно, а войска безпрерывно прибывали, то у переправы столпилась огромная безпорядочная масса войскъ, проникнутая одной мыслью, однимъ желаніемъ — спастись скорѣе за Вислу... какъ вдругъ показались Русскіе...

Пѣхота наша, преодолевъ всѣ трудности, пошла съ музыкой въ мѣстечко, быстро заняла его и явилась на переправу, съ батальнымъ огнемъ и картечью.

Нельзя передать, какое смятеніе сдѣлалось на переправѣ: давка, суматоха! Все растерялось, пришло въ паническій ужасъ, бросалось на паромы, въ воду.

Подоспѣли казаки и кавалерія. Спасенія не было. Поляки бросали оружіе и сдавались въ плѣнъ сотнями.

Къ восьми часамъ все было кончено. Побѣда была совершенная. Въ плѣнъ взято: 5 штабъ-офицеровъ, 53 оберъ-офицера и 2,000 нижнихъ чиновъ, т. е. болѣе трети непріятельскихъ войскъ, бывшихъ подъ Казимиржемъ. За Вислу спаслось менѣе 2,000. Остальное погибло въ сраженіи и потонуло въ Вислѣ. Сѣравскій, съ нѣсколькими кавалеристами, ускакалъ въ Дулавы и тамъ спасся за Вислу. Казаки едва не взяли его въ плѣнъ; но, подъ вразомъ наступившей ночи, ему удалось ускользнуть. Пушки свои, какъ уже выше сказано, Сѣравскій отправилъ за Вислу еще во время боя.

Какъ ни хорошъ былъ конецъ дѣла подъ Казимиржемъ, но, нельзя не признаться, онъ былъ бы еще лучше, при неотмѣччивомъ съ нашей стороны преслѣдованіи. Еще при Вроновѣ отрядъ Сѣравскаго могъ быть истребленъ до послѣдняго человѣка. Для чего давали отдыхъ войскамъ? Они были свежи и бодры, особенно три полка кавалерійскихъ, стоявшихъ на лѣвомъ флангѣ, которые въ продолженіе дѣла не шевельнулись съ мѣста. Да преслѣдовать разбитаго непріятеля охотно пойдетъ даже утомленное войско.

Дѣйствія Сьравскаго достойны самой полной укоризны. Мы уже выше замѣтили, что, по нашему мнѣнію, ему сѣдовало бѣдѣвать. Теперь добавимъ, что если бы Сьравскій, вмѣсто того, чтобъ останавливаться изъ непонятнаго упорства сразиться съ нами и несомнѣнной вѣроятности быть разбитымъ, отступалъ не мѣшкая къ Венржу, тамъ онъ нашелъ бы отрядъ Паца, который съ 12,000 перешелъ уже Вислу. Тогда уже мы увидѣли бы передъ собой 20-ти-тысячный неприятельскій корпусъ, съ которымъ не такъ легко было бы бороться. Вѣроятность успѣха была бы для насъ болѣе, чѣмъ сомнительна. Но Сьравскій, по непонятнымъ причинамъ, искалъ битвы и нашелъ — безславное поражение.

Послѣ разгрома Сьравскаго мы обратились къ Венржу, на встрѣчу Паца, перешедшаго, какъ уже было сказано, за Вислу съ 12-тысячнымъ корпусомъ. Но Паць, узнавъ объ участи своего собрата, не считая нужнымъ подвергать себя невѣрнымъ случайностямъ борьбы и ушелъ обратно за Вислу.

Простоявъ дня четыре въ Коцкѣ и сѣдавъ о ретирадѣ Паца, мы возвратились въ Люблинъ.

X.

25 апрѣля получено было извѣстіе, что на подкрѣпленіи Дверницкаго, ратовавшаго, какъ мы выше сказали, въ Волынской губерніи, безплодно разсѣывая крамолы и смуты, идетъ Хржановскій, съ отборнымъ войскомъ. Въ какомъ числѣ было это войско, достоверно еще не знали. Хржановскій, одинъ изъ способнѣйшихъ польскихъ генераловъ, служившій до войны подполковникомъ и въ три мѣсяца достигшій, за совѣты, въ расположеніи новаго правительства, до званія дивизионнаго генерала, выступалъ въ первый разъ на сцену въ качествѣ предводителя войскъ.

Вслѣдствіе такого извѣстія, мы выступили изъ Люблина и перерѣзъ Хржановскому. 26 сосредоточились у Каміонки. Въ Коцкѣ былъ небольшой нашъ отрядъ, подъ командою генерала храбраго, но запальчиваго. Сила отряда простиралась до 1,500 человекъ. Хржановскій атаковалъ его превосходными силами и вытѣснилъ. Отрядъ отступилъ къ Фирлею. Хржановскій, не зная еще о сосредоточеніи нашихъ силъ при Каміонкѣ и полагая ихъ только въ слѣдованіи, вознамѣрился, до прибытія ихъ

уничтожить нашъ слабый отрядъ при Фирлеѣ. Онъ сильно сталъ напирать на него. Начальникъ отряда искусно навелъ авангардъ Хржановскаго на засаду, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ до 500 человекъ. Но, не довольствуясь успѣхомъ, онъ, по запальчивости своей, бросился преслѣдовать остатки авангарда, столкнулся со всѣми силами Хржановскаго, былъ, въ свою очередь, разбитъ на голову и не только потерялъ всѣхъ плѣнныхъ, но еще болѣе 500 человекъ отдалъ въ плѣнъ изъ своего отряда. Хржановскій живо преслѣдовалъ его до Каміонки, но, встрѣченный всѣми нашими силами, остановился. Здѣсь произошло небольшое артиллерійское дѣло, послѣ котораго Хржановскій отступилъ и, сдѣлавъ фланговое движеніе, въ правый нашъ флангъ, остановился у Любартова. Этимъ искуснымъ и смѣлымъ маневромъ, исполненнымъ почти на нашихъ глазахъ, онъ вдругъ очутился ближе къ Люблину, чѣмъ мы. Пораженіе подъ Фирлеемъ нашего боковаго отряда разстроило всѣ наши соображенія. Считаю, по первымъ извѣстіямъ, отрядъ Хржановскаго незначительнымъ, теперь начали думать, что онъ сильнѣе нашего.

Движеніе Хржановскаго на люблинскую дорогу, къ Любартову, въ другое время показалось бы весьма понятнымъ, потому что, еще при выступленіи нашемъ изъ Люблина къ Каміонкѣ, было уже извѣстно, что Хржановскій спѣшитъ на подкрѣпленіе Дверницкаго. Но въ этотъ разъ, отъ неудачнаго дѣла, всѣ обстоятельства покрылись какимъ-то туманомъ, и мы не знали, за что взяты. Сначала стали вытягивать и передвигать съ мѣста на мѣсто свои войска, съ цѣлью привести неприятеля въ неудобнѣе своими движеніями и, сверхъ того, показать, что у насъ силы огромны; потомъ собрали военный совѣтъ.

Корпусную квартиру, вечеромъ 27, перевели въ Козловку, верстахъ въ двухъ отъ Каміонки. Тамъ есть огромный замокъ какого-то польскаго магната, покинутый владѣльцемъ еще въ началѣ войны, изъ естественной для мирнаго гражданина боязни бранныхъ тревогъ. Въ этомъ замкѣ штабъ нашъ, какъ говорится, потонулъ: такъ обширны были его помѣщенія. Мы расположились съ такимъ комфортомъ, какой не у многихъ изъ насъ нашелся бы и дома. У каждаго было по нѣскольку комнатъ, постели съ прекрасными матрацами, набитыми волосомъ; также необходимыя принадлежности для самаго даже прихотливаго смертнаго: и мраморныя ванны, и души, и ящики для умыванья, и столики съ вещицами для туалета. Мы искренно жалѣли, что

пробываніе наше въ этомъ очаровательномъ замкѣ не могло быть продолжительно.

Въ Польшѣ мы встрѣчали тогда много такихъ огромныхъ великолѣпныхъ замковъ — свидѣтельство роскоши и богатствъ ихъ владѣтелей. Нѣкоторые изъ этихъ почтенныхъ старинныхъ обиталищъ являли очевидные признаки, что владѣльцы этой феодальной древности, застигнутые неожиданной бурей войны, оставили родную кровлю на произволъ случая съ необыкновенной поспѣшностію, увезя съ собою только деньги и драгоценности; но все убранство комнатъ осталось непривкосновенно. Нѣкоторые предметы напоминали даже о прерванныхъ внезапно обыденныхъ занятіяхъ въ домѣ, показывая тѣмъ, что хозяева какъ будто выѣхали на недалекую прогулку, на часъ или на два. На столикахъ въ гостинныхъ лежали раскрытыя книги, разбросанныя гравюры; въ будуарахъ и спальняхъ были неоконченныя дамскія работы.

Апрѣля 27, вечеромъ, собрался въ обширныхъ залахъ Козловскаго замка военный совѣтъ изъ всѣхъ генераловъ, бывшихъ при корпусѣ. Долго разсуждали, много спорили; каждый старался доказать, что его мнѣніе лучше. Послѣ многихъ преній, ничего не рѣшившихъ, согласились только на одно: послать скрытно расторопнаго офицера высмотрѣть ночью позицію непріятеля и доставить приблизительное свѣдѣніе о его силахъ, да еще графу Толстому приказали перейти съ его кавалерійскимъ отрядомъ тотчасъ же въ деревню Нѣмцы, для наблюденій по люблинской дорогѣ, и ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній. Остальное отложили до завтра.

Развѣдать о непріятелѣ посланъ былъ одинъ изъ гвардейскихъ офицеровъ, бывшихъ въ прикомандированіи при нашей гренадерской бригадѣ. Офицеръ исполнялъ опасное порученіе съ удивительною ловкостію. Пробравшись на возможно близкое разстояніе къ непріятельскому становищу, онъ хладнокровно, неустранимо высмотрѣлъ самамалѣйшія его подробности. Твердо знакомый съ лагерной службой, онъ, по расположенію войскъ, съ совершенной точностію опредѣлилъ ихъ силы. Съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія офицера, котораго показаніе должно было направить всѣ наши дѣйствія. Въ три часа по полудни офицеръ явился съ донесеніемъ, что непріятель стоитъ у Любартова очень безопасно, что у него не болѣе четырехъ батальоновъ пѣхоты, эскадроновъ восемь или десять кавалеріи и

четырнадцать орудій. Вся сила, слѣдовательно, простиралась много что до пяти тысячъ человекъ.

Тотчасъ же принялись за составленіе диспозицій. Рѣшено было атаковать непріятеля въ то же утро совокупнымъ ударомъ: съ центра и лѣваго нашего фланга, отъ Любартова — главными силами; съ праваго фланга, по люблинской дорогѣ — кавалерією графа Толстаго.

Планъ былъ превосходный. Непріятель, охваченный со всѣхъ сторонъ нашими войсками какъ сѣтью, имѣя въ тылу своемъ болотистую, топкую рѣчку, былъ бы принужденъ или пробиваться силою сквозь наши линіи, или выдаться въ болотистыя топи. И то и другое предвѣщало вѣрный, несомнѣнный успѣхъ.

Въ шесть часовъ утра велѣно было сняться съ бивуаковъ, а въ восемь атаковать. Какъ всѣ войска были сосредоточены около Козловки, то они, получивъ во-время свои диспозиціи, выступили въ назначенный часъ. Объ отправленіи же диспозиціи къ графу Толстому, въ суетахъ сѣбшней работы, не позаботились. Диспозицію эту слѣдовало бы отправить прежде всѣхъ, потому что отъ Козловки до Нѣмцевъ было верстъ десять, а ее отправили послѣ всѣхъ, да еще, при отправленіи, казаку, повезшему диспозицію, сказали, чтобъ онъ былъ остороженъ и не поспалъ, на прямомъ переѣздѣ въ Нѣмцы, въ руки непріятеля, и что; поэтому, ему дозволяется сдѣлать *маленькій* объѣздъ. Нашимъ казакамъ, всегда до крайности осторожнымъ, нѣтъ надобности давать предостерегательные совѣты: казакъ рѣдко падаетъ въ неисконную бѣду. Но когда ему внушатъ мысль о вѣроятной опасности, онъ, естественно, удесятеритъ свою осторожность и, получивъ дозволеніе на *маленькій* объѣздъ, не затруднится сдѣлать его и въ двадцать верстъ.

Въ назначенный часъ, всѣ войска, за исключеніемъ отряда графа Толстаго, выступили къ Любартову, бывшему отъ Козловки въ пяти верстахъ. Утро было теплое, прекрасное; весеннее солнце оживляло природу.

Мы шли въ боевомъ порядкѣ, съ вынутыми саблями и зажатыми фитилями, готовые каждую минуту вступить въ сраженіе. Мѣстность представляла всѣ удобства къ такому движенію. Позиція непріятеля закрывалась отъ насъ холмами и небольшими высотами, которыя, по странной безпечности, не были даже никакъ заняты. Поэтому все благоприятствовало быстрому, внезапному нападенію, предположенному диспозиціею; оно ка-

залось тѣмъ болѣе возможнымъ, что передовые наши разъѣзды, сновавшіе по вѣснмъ направленіямъ передъ линіями войскъ, безпрерывно давали знать, что непріятель не трогается съ мѣста и, повидимому, не ждетъ нападенія.

Подойдя къ послѣднимъ возвышеніямъ, скрывавшимъ насъ отъ непріятеля, корпусный командиръ, находившійся при войскахъ, приказалъ остановиться и приготовиться къ бою. Остановка эта была первымъ шагомъ къ спасенію Хржановскаго.

Непріятель, по необъяснимой оплошности, стоялъ неосторожно и невыгодно. Позиція его была въ отлогой ложинѣ, окруженной возвышенностями. Не было ни авангарда, ни даже ведетовъ на этихъ возвышенностяхъ. Мы были только въ верстѣ, шли атаковать, а въ станѣ непріятеля никто того не подзрѣвалъ и къ защитѣ не готовился. Хржановскій провелъ ночь въ Любартовѣ, а въ лагерь было безначаліе. Казалось, что непріятель хотѣлъ спрятаться въ своей ложинѣ и потомъ уйти отъ насъ незамѣченнымъ. Расположеніе съ отрядомъ Хржановскаго подлѣ Любартова, оплошность и безпечность его доказывали, что практически онъ вовсе не понималъ военнаго дѣла, но теорію зналъ превосходно, что показалъ вчерашній его маневръ и что покажутъ еще дальнѣйшія дѣйствія.

Въ лагерь Хржановскаго люди были раздѣты, ложили раскиданы; часть людей отправилась въ мѣстечко на разные промыслы.

При нашемъ только появленіи, на возвышенностяхъ ударила тревога.... Мы ясно видѣли простыми, невооруженными глазами бѣготню и суматоху въ лагерь. Слѣдовало идти и брать непріятеля просто руками; но... мы выдвинули свои пушки и открыли жестокую канонаду.

По вліянію злаго рока, мы остановились въ тотъ именно моментъ, когда слѣдовало ускорить движеніе.

Непріятель до того ошеломленъ былъ появленіемъ нашихъ внезапной атакой, что съ четверть часа не отвѣчалъ намъ ни однимъ выстрѣломъ; но, опомнись, поставилъ также всѣ свои орудія и сталъ дѣйствовать горячо. Между тѣмъ, чтобъ прикрыть хаосъ, происходившій въ лагерь, и отвлечь вниманіе нашъ въ другую сторону, онъ выслалъ на позицію первый конноегерскій полкъ, который смѣло, подъ выстрѣлами, развернулся въ близкомъ разстояніи передъ нашими правымъ флангомъ. Движеніе этого полка мы приняли сначала за нашбреніе атака

вать и приготовились къ встрѣчѣ; но полкъ дальше не пошелъ. На этотъ разъ мы, атакующіе и сильнѣйшіе, неожиданно очутились сами въ положеніи оборонительномъ.

Между тѣмъ, артиллерія работала неутомимо: тридцать орудій съ нашей стороны и четырнадцать съ непріятельской, на протяженіи полуверсты, ревѣли безъ умолку; ядра и гранаты пронзительно рѣзали воздухъ. Пороховой дымъ плотной массой разстилался надъ войсками, и непріятельскіе солдаты едва видѣлись сквозь него, какъ будто покрытые сѣрою дымкой.

Канонада длилась уже около двухъ часовъ. Казалось, что эта смертоносная пальба должна была истребить половину людей въ рядахъ сражающихся, особенно у непріятеля, потому что на одинъ его выстрѣлъ приходилось нашихъ два и три. Грому было много, а вредъ ничтожный. Ядра нашихъ батарей, стоявшихъ на возвышенности, перелетали черезъ голову непріятельскихъ колоннъ; непріятельскія же ложились у подошвы возвышенія, потому что орудія ихъ стояли на низменности. За густотою дыма нельзя было видѣть дѣйствія снарядовъ. Но артиллеристы наши, судя по живости непріятельскаго огня, сообразили, что мало вредятъ непріятелю именно оттого, что не додально ошущено дуло пушекъ. Ошибку исправили и слѣдствія исправленія не замедлили обнаружиться: черезъ полчаса огонь непріятельскихъ батарей сталъ ослабѣвать и въ колоннахъ началось волненіе. Еще черезъ четверть часа непріятель дрогнулъ, пѣхота его начала отступать по люблинской дорогѣ, заслоняясь, какъ ширмой, первымъ конноегерскимъ полкомъ, который, какъ я выше сказалъ, стоялъ развернутымъ фронтомъ противъ нашего праваго фланга. Но ширма не скрыла движенія: отступление было замѣчено. Тотчасъ же линіи наши тронулись впередъ, артиллерія усилила огонь. Еще была возможность уничтожить непріятеля смѣлымъ ударомъ; но мы подвигались медленно, поражая отступающихъ только артиллерією.

Отступление непріятеля, начавшееся въ порядкѣ, скоро превратилось въ бѣгство. Пѣхота разбрелась: часть ея бросилась на люблинскую дорогу, другая въ Любартовъ, гдѣ засѣла за оградой костела и въ домахъ; остальное перебралось за рѣчку и по луговой равнинѣ, рассыпавшись, отступало нестройной толпой. Одна кавалерія, двигавшаяся по люблинской дорогѣ, сохраняла еще порядокъ; артиллерія же послѣдно уходила впереди всѣхъ.

Безпорядочное разбѣганіе неприятельскаго отряда было весьма живописно. Кавалерія наша тотчасъ бросилась во все направленія преслѣдовать бѣжавшія толпы. Конная артиллерія, схватив на передки, понеслась за неприятелемъ и, подскочавъ на близкую дистанцію, провозжала бѣгущихъ картечью. Все это представляло живую, одушевленную картину.

Поле сраженія очистилось. Оно было покрыто убитыми и ранеными, а также оружіемъ, аммунициею. Больше всего бросались въ глаза кинутые среди поля подбитый неприятельскій лафетъ и зарядный ящикъ, подъ которымъ и лошади и вѣдовой были убиты одной гранатой.

Теперь оставалось послѣднее средство—разбить окончательно неприятеля горячимъ преслѣдованіемъ на его безпорядочномъ бѣгствѣ; но у насъ кавалеріи было недостаточно: вся она осталась въ отрядѣ графа Толстаго, а графъ Толстой не шелъ. Къ нему, во время сраженія, послали двухъ адъютантовъ, съ приказаніемъ снѣзаться къ мѣсту битвы; но графъ Толстой все-таки не явился и адъютанты не возвращались. Преслѣдовать было нечего. Отчего же графъ Толстой не пришелъ? какая тому причина?

Причина самая простая: графъ Толстой не получилъ никакихъ приказаній. Слыша живую любартовскую канонаду, графъ Толстой, храбрый, мужественный, славолюбивый, выходилъ изъ себя отъ негодованія, что его какъ будто забыли. Сто разъ порывался онъ самовольно двинуться къ мѣсту боя, но ежеминутное ожиданіе какаго нибудь приказанія, неполученіе котораго сколько удивляло, столько же и раздражало его, приковывало его къ мѣсту. Вспомнишь, какъ важно въ военное время точное исполненіе предписанныхъ распоряженій, особенно въ рѣшительную минуту битвы, онъ страшился даже мыслить томъ, что, по удаленіи съ мѣста, ему могутъ прислать какое нибудь важное приказаніе, приказаніе двинуться, быть можетъ, совершенно въ противоположную сторону отъ мѣста сраженія, а онъ сойдетъ съ своего поста, посланный съ нимъ развѣдется и приказаніе останется неисполненнымъ.

Пробывъ въ такомъ мучительномъ положеніи слишкомъ два часа отъ начала любартовскаго боя, Толстой получилъ наконецъ свою диспозицію. Казакъ, везшій ее, изъ опасенія попасть въ руки неприятеля, сбѣгалъ обвѣздъ, какъ мы уже и намекали, слишкомъ въ двадцать верстъ, и привезъ диспозицію въ десять

часовъ. Графъ Толстой тотчасъ же двинулся на рысяхъ къ Любартову; но восемь верстъ разстоянія нельзя было пройти въ десять минутъ. Притомъ же, сберегая силы лошадей, необходимо, какъ предугадывалъ Толстой не безъ основанія, для дальнѣйшихъ и, быть можетъ, рѣшительныхъ дѣйствій, онъ принужденъ былъ удерживать порывъ свой и половину дороги идти шагомъ.

На пути встрѣтились и адъютанты: первый сбился съ дороги и опоздалъ передать приказаніе; второй прѣхалъ въ то время, когда приказаніе уже исполнялось.

Приближаясь къ люблинской дорогѣ, графъ Толстой увидѣлъ бѣжавшія неприятельскія массы, уже далеко ушедшія. Онъ бросился за ними на помощь той кавалеріи, которую отправили въ преслѣдованіе отъ главныхъ нашихъ силъ.

Часть нашихъ гренадеръ, съ нѣсколькими батарейнными орудіями, обратили къ Любартову, чтобъ уничтожить оставшуюся тамъ неприятельскую пѣхоту. Полкъ драгунъ, съ четырьмя легкими орудіями, понесся на толпы, разсѣявшіяся по луговой сторонѣ рѣчки. Въ этой толпѣ бѣжавшихъ ясно была видна масса нашихъ пѣнныхъ, взятыхъ наканунѣ подъ Фирлеемъ. Пѣнныхъ конвоировала, въ должномъ порядкѣ, рота солдатъ, не бывшая въ дѣлѣ. Въ то время, когда неприятель былъ сбитъ съ позиціи, пѣнныхъ нашихъ вывели изъ Любартова на луговую сторону рѣчки, и, къ досадѣ нашей, вели очень спокойно, посреди общей суматохи. На эту-то массу и ударили драгуны, съ цѣлюю освободить пѣнныхъ. Драгуны неслись на большихъ рысяхъ и уже настигали колонну съ пѣнными. Конвой оробѣлъ, растерялся, открылъ за полверсты пальбу; еще моментъ, и пѣнные были бы свободны, а конвой заступилъ бы ихъ мѣсто, какъ вдругъ неожиданное препятствіе, о которомъ драгуны и не знали: скверная болотистая рѣчка! Драгуны остановились. Нѣкоторые бросились было впередъ, въ надеждѣ перебѣжать; но топь была слишкомъ глубока. Драгуны съ негодованіемъ должны были отказаться отъ своего намѣренія. За то, съ досады, артиллеристы подскочили къ самой рѣчкѣ и приняли бѣжавшихъ въ картечь; но неприятель укрылся въ гѣсь, покрывавшій всю залуговую сторону. Впрочемъ, пѣнные наши, связывавшіе послѣднее отступленіе Хржановскаго, были имъ брошены на другой же день.

Гренадеры, направленные въ мѣстечко, кинулись на ограду костела; ихъ встрѣтили дружнымъ батальнымъ огнемъ человекъ триста непріятельскихъ пѣхотинцевъ, забравшихся за ограду. Гренадеры отступили. Начальствовавшій здѣсь генералъ Феллеръ закричалъ одной встрѣченной имъ ротѣ:

— Куда бѣжите! тусы!

Ротный командиръ, подпоручикъ Кафка, остановилъ роту тотчасъ же возразилъ генералу:

— Ваше превосходительство! мы *отступаемъ*, и не отъ трусости. Это вы сейчасъ увидите!

Вслѣдъ за этимъ онъ скомандовалъ своей ротѣ: «впередъ» повелъ ее твердымъ шагомъ къ дверямъ ограды и самъ герой пошелъ впереди всѣхъ.

Рота подошла къ дверямъ: онѣ были заперты. Кафка вынулъ солдатское ружье и сталъ выбивать прикладомъ дверь. Нѣсколько человекъ изъ роты кинулись къ нему на помощь. Въ минуту дверь отбили. Кафка первый бросился въ нее, и это мгновеніе раздался залпъ... Кафка, пронзенный двадцатью пулями, изъ которыхъ половина попала ему въ лицо, палъ мѣстъ жертвою своей храбрости и оскорбленія, которое онъ понесъ, будучи незаслуженно и котораго его самолюбивая душа не могла перенести. Все, что было передъ дверью, или убито, или ранено. Но кровь этихъ жертвъ воспламенила солдатъ, и они съ оглушительнымъ шумомъ ринулись за ограду, черезъ трупы товарищей и своего любимца начальника. За ними вторгнулось еще нѣсколько рот. Тогда за оградой началась рѣзня. Освирѣпѣлые гренадеры не кололи штыками болѣе ста человекъ, остальныхъ забрали плѣнъ.

Героическая смерть Кафки проложила намъ путь къ побѣдѣ, хотя успѣхъ былъ бы легко приобрѣтенъ и не цѣною его жизни. Но Кафка хотѣлъ умереть, и умеръ благородною смертію. Тѣло этого доблестнаго офицера въ пылу боя оставили всѣ въ забвѣніи; но не оставилъ его одинъ вѣрный стражъ — пудель Кафки. Этого преданнаго животнаго, не сводившаго глазъ съ обезображеннаго и обгагренаго кровью лица его господина, не могъ оторвать отъ трупа. Кафку тутъ же за оградой и похоронили. Вѣрный пудель остался на могилѣ. Солдаты звали его — онъ сошелъ. Что сдѣлалось съ нимъ послѣ, неизвѣстно. Впрочемъ это не первый примѣръ безграничной привязанности собаки къ человеку.

По мѣстечку начали стрѣлять брандскугелями. Черезъ десять минутъ, въ нѣсколькихъ домахъ, зажглись на крышахъ, какъ свѣчи, огоньки; еще черезъ пять минутъ вспыхнуло пламя и, ничѣмъ не удерживаемое, полилось по крышамъ домовъ и въ полчаса, при усилившемся вѣтрѣ, охватило все мѣстечко. Огонь ярился, волнуясь какъ бурное море и вздымаясь громадными красными языками къ небу; дымъ какъ туча облегалъ весь горизонтъ; пожаръ свирѣпствовалъ на пространствѣ двухъ квадратныхъ верстъ. Засѣвшие въ мѣстечкѣ Поляки иные сдались въ плѣнъ, другіе погибли въ пламени.

Корпусный командиръ сильно негодовалъ на графа Толстаго за то, что онъ не подошелъ къ сраженію, и неполный успѣхъ побѣды относилъ къ его винѣ. Онъ еще не зналъ причинъ, задержавшихъ Толстаго. Но еслибъ даже Толстой и былъ виноватъ (мы уже видѣли, что онъ нисколько не виноватъ), то не могли ли мы и безъ отряда графа Толстаго разгромить въ концѣ Хржановскаго? Очень могли: два момента было самыхъ благоприятныхъ для этого, какъ мы уже и объяснили. Нашъ вождь, конечно, самъ чувствовалъ, что именно лишило его полного торжества. Но, для оправданія себя, необходимо же было раздѣлять вину съ другимъ.

Корпусный командиръ, окруженный генералами и свитой, вѣдалъ черезъ поле битвы, разсуждая горячо и съ огорченіемъ о ничтожномъ результатѣ дѣла.

Впереди насъ, вдалекѣ, раздавались пушечные выстрѣлы, громившіе бѣжавшаго непріятеля. Позади пылали Любартовы. Войска всѣ были отправлены въ преслѣдованіе. Здѣсь оставался только конвойный дивизионъ драгунъ.

Вдругъ настагаетъ свиту одинъ изъ нашихъ генераловъ. При немъ вѣхалъ фурштатъ, въ сѣрой солдатской шинели, съ фуражкой въ рукахъ, на гнѣдой лошади.

Генералъ подѣхалъ прямо къ корпусному командиру.

— Ваше превосходительство! сказалъ генералъ: — фурштатъ этотъ увѣряетъ, что онъ видѣлъ въ Каміонкѣ будто бы плѣную дивизию непріятельской пѣхоты.

— Что такое? спросилъ корпусный командиръ, встревожась: — что ты говоришь? спросилъ онъ фурштата.

Надобно сказать, что Каміонка осталась у насъ въ тылу и въ ней расположенъ былъ нашъ вагенбургъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство! отвѣчалъ фурштатъ чистымъ русскимъ нарѣчіемъ степныхъ губерній: — въ Каміонкѣ пѣхоты видима-навидима!

— Какой пѣхоты?

— Польскій.

— Ты самъ видишь?

— Самъ, своими глазами.

— Да зачѣмъ ты былъ въ Каміонкѣ?

— Меня съ полка послали за фуражемъ. Я, какъ увидѣлъ Поляковъ, наслы поги унесъ.

Это извѣстіе такъ ошеломило всѣхъ, что минуты на двѣ мы какъ будто онемѣли: никто изъ насъ слова не выговорилъ. Не обходимо сказать, что мы все еще достовѣрно не знали о силѣ непріятеля, перешедшаго на правый берегъ Вислы. Передъ нами былъ Хржановскій; но слухи носились, что за нимъ идетъ Пацъ съ 8,000 отрядомъ. Но какъ слухъ ничѣмъ не подкрѣпился, а мы утвердились въ той мысли, что Хржановскій не поддержитъ Пацомъ. Извѣстіе, привезенное фурштатомъ, имѣло полный видъ достовѣрности. Весьма естественно можно было предположить, что, пока мы управлялись съ Хржановскимъ, обратятъ неключительно на него все свое вниманіе, Пацъ перешедъ Вислу и неожиданно явится у насъ въ тылу.

— Если это такъ, сказалъ корпусный командиръ, вполголоса: — то намъ нужно думать не о побѣдѣ, а о спасеніи.

Тотчасъ же адъютанты и ординарцы понеслись во всѣмъ направленіи, съ приказаніемъ остановить преслѣдованіе.

Одинъ изъ конвойныхъ эскадроновъ отправили на рясляхъ въ Каміонку, удостовѣриться, справедливо ли извѣстіе, доставленное фурштатомъ.

До Каміонки было около семи верстъ; следовательно, требовалось не менѣе полутора часа времени, чтобы посланный эскадронъ успѣлъ возвратиться, если онъ еще благополучно исполнитъ свое порученіе.

Мы остались на томъ же мѣстѣ, разсуждая, не совсѣмъ спокойно, о непріятномъ положеніи попасть въ тиски между двухъ непріятельскихъ отрядовъ. Корпусный командиръ начерталъ уже прекрасный планъ для дѣйствій, въ случаѣ, еслибъ Пацъ или другой кто сталъ у насъ въ тылу. Онъ говорилъ окружающимъ его генераламъ:

— Если въ Каміонкѣ, дѣйствительно, есть непріятель, то мы сейчасъ же его атакуемъ. Хржановскій не успѣетъ опомниться и собрать своихъ силъ, какъ мы разобьемъ уже Паца... или кто тамъ пришелъ, не знаю. Надобно дѣйствовать быстро и рѣшительно, чтобъ не дать Хржановскому времени устроиться и взять насъ въ тылъ. Это единственное средство поправить съ успѣхомъ наше дѣло: тогда вмѣсто одной побѣды мы будемъ имѣть двѣ.

Съ удивленіемъ слушали мы изложеніе такого простаго, но мудраго плана дѣйствій. Что, еслибъ съ такой быстротой и рѣшительностію, какъ предполагалось теперь, въ положеніи неблагоприятномъ, дѣйствовали противъ Сбравскаго и Хржановскаго? Какая слава озарила бы чело нашего военачальника! Но бывають странныя уклоненія въ умахъ даже людей способныхъ: у инаго пробуждается вдохновеніе въ моментъ успѣха и погибаетъ при неудачѣ; у другихъ наоборотъ: при удачѣ умъ засыпаетъ, но въ опасности встаетъ вся его сила и энергія. Нашъ начальникъ принадлежалъ, повидимому, къ послѣдней категоріи.

Въ разговорахъ и разсужденіяхъ мы совершенно забыли о фурштатѣ, виновникѣ всей этой тревоги. Никому въ голову не пришло удержать его на всякій случай.

Прошло полтора часа самаго тягостнаго ожиданія.

Но вотъ вдали показался столбъ пыли. Это возвращался изъ Каміонки нашъ эскадронъ. Отъ него отдѣлился всадникъ, который на запыленной и вымыленной лошади, поденакалъ прямо къ корпусному командиру. То былъ командиръ эскадрона, майоръ. Мы во всѣ глаза смотрѣли на него; силась предугадать истину въ выраженіи его лица.

— Ну, что? спросилъ нетерпѣливо генералъ, не давъ времени майору остановить даже лошадь.

— Въ Каміонкѣ, отвѣчалъ майоръ: — никакого непріятеля нѣтъ: это извѣстіе ложное. Нашъ вагенбургъ пошевелъ тамъ и теперь еще стоитъ; онъ никого не видалъ и ни о какомъ непріятелѣ не слыхалъ.

Трудно передать изумленіе, овладѣвшее всеми при этомъ неожиданномъ, хотя и утѣшительномъ извѣстіи.

— Что же это значитъ? спросилъ корпусный командиръ, смотря вокругъ себя на своихъ спутниковъ съ возрастающимъ недоумѣніемъ и гнѣвомъ: — мы подлымъ образомъ обмануты! Эй, фурштатъ!

— Фурштатъ! Фурштатъ! повторило двадцать голосовъ.

Но фурштата не было.

— Подайте мнѣ фурштата! закричалъ генераль: — ты фурштата, который привезъ извѣстие, что въ Каміонкѣ неприятель.

Бросились искать — фурштата нигдѣ нѣтъ: онъ какъ будто въ землю провалился.

— Что жь фурштата? повторилъ генераль, теряя терпѣніе.

— Фурштата нѣтъ, отозвался кто-то изъ свиты: — онъ, въѣхавъ въ Каміонку, былъ убитъ.

Генераль вышелъ изъ себя; но какъ негодование было бесплодно, то онъ обратился къ генераламъ съ вопросомъ:

— Что жь это значитъ, господа? это явная измѣна!

Какъ будто не довѣряя еще полученному извѣстію, коронованный командиръ снова подозвалъ къ себѣ майора, командовавшаго эскадрономъ въ Каміонку.

— Вы входили въ самую Каміонку? спросилъ онъ.

— Въ самую Каміонку, отвѣчалъ майоръ.

— Видѣли нашъ вагенбургъ?

— Видѣлъ вагенбургъ, видѣлъ вагенмейстера. Онъ стоялъ спокойно и благополучно.

— Фу, какая глупость! вскрикнулъ генераль, давъ шпоръ своей лошади.

Онъ проѣхалъ некоторое разстояніе въ глубокомъ безмолвіи и размышленіи и вдругъ остановился. Вся свита, раздумываясь за нимъ, также остановилась.

— Адъютанты! ординарцы! крикнулъ генераль, подавляемъ досадой: — скачите, летите во всѣ войска! прикажите дуну неприятеля, сидѣть у него на плечахъ, не давать ему ни минуты покоя!

Человѣкъ десять адъютантовъ и ординарцевъ поскакали въпередъ съ приказаніями.

Но въ два часа времени неприятель ушелъ далеко и безвѣстно выигралъ и времени и пространства. Онъ успѣлъ въ эти два часа переправиться черезъ р. Вепржъ, уничтожить на ней дѣржаву и стянуть въ Ленню разбѣжавшійся свой отрядъ. Оттуда прикрываясь Вепржемъ, онъ на другой день продолжалъ отступать, со всевозможною поспѣшностію, къ Замостью.

Но кто былъ этотъ фурштатъ, этотъ злой духъ, который такъ легковѣрно мы дозволили обмануть себя и ввести въ обманную для нашего самолюбія ошибку?

Это былъ — переодѣтый польскій офицеръ!... Нельзя не подивиться его мужеству и самоотверженію. Выказанныя имъ неустрашимость, ловкость, находчивость, дѣйствительно, изумительны. Какъ естественно выполнилъ онъ принятую на себя роль, которая, при одномъ словѣ замѣшательства, стоила бы ему жизни! И какое, притомъ, самопожертвованіе! Чтобъ спасти свой отрядъ, онъ несъ на жертву свою голову.

Между нами, Русскими, бывали подобные, но высшіе по цѣли подвиги самоотверженія: въ 1812 году былъ у насъ знаменитый партизанъ Фигнеръ, который, во время занятія Москвы Французами, переодѣтый въ крестьянское платье, прожилъ тамъ три недѣли; въ 1813 году, онъ пробылъ десять дней, подъ видомъ купца, въ Данцигѣ, который былъ во власти Французовъ. Осторожная полиція Французская уже возмѣла противъ него подозрѣнія, арестовала его и подвергала различнымъ испытаніямъ, чтобы добиться истины; но изворотливый, неустрашимый Фигнеръ геройски выдержалъ всѣ испытанія.

Затѣмъ мы назовемъ Сусанина и къ этому имени не смѣемъ прибавить ни слова отъ себя. Сердцу всякаго Русскаго оно говоритъ громко и краснорѣчиво, громче и краснорѣчивѣе, чѣмъ всякія хвалебныя цѣсни.

Подробности о переодѣтомъ польскомъ офицерѣ я узналъ уже послѣ войны, въ Варшавѣ. Я встрѣтилъ тамъ Хржановскаго, имѣвшаго анакомыхъ между нашими офицерами, и слышалъ, какъ онъ рассказывалъ, что самъ не можетъ повѣять, какъ онъ успѣлъ спастись подъ Любартовымъ; что отчаянная попытка подослать переодѣтаго офицера была вынуждена совершенною крайностію и что онъ никогда самъ не ожидаетъ отъ этой замысловатой выдумки такого колоссальнаго успѣха.

Задерживаемые переправами и другими препятствіями, которыя противопоставлялъ намъ, на своемъ отступленіи, Хржановскій, мы не могли быстро преслѣдовать его и тѣмъ менѣе предугадать въ Красноставѣ, при поворотѣ къ Замостью. Онъ такъ поспѣшно ретировался, что чрезъ Красноставъ прошелъ почти сутками прежде насъ. Утомленный авангардъ нашъ довольствовался только отсталыми, которыхъ взялъ въ плѣнъ до восьмисотъ человѣкъ, да освободилъ изъ плѣна своихъ пятьсотъ Русскихъ. Вся потеря неприятеля въ дѣлѣ подъ Фирлеемъ и Любартовымъ, а также и на отступленіи, не превышала тысячи пятисотъ человѣкъ; а онъ могъ бы потерять втрое больше.

На третій день Хржановскій прибылъ въ Замостье, гдѣ оставался долго безъ дѣла, потому что цѣль его смѣлаго движенія черезъ Люблинское воеводство рушилась. Дверницкій, на помощь которому онъ былъ посланъ, разбитъ былъ Ридигеромъ на Стырь подъ Беромлей, погнанъ въ предѣлы Австрій и там сложилъ оружіе. Тамъ и кончилась попытка Дверницкаго во мутить Волынь и Подолию, — попытка, лишившая его мгновенно всѣхъ добланныхъ вѣнковъ, лавры которыхъ, какъ осенній листъ съ дерева, осыпались съ разу; самое имя его погибло въ завеніи.

Послѣ этой экспедиціи, мы снова возвратились въ Люблинъ, но оставались тамъ недолго. На наше мѣсто приехалъ Ридигеръ, а насъ перевели въ Сѣдлецъ.

Въ Сѣдлцѣ намъ было дурно: городъ опустѣлый, разоренный войной, не доставлялъ намъ ни одного изъ тѣхъ удовольствій, какими пользовались мы въ Люблинѣ. Люблинъ оставилъ по себѣ много пріятныхъ воспоминаній.

XI.

По арміи разнеслась вѣсть о кровопролитной битвѣ подъ Остроленкой. Здѣсь, какъ и подъ Гроховымъ, главнокомандующій держалъ въ своей рукѣ судьбу войны и судьбу Варшавы, здѣсь онъ также могъ покончить войну и искоренить столицу Польскаго царства. Но ошибка, сдѣланная подъ Гроховымъ, повторилась и при Остроленкѣ. Послѣ гроховскаго разгрома, польская армія, на половину уничтоженная, потрясенная въ самомъ основаніи своемъ, не могла сопротивляться: она утратила и физическую и моральную силу. Варшава также упала духомъ. Но мы не воспользовались плодами побѣды, не преслѣдовали разбитаго непріятеля — и армія его снова устроилась и жители Варшавы снова ободрились.

Подъ Остроленкой произошло то же самое. Польская армія, понесшая огромныя потери, бѣжала съ поля сраженія въ совершеннѣйшемъ разстройствѣ. Варшава, оставшаяся безъ арміи, снова готова была преклониться передъ побѣдителемъ; но мы и тутъ не воспользовались побѣдой, не преслѣдовали непріятеля — и война, уже угасавшая, снова всыхнула.

Послѣ остроленской битвы, главные силы нашей арміи сосредоточились у Пултуска и хотя оставались въ бездѣйствіи,

но такъ стѣснили движенія польской арміи, уже успѣвшей сформироваться наново, что она не смѣла сдѣлать шага, не рискуя потерять средоточіе своихъ способствъ — Варшаву. Паденіе Варшавы было бы вмѣстѣ паденіемъ всего возстанія, разрушеніемъ всѣхъ надеждъ и мечтаній Поляковъ. Пултускъ весьма важный стратегическій пунктъ при предпріятіяхъ на Варшаву, и русскій вождь весьма разумно избралъ его центромъ своихъ дѣйствій, до осуществленія новыхъ предначертаній къ продолженію войны.

Сосредоточеніе нашихъ силъ у Пултуска, повидимому, открывало непріятелю прямой путь на наши сообщенія и въ Россію, черезъ Сѣдлецъ. Но, въ сущности, едва ли это не была приманка. Не безвѣстно было, какъ враговъ нашихъ всегда обольщала мысль вторгнуться въ Россію. Еслибъ они, соблазнившись приманкой, двинулись на черту нашего отечества, то нѣтъ сомнѣнія, что обратный путь къ Варшавѣ былъ бы невозвратно ими потерянъ. Мы однимъ переходомъ становились между ихъ столицей и ихъ арміею и могли по произволу громить ту или другую.

Въ Сѣдлцѣ у насъ были госпитали и порядочные запасы хлѣба и фуража: все это охранялось слабымъ кавалерійскимъ отрядомъ, который, при натискѣ даже одной пѣхотной непріятельской бригады, долженъ былъ бы все вѣренное его защитѣ истребить или предать во власть врагу. Въ этихъ видахъ, перевели изъ Люблина въ Сѣдлецъ корпусъ Крейца, а Люблинское воеводство велѣли занять Ридигеру съ своимъ корпусомъ. Низложивъ Дверницкаго и очистивъ Волынь отъ мятежническихъ скопищъ, Ридигеръ, съ полной свободой, могъ вступить въ Люблинское воеводство.

Въ концѣ мая, распространились извѣстія о пріѣздѣ въ армію изъ Петербурга довѣреннаго лица, о неблаговоленіи Государя къ главнокомандующему за его неискusstныя и нерѣшительныя дѣйствія противъ непріятеля и о внезапной кончинѣ фельдмаршала. Много было по этому случаю сожалѣній, потому что покойный имѣлъ превосходныя качества души и сердца. Неудачи его въ послѣдней войнѣ происходили не отъ недостатка дарованій, а отъ безвѣннаго состоянія, которое и свело его въ могилу. Фельдмаршалъ, какъ извѣстно, умеръ отъ холеры, къ воспріятію которой организмъ его былъ уже подготовленъ предшествовавшими болѣзненными страданіями. Нужно было только, такъ сказать, поведъ, чтобъ быть пораженнымъ страшною

болѣзнию. Поводъ явился: глубокое огорченіе души честолюбивой, возвеличенной необыкновенными почестями, озаренной лучами славы и потомъ рядомъ неудачъ стодкнутой съ своего пьедестала, можетъ убить наповалъ и безъ холеры.

Въ командованіе арміею вступилъ графъ Толь. Всѣ были твердо увѣрены, что онъ останется главнокомандующимъ и вступленіе свое къ это званіе ознаменуетъ какимъ нибудь необыкновеннымъ подвигомъ, потому что въ немъ предвидѣли великія военныя дарованія. Но Толь не трогался съ равнинъ пултускихъ и оставался въ бездѣйствіи даже и въ то время, когда не пріятель, съ значительною частію своей арміи, устремился на Сѣдлецъ и проникъ до Мендзержица, угрожая прорывомъ въ Россію. Отряды наши, стоявшіе на сѣдлецкомъ шоссе и въ сѣтѣхъ Сѣдльцѣ, всѣ, одинъ за другимъ, были опрокинуты и отгнаны. Мы также отступили къ Лосицѣ. Вскорѣ, однакожь, обнаружилось, что это была только диверсія, имѣвшая цѣлью сдвинуть главныя силы наши съ центральной пултуской позиціи, сильно безпокоившей Варшаву своимъ близкимъ соседствомъ. Но какъ Толь не испугался демонстраціи и, равнодушно взирая на ухищренный маневръ, спокойно оставался при Пултускѣ, то непріятель, самъ уже опасаясь быть взятымъ въ тылъ отъ Варшавы, потянулся обратно, не сдѣлавъ намъ никакого вреда. Такое спокойствіе Толя достаточно подтверждаетъ нашу догадку, что онъ только того и желалъ, чтобы непріятель, въ стремленіи своемъ на Россію, отдался сколько можно болѣе отъ Варшавы, и что открытіе пути къ Россіи была ловушка.

Слишкомъ мѣсяцъ продолжалось бездѣйствіе нашей арміи. Сталъ носиться слухъ, что составляется новый, какой-то необыкновенный планъ войны. Всѣ были убѣждены, что планъ этотъ приведетъ войну къ скорому окончанію, потому что его составляетъ и будетъ исполнять, какъ думали вообще, генералъ Толь. Но убѣжденіе это скоро разсѣялось: главнокомандующимъ назначили фельдмаршала Паскевича, который въ началѣ іюня и прибылъ къ арміи. Этимъ вполне объяснилось, почему Толь бездѣйствовалъ.

Въ то же время и нашъ корпусный командиръ получилъ другое назначеніе. Нашъ корпусъ остался безъ начальника; полки разобрали по отрядамъ, а штабъ причислили къ главной квартирѣ. Такимъ образомъ, штабъ нашъ осуждался на совершенное бездѣйствіе и забвеніе. Это самое непріятное положеніе вояскаго

а тѣмъ болѣе въ военное время. Люди повскательнѣе меня пристроились кто куда могъ; я же и другой сотоварищъ мой по званію, прикомандированный на военное время къ штабу, оставались при своемъ мѣстѣ, ожидая рѣшенія своей участи отъ послѣдующихъ обстоятельствъ. Переходъ отъ лихорадочной дѣятельности къ совершенному бездѣйствію, въ первые два дня, казался мнѣ невыразимымъ блаженствомъ, но потомъ навелъ нестерпимую скуку. Для развлеченія, принялся я за приведеніе въ порядокъ своихъ походныхъ записокъ и теперь представляю читателю плоды моихъ тогдашнихъ трудовъ.

Генералу Муравьеву данъ былъ значительный отрядъ, изъ пѣхоты и кавалеріи, съ которымъ онъ долженъ былъ идти на присоединеніе къ главнымъ силамъ арміи въ Пултускъ. Къ его отряду прикомандировали и нашъ штабъ, чтобы привести его въ главную квартиру.

Отрядъ выступилъ изъ Сѣдльца 12 іюня, шелъ на Соколовъ, Нуръ, Брокъ и 20 прибылъ въ Пултускъ.

При этомъ передвиженіи, я имѣлъ случай убѣдиться, наблюдая со стороны, въ дѣятельности нашего новаго временнаго начальника и твердомъ его стремленіи къ порядку. Сколько разъ, бродя, въ часъ и два за полночь, по улицѣ мѣстечка или деревни, гдѣ были ночлеги отрядной нашей квартиры, я видѣлъ, какъ генералъ трудился, сидя за бумагами. Не разъ случалось мнѣ видѣть у него, въ это позднее время, чиновниковъ и адъютантовъ, явившихся съ дѣлами. Я любилъ бродить по ночамъ, которыя въ Польшѣ такъ же упоительны и роскошны, какъ наши южныя малороссійскія ночи. Отдохнувши послѣ длиннаго перехода, я всю ночь потомъ не могъ спать, и потому-то былъ невольнымъ соглядатаемъ всего, что дѣлалось ночью въ небольшомъ селеніи. Свѣтящейся въ глубокую ночь огонь въ одномъ по-цѣлому селенію домѣ, тогда какъ вокругъ все предавалось покою, возжигалъ особенное желаніе взглянуть въ окна этого дома. Такимъ образомъ, удовлетворяя извинительному любопытству, я, мимоходомъ, безнамѣренно, дѣлалъ свои наблюденія.

Движенія войскъ нашего отряда совершались въ удивительномъ порядкѣ: все было на своемъ мѣстѣ, исполнялось въ свое время; каждый зналъ, что ему дѣлать, и дѣлалъ охотно, потому что во всѣхъ распоряженіяхъ выражались правдивость, основательность и точность. Заботливость о сбереженіи людей, о ихъ продовольствіи была необыкновенная: люди всегда были сыты,

бодры и веселы, несмотря на усиленные переходы, какіе мы должны были дѣлать.

По прибытіи въ главную квартиру, на штабъ нашъ не обратили даже вниманія. Мы, старшіе адъютанты, оставались безъ всякаго занятія; явора тоже; взяли только двухъ изъ нихъ въ главное дежурство.

Мнѣ очень хотѣлось взглянуть на мѣсто пултускаго боя, бывшаго 14 декабря 1806 года. Я вышелъ пѣшкомъ и увидѣлъ большую плоскую равнину, покрытую кое-гдѣ лѣсомъ и кустарниками. Теперь пространство это занимали бивуаки нашей арміи, раскиданные на протяженіи, по крайней мѣрѣ, пяти верстѣ. Да того времени мнѣ не случалось еще видѣть такой массы войскъ въ одномъ пунктѣ. Бивуаки помѣшали мнѣ рассмотреть внимательно поле бывшаго сраженія, и я принужденъ былъ удовольствоваться самымъ поверхностнымъ обзоромъ.

22 іюня, главная квартира выступила по направленію къ прусской границѣ. Тамъ, какъ уже было извѣстно лицамъ, видѣвшимъ бюрократическія тайны, армія наша должна была переправиться черезъ Вислу и дѣйствовать на Варшаву съ противоположной стороны, фронтомъ къ Россіи. Движеніе это можно назвать необыкновеннымъ въ исторіи войнъ, потому что мы брѣли свою операционную линію; жертвовали сообщеніями и базисомъ своихъ дѣйствій и переносили театръ войны на другой конецъ Польши. Говорили, что честь изобрѣтенія этого плана принадлежала Дибичу, честь исполненія — Паскевичу. Планъ былъ сложенъ и смѣлъ, исполненіе трудное; но успѣхъ загладилъ всѣмъ уста и пресѣкъ толки и сомнѣнія, которыми была тогда наполнена вся Россія и даже Европа.

Обходному нашему движенію непріятель никакой помѣхи не дѣлалъ. Движеніе это, казалось, до такой степени озадачило нашихъ противниковъ, что они рѣшительно не знали, что предпринять. Первое, что сдѣлали они, это — смѣстили своего генералиссимуса Скржинецкаго, избравъ на его мѣсто сначала Малаховскаго и перемѣняя потомъ своихъ военачальниковъ почти каждый мѣсяцъ. Вообще движеніе это пробудило въ нихъ отчаянную безнадежность. Они увидѣли, что борьба приходитъ къ концу, и что не сегодня — завтра часъ ихъ пробьетъ.

4 іюля пришли мы въ Липно, небольшой городокъ, который въ продолженіе пяти дней, былъ подаваемъ многочисленностію главной квартиры. Въ этомъ сонмѣщѣ чиновъ и чиновни-

ковъ, именуемомъ главною квартирою и заключающемъ въ себѣ населеніе, по крайней мѣрѣ, до 500 разнаго званія лицъ, я удивлялся одному: что никогда нигдѣ не было споровъ и замѣшательства въ размѣщеніи по квартирамъ. Помѣщеніе было для всѣхъ, хотя о немъ никто не хлопоталъ и квартиргеровъ впередъ не посылалъ. По прибытіи на мѣсто главной квартиры, офицеры Генеральнаго Штаба, сопровождаемые жандармами, топографами и казаками, указывали только направленіе или, поблизости, селеніе или усадьбу, гдѣ какое отдѣленіе главной квартиры должно было помѣститься. Вы ѣдете по указанному направленію, занимаете первую, свободную еще отъ постоа, избу или дощъ, располагаетесь спокойно и можете быть увѣрены, что васъ никто не вытѣснитъ, точно такъ же, какъ и вы не имѣете права никого ни вытѣснить, ни беспокоить. Если мало избъ и дощовъ, вы помѣщаетесь въ сараѣ; нѣтъ сараѣ — становитесь на огородѣ, въ полѣ, хоть даже на улицѣ, гдѣ хотите, только для васъ никто уже мѣста не очиститъ и не подѣлитъ уголокъ, если вы не знакомы. На прозѣвавшаго помѣщеніе никто вниманія не обратитъ: пусть выбираетъ себѣ квартиру гдѣ угодно. Но такого затрудненія со мной ни разу не встрѣтилось, а часто доставались мнѣ даже хорошія квартиры, разумѣется подальше отъ центра Главнаго Штаба. Не разъ приходилось помѣщаться въ прекрасныхъ помѣщичьихъ домахъ, верстахъ въ трехъ отъ главной квартиры. При нашествіи главной квартиры на какойнибудь городъ или селеніе, занимался постоемъ каждый безъ изъятія уголокъ, на пространствѣ 5 квадратныхъ верстѣ: и дома, и чуланы, и амбары, и сараи, и сарайчики, — все наполнялось и важными и неважными чинами, штабами, управлениями и канцеляріями, составляющими громадную администрацію главной квартиры, заключающую въ себѣ болѣе 30 разнаго рода управленій, большихъ, среднихъ и малыхъ.

Въ продовольствіи часто встрѣчались величайшія затрудненія, особенно для тѣхъ, которые, по положенію, могли имѣть при себѣ только вьюкъ и, слѣдовательно, лишены были возможности возить кухонныя принадлежности, даже для стола на одну свою персону. Лицамъ высшихъ званій дозволялось имѣть повозки и экипажи, доставлявшіе имъ средства возить за собой необходимое походное хозяйство. Эти господа имѣли столь постоянно дома, не только для себя, но приглашая даже немногихъ избраннѣйшихъ, изъ своихъ спутниковъ. Мы же, молодые офи-

перы, не пригрѣтые никакимъ свѣтиломъ, должны были продовольствіи своемъ руководствоваться пословицей: «волды ноги кормятъ»; но какъ при этомъ многіе изъ насъ помнятъ также хорошо другую пословицу: «на чужой коровай рта не разѣвай», то, слѣдовательно, мы, по необходимости, нигде или у маркитантовъ, или въ плохихъ мѣстныхъ гостиницахъ. Содержаніе мы получали изобильное, даже хлѣбъ, крупу и мясо, но за все это давали деньги, а натурой—ничего; а нерѣдко случалось въ маленькомъ городкѣ или мѣстечкѣ оставаться безъ обѣда и съ маленькимъ кошелькомъ червонцевъ. Маркитантская провизія, исключительно соленая, копченая и протухшая, употреблялась только въ неизбѣжной крайности, тѣмъ болѣе, что въ Польшѣ во всѣхъ рѣшительно городахъ и во многихъ даже мѣстечкахъ есть какая нибудь гостиница или трактиръ.

Черезъ Липно безпрестанно проходили войска и стягивались къ деревнавѣ. Армія наша, со вступленіемъ Паскевича въ ея командованіе, отлично содержимая и изобильно довольствуемая, была въ превосходномъ состояніи и одушевлялась мужествомъ.

Четыре дня армія переходила Вислу. Послѣдніе полки переправились 7 июля; съ ними и главная квартира, которая перемѣнена была сначала въ Раціонженъ, потомъ въ Нышаву.

Всѣ корпуса, перейдя Вислу, становились вблизи на бивуакахъ и, такимъ образомъ, на лѣвомъ берегу этой рѣки сосредоточилась вся наша армія. Она занимала пространство верстъ на десять. Картина бивуаковъ очаровательна для взора въ высшей степени. Жизнь, говоръ, пестрота, вѣчное движеніе! Вечеромъ, передъ зарей, 50 оркестровъ музыки, одинъ другаго лучше, оглашаютъ окрестность. Вся эта лихорадочная дѣятельность, это шумное ликование, эта боевая жизнь глубоко дѣйствуютъ на молодые умы. Ими овладѣваетъ духъ брани, жажда битвы и славы.

Простоявъ на Вислѣ нѣсколько дней, необходимыхъ, по соображеніямъ главнокомандующаго, для устройства продовольствія, которое не безъ затрудненій пріобрѣталось въ предѣлахъ Пруссіи, мы выступили къ Варшавѣ, на Бржесцъ, Коваль, Гостынинъ, Гембинъ, Кернозію, и 23 пришли въ Ловичъ, гдѣ и остановились.

И этотъ переходъ совершился безпрепятственно. Поляки замѣтно упали духомъ и потеряли энергію.

Черезъ нѣсколько дней по приходѣ въ Ловичъ, дежурный генералъ арміи потребовалъ къ себѣ меня и моего товарища. Распросивъ насъ подробно о прежней нашей службѣ и о занятіяхъ въ послѣднее время, дежурный генералъ приказалъ: товарищу моему явиться въ главное дежурство, а мнѣ, съ писарями своимъ, къ военному начальнику г. Ловича, генералъ-майору Герштенцеву.

При Герштенцевѣ я исполнялъ должность правителя дѣлъ. Занятія были необременительныя. Но едва я сталъ привыкать къ новому роду службы и къ своему начальнику, какъ генералу дали другое назначеніе, а на его мѣсто назначили Притвица, при которомъ я и остался.

Въ началѣ августа, главная квартира выступила къ Варшавѣ. Притвицъ остался воеводой въ Ловичѣ. При немъ мнѣ было хорошо и спокойно; но не покоя хотѣлось мнѣ въ то время: я рвался къ Варшавѣ, въ бой, къ источнику и награды и военной славы.

Вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, явился мнѣ на помощь непредвидѣнный случай. Черезъ Ловичъ проходилъ съ корпусомъ мой прежній корпусный командиръ. Притвицъ, въ началѣ войны, также служилъ полъ его начальствомъ; поэтому мы оба и явились къ прежнему командиру. Онъ съ отверстыми объятіями принялъ меня и предложилъ состоять при немъ.

Нечего и говорить о восторгѣ, съ какимъ я принялъ предложеніе. Притвицъ, долго сопротивлявшійся, уступилъ наконецъ просьбѣ генерала и моимъ пламеннымъ желаніямъ и отпустилъ меня, съ тѣмъ только, чтобъ я нашелъ себѣ преемника, сдать ему дѣла и указалъ порядокъ ихъ веденія.

Съ жаромъ принялся я за все это; но вдругъ, среди приготовленій, наканунѣ своего выѣзда, я заболѣлъ и 12 дней пролежалъ въ постели, въ самой злой горячкѣ....

Когда я очнулся, первый вопросъ мой былъ:

— Что Варшава?

— Взята.

— Когда?

— 26 августа.

— Штурмомъ?

— Штурмъ продолжался два дня.

У меня слезы выступили на глазахъ отъ стѣсненія сердца.

Итакъ, Варшава пала! Война не могла длиться болѣе. Польшая армія, разьединенная, раздробленная, при послѣднемъ выдыханіи, еще судорожно билась своими разрозненными членами. Армію эту можно было сравнить съ исполнискою змѣей, разсѣченной на части, въ которыхъ оставалась еще искра жизни и движенія. Въ предсмертной агоніи, части эти, кидаясь безмысленно то въ одну, то въ другую сторону, теряли постепенно и жизнь и движеніе и умирали въ конуахъ. Такъ и польская армія погибла по частямъ: половина ея бросилась въ Пруссію, половина въ Австрію, и затѣмъ самое имя арміи исчезло съ политическаго горизонта.

10 октября польская война была кончена на всѣхъ пунктахъ и корпусъ нашъ, выѣтъ съ прощаніемъ, возвратился въ Россію.

А. М.—ВЪ.